ЧЕЛОВЕК
СООБЩЕСТВО
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№ 4 · 2009

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

4-2009

Издается с марта 1999 г.
Периодичность — 4 номера в год
Свидетельство о регистрации
№Р2829 от 16 марта 1999 г.
выдано Северо-Кавказским
региональным управлением
по СМИ

Учредитель:
Кубанский государственный
университет

Адрес редакции:
350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 404-н
Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:
350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149
Кубанский государственный
университет

Статьи для публикации
принимаются
по электронному адресу:
chsu1999@yandex.ru

Главный редактор:

Е.В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Алексеева Т.А., д-р филос. н., проф. (МГИМО (У); **Арутюнян Л.А.**, д-р филос. н., проф. (Ереванский ГУ); **Бабешко В.А.**, д-р физ.-мат.н., проф., академик РАН (Кубанский ГУ); **Бедерханова В.П.**, д-р пед. н., проф. (Кубанский ГУ); **Бодалев А.А.**, д-р психол. н., проф., академик РАО; **Деллер С.**, PhD, проф. (университет Висконсин-Мэдисон, США); **Жаде З.А.**, д-р полит.н., проф. (Адыгейский ГУ); **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. н., проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова); **Знаков В.В.**, д-р психол. н., проф. (Институт психологии РАН); **Иванов А.Г.**, д-р ист.н., проф. (Кубанский ГУ); **Кузьмина Н.В.**, д-р психол. н., проф. (РАО); **Латфуллин Г.Р.**, д-р экон. н., проф. (Гос. ун-т управления); **Марьин М.И.**, д-р психол. н., проф. (МВД РФ); **Никовская Л.И.**, д-р социол. н., проф. (Институт социологии РАН); **Романова А.П.**, д-р филос. н., проф. (Астраханский ГУ); **Рябикина З.И.**, д-р психол. н., проф. (Кубанский ГУ); **Сморгунов Л.В.**, д-р филос н., проф. (СПбГУ); **Фадеева Л.А.**, д-р ист.н., проф. (Пермский ГУ); **Шабров О.Ф.**, д-р полит.н., проф. (РАГС); **Шпак В.Ю.**, д-р филос. н., проф. (Южный федеральный ун-т)

Редакционная коллегия:

Авдеева Т.Т., д-р эконом. н., проф. (зам гл. редактора); **Белоконь Т.М.**, канд. филол. наук, доц.; **Дёмин А.Н.**, д-р психол. н., проф. (зам. гл. редактора); **Ермоленко В.В.**, канд. тех. н., доц.; **Ждановский А.М.**, канд. ист.н., проф.; **Кимберг А.Н.**, канд. психол. н., доц.; **Кольба А.И.**, канд. полит.н., доц. (зам. гл. редактора); **Курбатова Г.С.**, отв. секретарь; **Лаврова Т.Г.**, канд. эконом. н., доц.; **Лузаков А.А.**, д-р психол. н., доц.; **Малиночка Э.Г.**, д-р пед. наук, проф.; **Мясникова Т.А.**, канд. эконом. н., доц.; **Оберемко О.А.**, канд. социол. н., доц.; **Ожигова Л.Н.**, д-р психол. н., проф.; **Остапенко А.Н.**, д-р пед. н., проф.; **Савва Е.В.**, канд. филос. н., доц.; **Филиппов Ю.В.**, канд. эконом. н., проф.; **Фоменко Г.Ю.**, д-р психол. н., проф.; **Юрченко В.М.**, д-р филос. н., проф. (зам. гл. редактора)

Дизайн обложки:
С.Г. Ажгихин, М.Н. Марченко
Оригинал-макет:
Д.А. Хрипков
Отпечатано в типографии
Издательско-полиграфического
центра Кубанского государственного
университета
Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Подписано в печать 27.12.2009
Уч.-изд. л. 9,6. Усл. печ. л. 8,3
Тираж 1000 экз. Заказ №

4-2009

Содержание

МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА

Филиппов Ю.В. Обновление России: организационно-управленческие ресурсы местного развития 4

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Рябикина З.И., Фоменко Г.Ю. Субъектно-бытийный подход: преемственность традиций 26

Шиповская В.В. Психологический феномен беспомощности (статья первая). 38

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Седых А.Б. Вклад Джона Льюиса Холланда в психологию профессий и карьеры (к 90-летию со дня рождения известного учёного) 54

Гринь Е.И. Психическое выгорание в спорте: теоретические модели и причины феномена 68

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Стеценко А.И. Признаки когнитивного диссонанса в вузе. 76

Сидорова С.В. Место и роль средств массовой информации в антитеррористическом образовании молодёжи. 88

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Баранов Н.А. Взаимодействие церкви и государства в современной России 97

Жихарев С.Г. Современные конфликты и противоречия миграции (российский и мировой опыт) 109

АННОТАЦИИ 117

SUMMARY 120

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ» В 2009 Г. 122

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 124

ОБНОВЛЕНИЕ РОССИИ: ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ МЕСТНОГО РАЗВИТИЯ

Ю. В. Филиппов[1]

Ключевые слова: модернизация, модификация, трансформация, местное развитие, гражданское участие, социальные технологии. **Keywords:** modernization, modification, transformation, local development, civic participation, social technologies.

В ежегодном Послании Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ 12 ноября 2009 г. в качестве основной стратегической цели декларируется модернизация России, определяются стратегические направления движения страны от «архаичного общества, в котором вожди думают и решают за всех» к «обществу умных, свободных и ответственных людей» [2].

Такая постановка вопроса дает основание полагать, что речь идет не только о технологической модернизации, а о качественном изменении состояния всего общества. Будет ли материализован идеальный образ осовремененной России или «получится как всегда» зависит прежде всего от того, как каждый из нас переосмыслит этот документ: как декларацию об обязательствах государства, как поручения чиновникам, как ориентиры для изменения характера своей профессиональной деятельности…

Настоящая статья адресуется прежде всего тем, кто по роду своей деятельности причастен к проблематике муниципального управления. В ней с позиций кубанской научной школы и в контексте планируемых социальных изменений излагается видение направлений создания организационно-управленческих ресурсов местного развития:

— раскрывается содержание и взаимосвязь таких понятий, как модернизация, модификация, трансформация и развитие,

— показывается принципиальное различие деятельности местных органов власти по управлению текущими делами и по управлению развитием;

[1] Филиппов Юрий Васильевич, кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: gmu@kubsu.ru

— дается краткое описание вариантов организационного обеспечения управления развитием местных сообществ, известных в мировой практике;

— проводится типологизация органов местной власти по характеру отношений с другими субъектами местного развития;

— дается общая характеристика социальных технологий, призванных обеспечить управление поведением людей, вовлеченных в процесс развития;

— предлагается модель многоканальной связи научных и местных сообществ, обеспечивающая профессиональный подход к управлению развитием.

Такая направленность изложения объясняется в данном случае двумя простыми соображениями. Во-первых, масштабные общественные сдвиги прямо связаны с изменениями в мировосприятии людей и соответственно их поведенческих установках, которые формируются прежде всего в ближайшем окружении — месте, где они живут, работают, общаются. Во-вторых, если речь идет о спланированных изменениях, то их успешная реализация возможна лишь при наличии организационно-управленческих ресурсов, адекватных решаемым задачам.

Тезаурус развития

Наиболее полное представление о характере и глубине общественных преобразований дает понятие «развитие», которое включает три взаимосвязанные характеристики: изменения, рост, улучшение [1].

Развитие как социальные изменения связано с разработкой политики определенной мировоззренческой направленности, спланированными изменениями. Из них наиболее типичны следующие:

— модификация факторов производства и изменение структуры экономики;

— изменение структуры и функций действующих институтов;

— изменение ценностных ориентаций и отношений членов сообщества.

Следует заметить, что люди по-разному подходят к оценке этих изменений в зависимости от своего места в социальной структуре, своих способностей и многих других факторов.

Развитие как рост означает структурные изменения, которые ведут к технологическому прогрессу, повышению качества продукции и улучшению распределения товаров и услуг. Однако развитие не всегда означает увеличение объемов производства и может быть связано с уменьшением количественных показателей.

Развитие как улучшение характеризует такие социальные перемены, которые дают равные возможности более широкому кругу лиц воспользоваться общественными благами (качественное образование, здравоохранение, жилье,

участие в принятии политических решений, личная свобода, богатство культурной жизни и др.).

Таким образом, развитие следует рассматривать как «многоплановый процесс, ведущий к радикальным изменениям в социальных структурах, поведении людей, общественных институтах, а также к ускорению экономического роста, сокращению неравенства и искоренению безработицы» [7, с. 30].

По способу проведения и степени воздействия на социальный организм можно выделить три варианта развития: модернизацию, модификацию и трансформацию.

Слово «модернизация» означает «делать современным», «изменять соответственно требованиям современности, вводя различные усовершенствования» [3, с. 326].

Сегодня этот термин широко используется в науке для характеристики движения общественных систем (аграрное общество — индустриальное общество — постиндустриальное общество). Можно в какой-то степени согласиться с правомерностью употребления этого термина при том условии, что в него автор вкладывает определенный смысл, отличный от его этимологии. Но и в этом случае термин больше подходит для характеристики технологических способов производства, а не разноплановых изменений в социальном организме. Если же вернуться к его исходному смыслу, то следует прежде всего подчеркнуть, что усовершенствование даже технической системы не означает ее преобразования в новую систему. Представьте, что на автомобиль «Запорожец» поставили гидроусилитель руля… Так и в случае социально-экономической системы, усовершенствование может лишь улучшить ее функционирование. Иными словами, модернизация — это изменение с маленькой буквы.

Для характеристики модификации воспользуемся терминологией, применяемой в описании изменений живого организма, функционирование и реакция которого на внешнее вмешательство сходны с поведением социального организма. Модификация по определению связывается с появлением новых свойств, вызываемых ненаследственным изменением организма [3, с. 326].

Модификация вызывает определенные качественные изменения социально-экономической системы. Однако в силу того, что изменения носят ненаследственный характер, наследственная основа социального организма (социальный генотип) может по-разному воспринять эти изменения: ассимилировать, отторгнуть, воспринять их в извращенной форме. Примером последней реакции могут служить результаты первого десятилетия реформирования России. Приватизация, маркетизация, децентрализация были по замыслу реформаторов нацелены на преобразование административно управляемой социально-экономической системы в современное демократическое общество. Однако на практике асимметрия между скоростью изменения «правил игры»

и неготовностью людей играть по этим правилам привела к формированию общества-мутанта с характеристиками «дикого капитализма», расцвету рейдерства и коррупции… Даже в лучшем случае модификация, не подкрепленная использованием определенных технологий воздействия на социальный организм, не может гарантировать в долговременном периоде сохранения возникших новых свойств.

Устойчивость ненаследственных изменений может быть достигнута только через трансформацию. В биологии трансформация определяется как «внесение в клетку генетической информации… что приводит к появлению у клетки-трансформанта признаков, свойственных организму — источнику ДНК» [3, с. 526]. Иными словами, трансформация, рассматриваемая как результат, — это изменения на генетическом уровне. В социальной интерпретации трансформация означает устойчивые качественные изменения в представлении об идеалах, ценностях, мотивах и стимулах, добре и зле и многих других составляющих мировоззрения. Это становится фундаментом для формирования новых устойчивых шаблонов поведения, предсказуемого поведения. Трансформация рассматривается и как сознательно организованный, спланированный, управляемый процесс перевода объекта в собственных интересах из одного состояния в настоящее время в качественно новое состояние в фиксированное время в будущем.

Возможно, что изложенные размышления по поводу модернизации, модификации и трансформации были бы излишними, если бы в обществе, и прежде всего в структурах управления всех уровней, было непротиворечивое понимание того, чем мы занимаемся *содержательно:*

— усовершенствуем вполне сложившуюся социально-экономическую систему;

— вносим очередные качественные изменения в нормально формирующуюся общественную систему;

— или нужны Изменения с большой буквы на генетическом уровне.

Однако, как показывает практика, такого понимания нет. Это подтверждается исследованиями состояния стратегического территориального планирования в России, которое в первое десятилетие XXI в. стало самым модным инструментом в управленческом арсенале. Заместитель директора Института системного анализа РАН А. И. Швецов дает следующую оценку основной массе региональных «стратегий»: «Это — некие «мутанты», результат механического соединения традиционных представлений о территориальном планировании (в его советском понимании) с элементами нового (западного) подхода, остающимися после его «автохтонной» интерпретации; в лучшем случае инновационная оболочка наполняется здесь вполне традиционным содержанием» [10, с. 21]. Сущностный изъян подхода к стратегированию (в российском варианте) состоит в том, что «будущее региона рассматривается как некая функция его прошлого», «как прогноз, составленный на основе тенденций регионально-

го прошлого» [10, с. 20]. В западной интерпретации подход совершенно иной: строить будущее нужно, «исходя из «мечты», сначала решив, что и почему важно, и затем пересматривать настоящее так, чтобы оно развивалось именно к намеченному будущему» [10, с. 20].

В связи с этим возникает необходимость изменения представлений об управлении развитием. В соответствии с заявленной темой мы будем рассматривать специфику и содержание управления развитием в контексте развития местных сообществ.

2. Управление местным развитием как особый вид деятельности

Анализ документов и деятельности государственных органов власти по регламентации регионального стратегического планирования, проведенный институтом системного анализа РАН, показывает, что с 2005 г. набирает обороты процесс выстраивания «стратегической вертикали» на субординарных началах («вышестоящие» и «нижестоящие» стратегии), а сами стратегии развития рассматриваются «в качестве инструмента сугубо государственного управления» [10, с. 22-28].

Возникает вопрос: смогут ли государственные и муниципальные чиновники при опоре на собственные силы обеспечить управление развитием?

Зарубежный специалист по управлению изменениями Ф. Острофф называет четыре фактора, связанных с характером управления функционированием организаций публичного сектора (государственного и муниципального), которые объективно ограничивают возможности и готовность их руководителей к инновациям [13].

Во-первых, руководители этих организаций занимают свои посты не потому, что являются убежденными приверженцами инноваций или имеют богатый опыт реализации крупномасштабных реформ. Скорее всего эти посты занимают те люди, которые имеют политический опыт, практические навыки администрирования и политические связи.

Во-вторых, срок полномочий избираемого руководителя ограничен, поэтому невозможно довести до конца крупномасштабные изменения.

В-третьих, правила, которые регламентируют деятельность управленцев публичного сектора, изначально устанавливаются с целью не допустить ошибок и отклонений от исполнения должностных обязанностей. К тому же жизнь учит, что наказание за провал почти всегда существеннее, чем награда за успех.

В-четвертых, в демократическом обществе каждый гражданин имеет право и возможность контролировать деятельность государственных и муниципальных руководителей и служащих. И почти каждая их инициатива может быть воспринята с неодобрением какой-то частью членов сообщества. Этот фактор в российском обществе пока не имеет существенного значения.

Таким образом, целевые установки чиновника относятся к обеспечению функционирования организации.

Управление повседневной деятельностью организации — это работа в штатной ситуации, связанная с принятием стандартных решений и четким исполнением функциональных обязанностей. Управление развитием — это работа в нештатной ситуации, требующая принятия нестандартных решений, нового распределения ролей и соответственно принятия участниками процесса обязательств, выходящих за рамки формальных функций. В первом случае отношения между сотрудниками организации регулируются сложившимися координационными механизмами. Сотрудник может действовать автономно, независимо от других, руководствуясь установленными правилами. Во втором случае требуются значительные затраты времени и усилий для отработки механизмов взаимодействия участников процесса развития. Возрастает роль так называемого управления без власти. Принципиальное значение для управления развитием имеет изменение отношений с внешней средой. Связь внутренней и внешней среды как бы размывается. Влияние участников развития, внешних по отношению к организации, на принятие внутриорганизационных решений существенно возрастает. Они становятся равноправными субъектами совместного управления.

Можно обнаружить и существенные отличия принципов, лежащих в основе функционального управления, от принципов управления развитием.

К основным *принципам управления развитием* относятся:

— соучастие власти, бизнеса, населения в принятии решений, затрагивающих интересы отдельных социальных групп или местного сообщества в целом;

— доступность точной и своевременной информации и использование информационных технологий управления;

— возможность мониторинга процесса реализации стратегии развития;

— развитие социальных сетей (сетей сотрудничества) для решения проблем местного сообщества;

— укрепление базы роста (квалифицированная и гибкая рабочая сила, доступность капитала для расширения бизнеса, развитая инфраструктура, доступ к современным технологиям и ресурсам модернизации, политика развития деловой активности, развитие социальных, культурных и физических условий для повышения качества жизни);

— расширение возможностей развития предпринимательской деятельности и повышения конкурентоспособности местных предприятий на региональных и зарубежных рынках;

— создание больших возможностей для местных жителей реализовать право выбора в достижении успеха.

Организация процесса развития предполагает *два взаимосвязанных вида деятельности: идеально-преобразующей и материально-преобразующей* [1, с. 226]. Идеально-преобразующая деятельность связана с творческим мышлением, преобразованием своих взглядов на нынешнее состояние среды жизнедеятельности, ценностных ориентаций и жизненных установок. В результате этой деятельности формируется мысленно представляемая модель нового состояния местного сообщества, в которой в идеальном виде содержатся возможности качественно нового способа удовлетворения потребностей и интересов социальных групп, формулируются цели и способы их достижения.

Материально-преобразующая деятельность — это процесс материализации, практического воплощения идеальной модели нового состояния местного сообщества.

В демократическом прочтении субъектами местного развития могут быть не только властные структуры, но и бизнес-сообщество и различные общественные организации. Заметим, что в качестве инициаторов развития не всегда выступают органы местной власти. Более того, нередки случаи, когда органы власти на этапе инициации стратегического проекта, как и представители отдельных групп интересов, находятся в оппозиции. И поскольку только они наделены правом санкционировать изменения, затрагивающие интересы социальных групп местного сообщества, проект оказывается под угрозой. Следовательно, управление развитием предполагает не только разработку и действия по реализации стратегии, но и преодоление сопротивления со стороны различных групп интересов и формирование партнерских отношений с заинтересованными лицами. В связи с этим управление развитием включает целый ряд направлений практических действий:

— критическая оценка ситуации в местном сообществе (формирование представлений о проблемах и их причинах);

— планирование развития местного сообщества;

— просвещение населения (работа по формированию общественного мнения относительно ситуации и планов развития);

— организаторская работа (с целью включения людей в деятельность, ориентированную на желаемый результат);

— организационное развитие (формирование местных организаций по содействию развитию);

— обеспечение поддержки «ключевыми фигурами» (убеждение в необходимости изменения ситуации);

— политическое влияние (влияние на отношение к планируемым изменениям со стороны различных политических сил и групп интересов) [9, с. 8-10].

3. Организационно-управленческие ресурсы развития местного сообщества: общая характеристика

В российской научной литературе организационно-управленческому аспекту развития местных сообществ уделяется недостаточное внимание. Этот вопрос в определенной степени рассматривается в работах, посвященных стратегическому территориальному планированию. Однако упор делается на технологических аспектах управления процессом стратегирования. Не вошли в научный оборот такие понятия, как «организационно-управленческий потенциал местного сообщества» или «организационно-управленческие ресурсы развития местного сообщества». Гораздо чаще встречается понятие административного ресурса, содержание которого трактуется исключительно в аспекте властных отношений и структур. За рамками исследований остаются вопросы о роли управленческих воздействий в процессе стратегического планирования и месте организационно-управленческих ресурсов в общем социально-экономическом потенциале местного сообщества.

Чаще всего потенциал развития отождествляется с наличными ресурсами: задействованными, незадействованными, скрытыми. Так, например, авторы методических рекомендаций по формированию концепции социально-экономического развития муниципального образования дают следующее определение: «Социально-экономический потенциал муниципального образования характеризует возможности его развития при активизации всего комплекса территориальных ресурсов, использовании особенностей существующей и перспективной структуры его хозяйства, географического положения в интересах повышения качества жизни населения города [1, с. 36].

Авторы подразделяют социально-экономический потенциал на три составляющих блока:

— блок базовых ресурсных потенциалов развития (природно-ресурсный, экономико-географический, демографический);

— блок обеспечивающих потенциалов развития (трудовой, производственный, научно-инновационный, социально-инфраструктурный);

— блок потенциалов готовности к социально-экономическим преобразованиям [1, с. 37-40].

Приведенная классификация представляет несомненный интерес. Особенно важно выделение в ней блока потенциалов готовности к социально-экономическим преобразованиям. Авторы справедливо подчеркивают, что стартовое и конечное состояние потенциала различается, тем не менее они не ставят целью стратегического планирования формирование самого потенциала, т. е. потенциал выступает только как средство. Речь идет об использовании имеющихся ресурсов. Однако проблема ограниченности ресурсов становится все более острой. Поэтому недостаток приведенной классификации

в том, что, по сути, она отражает логику функционального управления, когда основными вопросами являются экономическая эффективность, отдача, экономический рост. Не выделяются в этой классификации и организационно-управленческие ресурсы.

Таким образом, социально-экономический потенциал исследуется в тезаурусе «экономического роста». Соответственно исходными посылками планирования становятся: сложившиеся тенденции, а не «сгибание тренда»; рост, а не изменения; экономическая эффективность, а не улучшение условий жизни.

Вместе с тем следует отметить, что само по себе наличие названных ресурсов не может гарантировать успешное развитие местного сообщества, если не будет обеспечено управление этим процессом. Управление развитием, как уже отмечалось, принципиально отличается от функционального управления и, следовательно, предполагает наличие ресурсов, адекватных этому виду деятельности.

Организационно-управленческие ресурсы — важнейшая часть потенциала развития местного сообщества. Во-первых, они призваны создать определенный формат двух видов преобразующей деятельности и обеспечить взаимосвязь идеально-преобразующей и материально-преобразующей деятельности, т. е. соединение теории с практикой. Во-вторых, их главная функция — трансформационная, преобразующая. Наличные природные, производственные, экономические ресурсы и в определенной степени человеческий и социальный капитал образуют предпосылки, экономическую базу развития местного сообщества. Организационно-управленческие ресурсы исполняют роль двигателя прогресса, приводя в движение определенную комбинацию ресурсов местного сообщества в целях достижения им нового качественного состояния.

В-третьих, для обеспечения материально-преобразующей деятельности необходимо, чтобы организационно-управленческие ресурсы (технология планирования, информация, организация сообщества и др.) соответствовали планируемым изменениям в социально-экономической жизни местного сообщества. Развитость и качество организационно-управленческих ресурсов определяют в конечном счете общий потенциал развития местного сообщества.

Организационно-управленческие ресурсы относятся наряду с человеческим и социальным капиталом к социальным ресурсам. Социальные ресурсы развития занимают особое место в ресурсном потенциале местного сообщества. Социальные ресурсы характеризуют внутреннюю способность и готовность местного сообщества к самоорганизации, самоуправлению и саморазвитию.

Социальные ресурсы вообще и социальные ресурсы местного сообщества в частности имеют ряд особенностей, принципиально отличающих их, скажем, от природных ресурсов. «Во-первых, природные ресурсы исчерпаемы, тогда как социальные в известном смысле неисчерпаемы, например,

социально-технологические ресурсы, если они используются, могут существовать как угодно долго. Во-вторых, социальные ресурсы не только частично, но и целиком возобновляемы. Использование, к примеру, коммуникативных ресурсов местного сообщества ведет не к истощению, а, напротив, к их наращиванию. В-третьих, природные ресурсы можно держать в запасе и от этого они не увеличиваются и не уменьшаются. Иное дело — социальные ресурсы. Их нельзя держать в запасе: они начинают быстро обесцениваться и деградировать. В-четвертых, природные ресурсы поддаются количественному измерению и оценке. Можно подсчитать величину энергетических ресурсов и наметить пути их рационального использования. Но труднее это сделать применительно, скажем, к тем же коммуникативным ресурсам» [1, с. 220].

В отличие от экономических ресурсов стратегической направленности, ресурсы управления носят преимущественно нематериальный характер (software). В большей степени они ориентированы на обеспечение условий для достижения местным сообществом нового качественного состояния, чем на решение текущих (тактических и оперативных) задач.

С учетом изложенного можно предложить следующее определение организационно-управленческих ресурсов развития местного сообщества. *Организационно-управленческие ресурсы развития местного сообщества* — это совокупность организационных форм, социальных отношений и технологий идеально-преобразующей и материально-преобразующей деятельности местного сообщества, направленной на качественное изменение локальной эколого-социоэкономической системы.

4. Организационные формы управления местным развитием

Как и всякий другой вид управленческой деятельности, управление местным развитием требует определенного организационного оформления. Оно может осуществляться в самых различных формах. Но смысл деятельности любой организации содействия развитию местного сообщества заключается в координации действий людей и организаций, вовлеченных в процесс развития.

Организацию содействия развитию правильнее рассматривать не как отдельный институт, самостоятельно выполняющий все поставленные задачи, а как структуру, обеспечивающую выполнение ряда функций.

Примерные функции организации содействия развитию местного сообщества:

1) *исследования* (оценка, прогноз, стратегия) с целью предоставления исходных данных о потребностях местного сообщества и способах их удовлетворения;

2) *информации* по определенным целевым видам деятельности, предоставляемой лицам и организациям, вовлеченным в процесс реализации программы развития;

3) *маркетинга*, направленного на заказчиков в соответствии с принятой стратегией развития;

4) *финансового обеспечения* финансового планирования и заключения финансовых соглашений;

5) *управления ресурсами* местного сообщества: профориентации; обучения и образования; расширения услуг местному сообществу, способствующих реализации стратегии развития;

6) *координации деятельности* местных органов управления, организаций и групп развития, связанной с достижениями стратегических целей.

Структура, обеспечивающая выполнение этих функций, зависит от величины местного сообщества, масштабности стратегических целей, степени готовности сообщества к развитию и, главное, от соответствия функционирующих местных органов управления задачам стратегии экономического развития.

Названные функции могут выполняться персоналом какой-либо существующей организации или специально создаваемой организации содействия развитию. Например, роль правления может выполнять существующий орган представительной власти или один из его комитетов. Возможен и вариант, когда формируется объединенное правление из представителей различных органов управления, действующих на территории местного сообщества.

Исполнительным директором может быть второй по рангу в местной администрации человек, полностью отвечающий за деятельность организации содействия развитию. Но лучше всего, если организация содействия развитию нанимает директора-профессионала, работающего полный рабочий день. Функции, связанные с финансами, может выполнять торгово-промышленная палата или консорциум/ассоциация местных фирм и финансовых организаций.

Местная служба занятости может взять на себя обеспечение программы развития людскими ресурсами. Наконец, близлежащий университет или колледж на постоянной договорной основе может предоставлять необходимые консультационные услуги и периодически проводить экономический анализ.

Наиболее распространены следующие типы организационного оформления управления местным развитием, действующие на постоянной основе:

— уполномоченный по содействию экономическому развитию местного сообщества в администрации муниципального образования;

— отдел в администрации муниципального образования;

— общество по содействию развитию как самостоятельное юридическое лицо;

— частная ассоциация содействия развитию;

— соседские ассоциации;

— корпорация по развитию местного сообщества.

Первые три варианта организационного оформления управления развитием местного сообщества реализуются по инициативе администрации муниципалитета. Частные ассоциации и корпорации менее зависимы от муниципальной администрации, хотя местные органы власти, как правило, имеют свое представительство в этих организациях и, по крайней мере, рычаги влияния на их деятельность.

Уполномоченный по содействию экономическому развитию является штатным работником администрации муниципального образования. Он назначается главой администрации из числа наиболее компетентных и уважаемых в местном сообществе руководителей одного из отделов. Он продолжает выполнять свои служебные обязанности в соответствии с должностной инструкцией. Одновременно ему поручается выполнение определенных функций, связанных с развитием местного сообщества (например, проведение исследований, информирование заинтересованных о планируемых проектах развития и т. д.).

Как правило, таким уполномоченным является руководитель отдела экономики. Данная форма организационного управления развитием местного сообщества требует минимальных изменений в структуре администрации, не нуждается в существенных финансовых затратах и применяется как первый шаг в процессе формирования организационно-управленческих структур местного развития.

Отдел экономического развития представляет собой структурное подразделение администрации муниципального образования. При правильном подходе к формированию такого отдела можно избежать раздувания штатов. Требуется лишь перераспределение компетенций между структурными подразделениями и соответственно пересмотр штатного расписания. Принципиально важен подбор кадров, способных заниматься идеально- и материально-преобразующей деятельностью. Этот отдел должен быть подразделением стратегического назначения, и именно с этих позиций нужно подходить к определению функциональных обязанностей его сотрудников.

Следует отметить реальную опасность утраты стратегической направленности деятельности этого подразделения и сведения его деятельности к рутинной работе (составление отчетов, традиционных прогнозов и т. п.).

Это может произойти, по крайней мере, в двух случаях:

— изначально, если при создании подразделения нет ясного понимания специфики управления развитием;

— с течением времени, если этому отделу по каким-либо причинам (кажущаяся недозагруженность работников или необходимость выполнения каких-то срочных заданий, полученных администрацией муниципального образования) даются поручения, противоречащие характеру деятельности по управлению развитием.

Общество по содействию развитию создается как самостоятельное юридическое лицо и непосредственно не входит в структуру администрации. Это общество является муниципальным предприятием, оказывающим услуги в сфере содействия экономическому развитию. Возможность создания подобного общества существует в основном в крупных городах. Финансовое обеспечение деятельности осуществляется прежде всего из бюджетных средств города. Этот вариант более дорогостоящ по сравнению с предыдущим, поскольку в этом случае требуется дополнительный персонал и материально-техническая база. Преимущество этой организационной формы состоит в том, что в состав общества могут быть введены представители других организаций (например, союза предпринимателей) и независимые специалисты.

Частная ассоциация содействия развитию получает разрешение на свою деятельность от местных властей, но финансируется местными фирмами. Обычно такие ассоциации образуются союзами предпринимателей, торгово-промышленными палатами и могут быть как их структурными подразделениями или создаются при них как отдельные организации.

Соседские ассоциации являются общественными организациями, ориентирующимися в своей деятельности на поддержание и повышение качества жизни на определенной жилой территории. Большинство из этих ассоциаций возникло для решения споров, обычно возникающих в связи с промышленным или коммерческим развитием. Типичным направлением их деятельности в недавнем прошлом было изменение назначения использования земли — перевод земли из жилой зоны в нежилую зону. Тем не менее в настоящее время доминируют четыре группы интересов: безопасность (например, полицейская и пожарная служба), места общего пользования (парки, детские площадки, уборка мусора), стиль жизни (чистота местного сообщества, архитектурные требования к застройке) и развитие (изменение правил, воздействие промышленного и коммерческого развития на жизнь местных жителей).

Корпорация по развитию местного сообщества действует как самостоятельная организация, которая самостоятельно или совместно с местными органами власти осуществляет управление стратегическими проектами.

В США существует два типа корпораций: корпорации по развитию сообществ (Community development corporation — CDC) и корпорации территориального развития (Local development corporation LDC). Это некоммерческие, негосударственные организации, занимающиеся практической деятельностью по развитию местных сообществ.

Специалисты по развитию местных сообществ считают, что эти организации играют особенно важную роль в территориальном развитии по целому ряду причин [6, с. 37]. Во-первых, они становятся центрами общественного влияния, поскольку представляют интересы значительной части населения. В связи с этим органы власти и другие крупные организации с большей от-

ветственностью откликаются на их обращения. В то же время индивиды охотнее участвуют в проектах, когда они объединены. Во-вторых, эти организации функционируют на постоянной основе, что является гарантом их надежности для тех, кто может представить те или иные ресурсы сообществу. В-третьих, эти организации оказывают экспертную поддержку проектов развития, используя свой накопленный опыт или привлекая необходимых специалистов. В-четвертых, сам факт наличия организаций дает возможность местным жителям гораздо оперативнее реагировать на проблемы, возникающие в местном сообществе.

Поэтому они способствуют решению главных вопросов, связанных с развитием местных сообществ: как обеспечить участие граждан; как избежать бюрократизации управления развитием; как привлечь внешние ресурсы, не теряя контроля над процессом развития; как обеспечить согласование разноплановых экономических, социальных, экологических целей развития.

5. Отношения власти с общественностью и бизнес-сообществом. Социальные технологии

В управлении развитием одним из главных является вопрос о степени участия общественности в процессе развития, соотношении влияния на ход событий официальной власти и общественности.

Профессора Висконсинского университета Гарри Р. Грин и Анна Хейнс описывают «лестницу гражданского участия» Ш. Р. Арнштейна [6].

«Лестница» разделена на три секции. Нижняя секция включает две ступени «пассивного участия» — манипулирование и терапию. Примерами могут служить различного рода совещательные органы (советы, комитеты, комиссии),

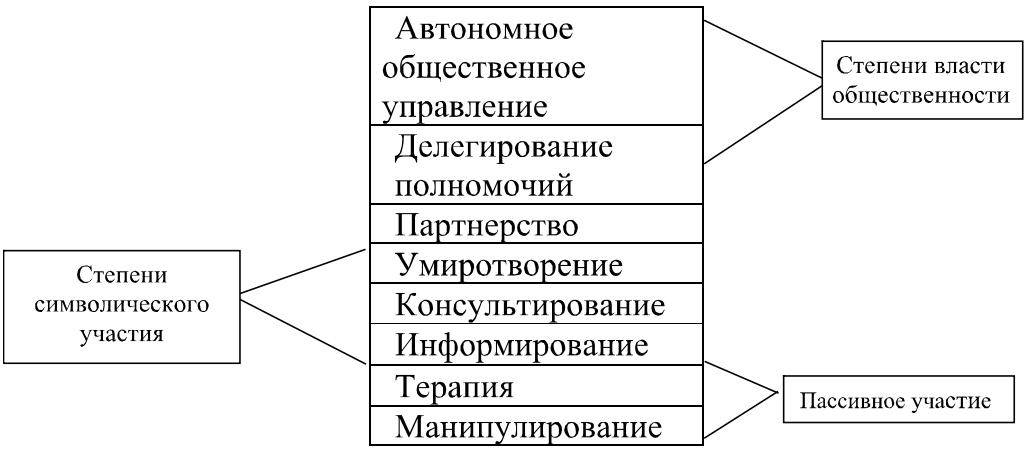


Рис. 1. «Лестница гражданского участия» Ш. Арнштерна

не имеющие никаких полномочий. Они создаются с главной, почти единственной целью — успокоить общественность.

Средняя секция состоит из трех ступеней: информирования, консультирования и умиротворения общественности. Используются как простейшие методы коммуникации власти с населением (плакаты и т. п.), так и более совершенные (например, обследования, встречи с населением, общественные слушания, участие граждан в заседаниях органов власти).

Наконец, высшую секцию представляют три ступени: партнерство, делегирование полномочий и автономное общественное управление. Здесь речь идет о реальном участии общественности в планировании и принятии решений. В случае партнерства официальные органы власти и представители общественных организаций берут на себя совместную ответственность за разработку и реализацию определенного плана или программы. Во втором случае официальный орган власти делегирует структуре, созданной общественностью, право подготовить и реализовать определенную программу развития. Автономное общественное управление предполагает создание децентрализованного официального органа власти — «правительства ограниченной компетенции», которое наделяется правом самостоятельного управления программой развития в конкретной сфере жизнедеятельности местного сообщества. Наиболее известными примерами являются создаваемые во многих штатах США школьные округа, которым местное правительство общей компетенции передает бюджетные финансовые средства, выделяемые на нужды школьного образования. Правительство «школьного округа» самостоятельно решает многие вопросы (подбор учителей, улучшение питания школьников, развитие материально-технической базы), привлекая дополнительные ресурсы родителей, спонсоров и других источников. На тех же началах могут функционировать корпорации по развитию аэропортов, программ развития центральных улиц и т. п.

Местные общественные организации развития стремятся подняться на самые верхние ступени «лестницы гражданского участия». Однако следует отметить, что стремление таких организаций получить статус постоянно действующих таит и ряд опасностей. Главная опасность для вновь созданных организаций заключается в том, что для решения вопросов, относящихся хотя бы к финансированию и отчетности, требуются профессиональные кадры. Однако профессионализация кадров может привести к тому, что организация утратит способность смотреть на проблемы глазами местного сообщества и соответственно перестанет быть его представительным органом. В то же время существует реальная угроза, что местные органы власти и спонсоры организации могут использовать свою финансовую власть для навязывания организациям развития своих целей и программ, не связанных с интересами местного сообщества.

Характеризуя отношения власти и бизнеса, эксперты европейского проекта «Муниципальный менеджмент», выделяют три типа органов местного самоуправления [12, с. 13-14].

1. Иерархически действующая и скептически настроенная по отношению к предпринимателям администрация. Такая администрация хочет сама определять происходящее в экономической сфере, предприятия должны соответственно играть подчиненную роль. Отдаются распоряжения, создаются барьеры. Настоящего взаимодействия нет.

2. Патриархальная и в целом позитивно настроенная по отношению к предпринимателям администрация. Предпринимательство приветствуется, есть также желание помогать и поддерживать, но нет ориентации на реальные потребности и пожелания предпринимателей. Отсутствуют партнерские отношения на началах равенства, а коммуникация в значительной степени представляет собой улицу с односторонним движением сверху вниз.

3. Партнерски взаимодействующая и ориентированная на потребности и запросы предпринимателей администрация. Такая администрация ставит себя на один уровень с предпринимателями, муниципальная экономическая политика согласуется и реализуется совместно. Взаимодействие осуществляется в самой администрации, в сообществе предпринимателей, а также между ними.

Критериями формирования благожелательного по отношению к предпринимателям климата являются:

— высокая степень прозрачности и открытости во взаимоотношениях;

— равное отношение ко всем предпринимателям;

— создание и поддержание режима систематического, структурированного, организованного и институционализированного диалога.

Третьей составляющей организационно-управленческих ресурсов развития являются социальные технологии.

В самом общем виде можно дать следующее определение социальной технологии. Социальная технология — это способ осуществления преобразующей деятельности «на основе ее рационального расчленения на процедуры и операции с их последующей координацией и синхронизацией и выбора оптимальных средств, методов их выполнении [2, с. 186].

Выделяют следующие признаки социальной технологии:

1) социальная технология — это определенный способ достижения общественных целей;

2) сущность этого способа состоит в пооперационном осуществлении деятельности;

3) операции разрабатываются предварительно, сознательно и планомерно;

4) эта разработка проводится на основе и с использованием научных знаний;

5) при разработке учитывается специфика области, в которой осуществляется деятельность;

6) социальная технология выступает в двух формах: как проект, содержащий процедуры и операции, и как сама деятельность, построенная в соответствии с этим проектом;

7) социальная технология — элемент человеческой культуры, она возникает двумя путями: «вырастает» в культуре эволюционно, либо строится по ее законам как искусственное образование, главная функция которого сегодня — соединение науки и практики [2, с. 187].

Существует множество социальных технологий, разработанных учеными, но, к сожалению, редко или неумело используемых в практике развития местных сообществ. Назовем для примера лишь некоторые из них, имеющие прямое отношение к управлению развитием: технология стратегического планирования, технология развития социальных сетей, организация групповой работы, обучающие деловые игры, инновационные деловые игры, техника функционального анализа систем и т. д.

Невозможно в рамках одной статьи представить хотя бы одну из этих технологий. Наша задача — обратить внимание на то, что социальные инструментарий и технологии — важнейший ресурс развития, призванный облегчить принятие оптимальных решений той или иной проблемы. А как утверждают специалисты в области управления развитием, «способность решать проблемы является главной предпосылкой выживания человечества» [5, с. 3].

По своей сути проблема — это мысленно сконструированное человеком представление о том, что мешает ему жить «здесь и сейчас». Разные люди по-разному оценивают одну и ту же ситуацию, по-своему представляют причины несовершенства жизни, а следовательно, и способы её изменения к лучшему. Поэтому всегда существует опасность, что местное сообщество будет решать «не ту проблему». Применение социальных технологий значительно снижает эту опасность.

Назначение социальных технологий можно рассматривать в двух аспектах. Первый аспект заключается в том, что они обеспечивают аналитическую деятельность, связанную со сбором и обобщением информации, формулированием проблем, разработкой стратегий и т. д. Второй аспект связан с организацией общения людей, их взаимодействия и коллективной мыследеятельности.

Таким образом, можно без преувеличения утверждать, что общий потенциал развития местного сообщества зависит прежде всего от наличия и степени развитости организационно-управленческих ресурсов — организационных форм, социальных отношений и социальных технологий.

6. Профессионализация управления развитием

Уникальную роль в становлении местного самоуправления, формировании гражданского общества и переходе к стратегическому управлению развитием местных сообществ могло бы сыграть университетское сообщество. Однако действующая система управления вузом сегодня не приспособлена улавливать внешние, идущие от жизни сигналы и адекватно реагировать на них. Отсутствие каналов обратной связи с внешней средой является, пожалуй, главным недостатком российских вузов.

В качестве основных направлений адаптации университетской системы к внешней среде можно предложить следующие.

Первое направление — создание в вузе структуры, обеспечивающей живую связь с местными сообществами. Предлагая это направление, мы исходим из того, что развитие местных сообществ включает два обязательных элемента:

— действия самих жителей по улучшению жизни с максимальной опорой на собственную инициативу;

— внешняя помощь.

Основная цель внешней помощи — включение людей в процесс развития, налаживание партнерских отношений между населением, властью и бизнесом.

Второе направление — «муниципализация» образования, т.е. изменения в содержании образования, которые позволят готовить специалистов, способных обеспечить стратегическое управление развитием местных сообществ.

В этих целях необходимо усилить две главные составляющие подготовки управленцев: глубокие знания самого субъекта и объекта управления (местного сообщества) и владение социальными технологиями развития.

Третье направление — научное осмысление специфики и многообразия проявлений бытия локальных социально-экономических систем — местных сообществ. Особенно это касается экономических исследований, где проблематика местных сообществ едва просматривается в рамках региональной экономики. Экономика местных сообществ должна стать автономной и равноправной областью научных исследований.

При определенных условиях университетский потенциал может стать одним из основных ресурсов развития местных сообществ. Для этого необходимо создать систему университетской поддержки, которая обеспечивала бы:

— изучение реальных потребностей местных сообществ в развитии;

— перевод этих потребностей на язык потребностей в обучении;

— разработку на этой основе обучающих программ;

— реализацию таких программ с использованием интерактивных технологий.

В идеальном варианте университетская система развития местных сообществ обеспечивает эффективность функционирования каналов связи между университетом и местными сообществами.

С одной стороны, она позволяет использовать достижения современной науки и технологии в разработке и реализации планов социального, экономического, культурного развития местных сообществ. Эта система имеет принципиально важное отличие от «кабинетной» (закрытой) системы стратегического планирования. В закрытой системе местное сообщество выступает исключительно в роли объекта управления. Система университетской поддержки развития местных сообществ обеспечивает активное участие членов местного сообщества в процессе изменения условий их жизни в качестве субъектов управления. Это открытая система принятия решений, когда те, чьи интересы затрагиваются, используют демократические способы для достижения согласованных коллективных решений и совершают действия, направленные на повышение социального и экономического благосостояния местного сообщества. С другой стороны, система университетской поддержки развития местных сообществ обеспечивает обратную связь между практической деятельностью по развитию и научным осмыслением опыта, полученного в процессе этой деятельности.

Концептуально функционирование этой системы может быть представлено приведенной на рис. 2 моделью.

В модели раскрывается идея соединения в едином цикле научной и практической деятельности, объектом которой выступает местное сообщество.

В этом контексте основными видами деятельности являются:

1) обучение двоякой целевой направленности:

— обучение/подготовка специалистов по развитию;

— обучение/консультирование, образовательная поддержка тех, кто решает свои реальные жизненные проблемы;

2) исследования двоякого рода:

— прикладные исследования, связанные с технической поддержкой решения конкретных проблем конкретного местного сообщества;

— научные исследования, связанные с научным осмыслением практики развития и развитием учебно-методической базы формального и неформального обучения;

3) внедрение/реализация результатов исследования двоякого рода:

— научно-методическое и консультационное сопровождение реализации проектов, мониторинг;

— разработка обучающих программ и их использование в процессе формального и неформального обучения.

Представление о видах деятельности всей системы университетской поддержки развития местных сообществ дает основание для выделения функций системы, которые в самом общем виде формулируются следующим образом.

Функция 1 — формальное и неформальное обучение индивидуальных и коллективных субъектов развития местных сообществ.

Функция 2 — организация и проведение исследования реальных проблем конкретных местных сообществ.

Функция 3 — техническая помощь (организационная, кадровая, методическая, консультационная) в осмыслении и решении проблем местных сообществ.

Функция 4 — научное осмысление практики развития местных сообществ в форме научных исследований, учебно-методических пособий, новых технологий исследования и обучения.

Функция 5 — распространение достижений практики и теории развития местных сообществ, совершенствование подготовки субъектов развития и самого процесса управления изменениями.

Выполнение функций, выведенных из содержания деятельности по развитию, предполагает наличие в операционном ядре следующих структурных элементов:

— подразделения формального и неформального обучения;

— подразделения разработки программ и технологий развития;

— подразделения реализации программ развития;

— научно-исследовательские подразделения;

— подразделения, занимающиеся информационной и издательской деятельностью.

Важно подчеркнуть, что названные пять видов деятельности, пять общих функций, пять структурных элементов системы являются взаимодополняющими в реализации главного предназначения (миссии) этой организации — оказывать через образовательные услуги помощь людям в их деятельности по изменению условий/качества жизни в местном сообществе.

Особую роль в системе университетской поддержки развития местных сообществ играют территориальные агентства [14, с. 32-38]. Можно сказать, что это главный элемент, который сегодня отсутствует в структуре университетов. Во-первых, они обеспечивают постоянные обратные связи между университетом и местным сообществом. Во-вторых, они являются частью организационного оформления самих местных сообществ и одновременно элементом университетской структуры. В-третьих, в отличие от других структурных элементов университетской системы, выполняющих ограниченное число обозначенных функций, территориальные агентства в той или иной мере участвуют в выполнении всех пяти функций. В-четвертых, территориальные

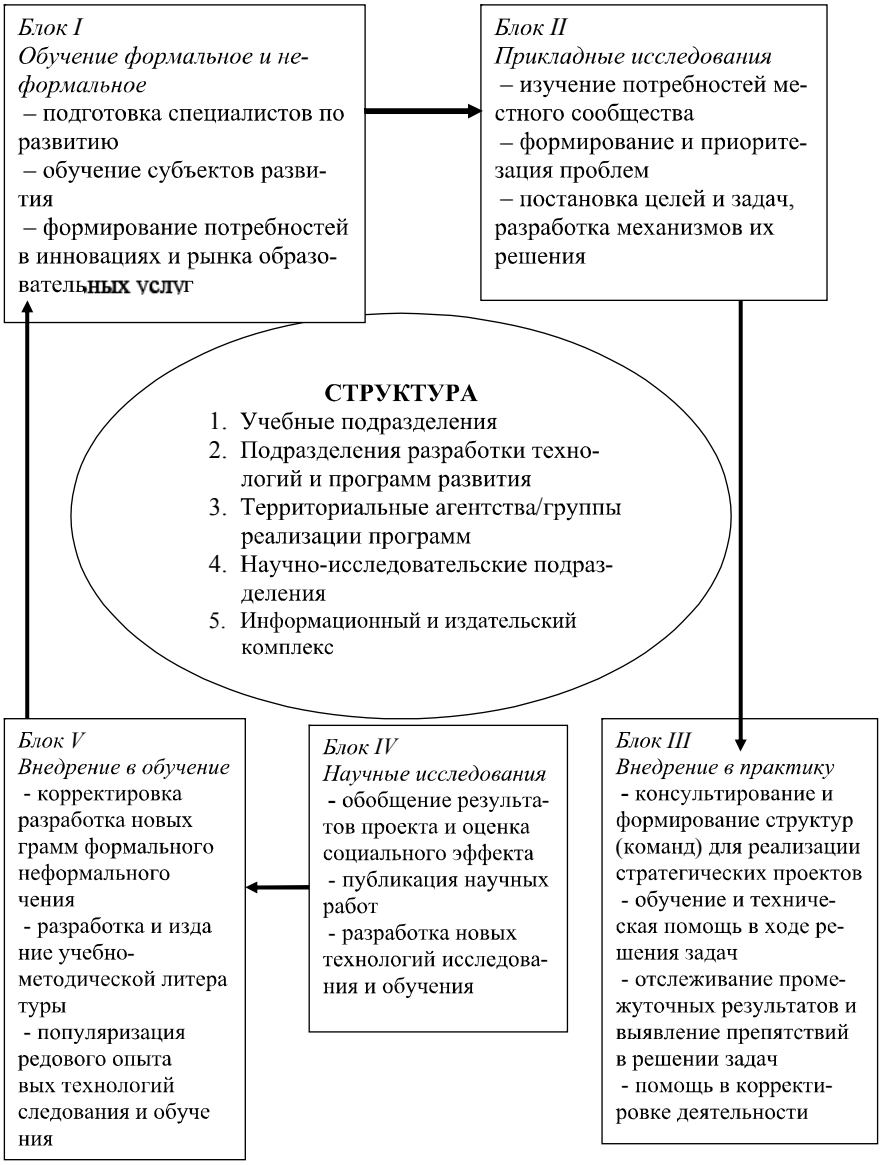


Рис. 2. Система университетской поддержки развития местных сообществ: структура и содержание деятельности

агентства развития охватывают те формы деятельности, которые в значительной мере выходят за рамки обозначенных пяти функций университетской системы и в большей степени касаются жизнедеятельности местных сообществ. В-пятых, территориальные агентства работают в основном непосредственно с людьми и в меньшей степени (по сравнению с другими подразделениями) с бумажной продукцией.

Являясь основным университетским структурным подразделением по реализации программ развития, территориальное агентство выполняет роль представителя интересов местного сообщества в отношениях последнего с университетом. Именно территориальное агентство на основе выявления и приоритезации жизненных проблем конкретного местного сообщества формулирует и /или определяет иные ресурсы, необходимые для его выполнения.

Таким образом, развертывание системы университетской поддержки развития местных сообществ позволит, с одной стороны, существенно изменить характер и содержание деятельности университетов и соответственно их роль в управлении общественными процессами. С другой стороны, общество получит эффективные механизмы и технологии, позволяющие ускорить процесс становления местного самоуправления как наиболее близкой к народу власти и как одного из важных институтов гражданского общества.

Библиографический список

8. 1. *Гладышев А. Г.* Развитие местного сообщества: теория, методология, практика: монография. М.: Граница, 1999.
9. 2. Послание Президента РФ Медведева Д. А. Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2009. 13 нояб.
10. 3. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1990.
11. 4. Содействие развитию экономики на муниципальном уровне/под ред. Х. Берра и С. Исуповой. М.: РНЦ ГМУ, 2000.
12. 5. Социальные технологии: толковый словарь/отв. ред. В. Н. Иванов. М.; Белгород: Луч-Центр социальных технологий, 1995.
13. 6. Стратегический выбор города: научное обоснование и механизм реализации/под ред. В. Е. Рохчина, С. Ф. Жилкина. СПб.: ИСЭП РАН, 1999.
14. 7. *Тодаро М.* Экономическое развитие. М.: Изд-во МГУ, 1997.
15. 8. *Филиппов Ю. В., Авдеева Т. Т.* Основы развития местного хозяйства: учебник. М.: Дело, 2000.
16. 9. *Филиппов Ю. В., Авдеева Т. Т., Алан Дж., Уилкс Д., Козловская Н. Г.* Руководство по разработке стратегического плана муниципального образования. Проект МЕРИТ- II: Муниципальное развитие на Юге России. Краснодар: ООО ИПК «Весть», 2005.
17. 10. *Швецов А.* Систематизация инструментов перспективного планирования территориального развития: настоятельная необходимость и конкретные предложения // Российский экономический журнал. 2009. № 5.
18. 11. Community Development in Perspective/ed. by Christenson J. A, Robinson J. W., 1994 Iowa State University Press/Ames, Iowa.
19. 12. *Green G. P., Haines A.* Asset Building and Community Development. Sage Publications, Inc., 2002.
20. 13. *Ostroff F.* Change Management in Government. Harvard business review. 2006. May. 6.

СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНЫЙ ПОДХОД: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ

З. И. Рябикина, Г. Ю. Фоменко[1]

Ключевые слова: бытие личности, психология субъекта, бытийный подход, базовые потребности, способ существования. **Keywords:** existence of personality, psychology of the subject, existential approach, the basic needs, way of living.

Современная психология переживает этап методологического обновления, связанного с новыми подходами к разработке проблемы человека.

Предпринимается попытка распространить предметную область психологии на проблемы бытия личности. Психология человеческого бытия рассматривается как новое перспективное направление развития психологической науки [16, 18, 22, 27, 28, 34, 36, 37, 39, 44, 45 и др.]. Расширение предметной сферы психологии и рассмотрение проблемы личности и её бытия отражают качественно иной масштаб и уровень собственно психологического мышления «в смысле соотнесения себя с философскими мировоззренческими горизонтами» [6, 8, 13]. В связи с этим положения философско-антропологической концепции С. Л. Рубинштейна приобретают особую актуальность. С. Л. Рубинштейн, выдвигая в качестве методологического основания гуманитарного знания идею субъекта, полагал, что для гуманитарных наук методологически ключевой является также идея онтологии, и представлял систему онтологической структуры бытия, в которой субъект рассматривался как центр перестройки бытия. По мнению ряда исследователей [2, 5, 10, 11, 16, 18, 21, 22, 34, 35, 36. 37, 38 и др.], сегодня есть все основания утверждать, что психология субъекта уже обрела методологический статус: её следует рассматривать в качестве методологической основы исследования проблем психологии человеческого бытия.

---

[1] Рябикина Зинаида Ивановна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: ryabikina@manag.kubsu.ru

Фоменко Галина Юрьевна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: fomgal27@mail.ru

Психология человеческого бытия как направление развития психологии субъекта возникла с появлением постнеклассической парадигмы. Психология человеческого бытия дала учёным возможность расширить ценностно-смысловые контексты, в которые включались классические психологические проблемы, выйти за рамки категории *деятельности* и обратиться к понятию *существования,* от *бытия* перейти к *становлению,* непрерывному развитию психики субъекта [19, с. 19].

Исследователи обращают внимание на то, что практика индивидуального совершенствования тесно слилась с практикой социального преобразования [6, 15, 26, 25 и др.]. Учёт реального бытия человека в его познании способствует в конечном счёте пониманию закономерностей духовного роста, трансцендентной потребности человека выйти за пределы самого себя, собственной личности. Соответственно потенциал субъектности становится понятным лишь в том случае, если учитывается многообразие связей человека с жизненными ситуациями, а через них — с окружающим миром [7, 8, 14, 23]. Обоснование необходимости распространения предметной области психологии на проблемы бытия личности исследователи связывают с тем, что даже такие интегративные реализации, как стиль жизни, образ жизни, реализованный жизненный сценарий и пр., не оставляют впечатления конечной интеграции, воплощающей всю полноту внешней проявленности личности, возникает потребность в более общем понятии. И таким максимально интегрированным выражением рассмотрения личности как целостности предстаёт бытие личности [34].

Возможность выделения нового предметного поля в психологии, безусловно, связана с новыми тенденциями в научном мышлении в данной области знаний.

Система современного научного мышления предполагает, что классическая, неклассическая и постнеклассическая парадигмы представляют собой не только исторические этапы человеческого познания, но и элементы целостной системы современного научного мышления. Следовательно, они могут не противоречиво, а, наоборот, системно существовать в сознании, в целостном научном мировоззрении конкретного учёного [17]. По мнению А. В. Брушлинского, как бы это ни было трудно, современный человек должен научиться мыслить целостно и стремиться к интеграции, казалось бы, несовместимых противоположностей [9, 11]. Три способа рациональных рассуждений в нашей науке (классический, неклассический, постнеклассический) интегрировались в той области знания, которая получила название «психология субъекта» [20].

В психологии человеческого бытия, которая формируется на основе психологии субъекта, одновременно реализуются, дополняя и обогащая друг друга, когнитивная и экзистенциальная исследовательские парадигмы. Кроме того, предметом психологии человеческого бытия могут быть такие проблемы, которые для своего решения требуют привлечения не только гуманитарных, но и естественнонаучных методов. Да и сами решаемые проблемы могут

не только относиться к так называемой вершинной психологии, но и затрагивать биологические основания психики [20].

Рассмотрение в качестве предметной области психологии категориальной целостности «личность и её бытие» на современном этапе её развития соответствует потребности изучения личности в живом процессе жизни во всей его сложности и многоаспектности. Решение практических задач, в ходе которых необходимо ответить на конкретные социальные запросы и недопустимо абстрагироваться от реальной жизнедеятельности личности и всех перипетий её жизненного пути, наиболее оптимально осуществляется в данной предметной области, что отвечает адекватной реализации принципа целостности.

Очерченная подобным образом предметная область психологии требует, во-первых, конкретной методологии психологического исследования личности и бытия, во-вторых, соответствующего категориального аппарата и, в-третьих, изучения и анализа явлений в рамках соответствующей категориальной сетки.

В определении основных категорий субъектно-бытийного подхода «личность», «бытие», «субъект», «способ существования», «модус бытия личности» мы исходили из их содержательной интерпретации в философско-антропологической концепции Рубинштейна.

Значимым для психологии человеческого бытия является разработанный С. Л. Рубинштейном функционально-динамический (в отличие от структурно-статистического) и в широком смысле слова генетический подход к личности и её образующим.

К. А. Абульханова и А. Н. Славская подчёркивают, что важнейшим в рубинштейновском понимании личности было то, что он с самого начала рассматривал её не как абстракцию или феноменологическую данность (объект диагностики, ограничивающейся её характеристиками в данный момент), а в деятельности и жизненном пути, т. е. в её становлении, развитии, изменении. С. Л. Рубинштейн раскрывает систему отношений личности и её сознания к миру, к другому человеку и самой себе, глубоко прорабатывая проблему самосознания личности [4].

Положение, согласно которому внешние воздействия связаны со своим психическим эффектом лишь опосредованно через личность, является тем центром, исходя из которого определяется теоретический подход ко всем проблемам психологии.

Проблема изучения соотношения личности и бытия для С. Л. Рубинштейна связана с осмыслением сложной диалектики внутреннего и внешнего [30–32]. В работах С. Л. Рубинштейна подчёркивается, что бытие с появлением человека выступает в новом качестве — как *преобразованное* его сознанием и деятельностью. И этот тезис, на наш взгляд, принципиален в рассмотрении отношения

«человек (личность) — бытие», пока человек жив и существует как субъект, наделённый сознанием, он «бытийствует», он сам и есть бытие. Таким образом, психическое (как идеальное) и его субъект есть бытие, а также следствия внутренней жизни, объективированные субъектом в материальном мире. Причём в отличие от экзистенциальной психологии, для которой лейтмотивом в анализе отношения «личность — бытие» является *субъективизация объективного*, в контексте субъектного подхода лейтмотивом в анализе этого отношения выступает *объективизация субъективного.* Согласно *бытийному подходу* рассмотрение структуры личности предполагает, что не только бытие выступает внешней причиной, обусловливающей становление личности и её функционирование, но и пространства бытия личности непосредственно включаются в её организацию [35].

Личность предстаёт как структурное, полисистемное образование, включающее пространство психических явлений и объективные пространства личностной бытийности (организм, события среды, деятельность). В психологическом пространстве они воссоздаются как взаимосвязанные, взаимоперетекающие подпространства: *«планы и структуры поведения», «образ мира», «мотивационно-потребностная сфера».* Захватывая смысловое или собственно личностное поле, они репрезентированы в личностном смысле как его компоненты: *конативный, когнитивный, аффективный.*

В структуре личности системно организованное пространство смыслов занимает позицию над феноменами бытийного слоя психики и объективными пространствами её бытийности. Развитие личности и обретение человеком личностной зрелости сопряжены с появлением и возрастанием способности к порождению новых образований внутри пространства смыслов и с самоактуализацией, трактуемой как *экспансия Я на внешние пространства*, вследствие чего *объективные пространства становятся бытийными пространствами личности, её продолжением и частью* [34, 35, 36].

На основе соотносительного анализа многих сложившихся в психологии концепций личности предлагается её рассмотрение как реализующей в своём поведении *три сопряжённые базовые потребности:*

а) *потребность в самоактуализации*, в экспансии, реализации расширительных потенций Self, что проявляется через тенденцию к овладению внешними пространствами (гетеростатическая модель потребностной сферы);

б) *потребность во внутренней согласованности* и сохранении целостности психического (гомеостатическая модель потребностной сферы);

в) *потребность быть подтверждённой* тем внешним, через что объективировано её субъективно-внутреннее (потребность в обретении и поддержании целостности внешнего и внутреннего, объективного и субъективного пространств личности).

Эти три потребности — стороны единой глобальной интенции, с которой человек (как и всё живое) появляется на свет, — БЫТЬ, *т. е. поддерживать и расширять своё бытие.*

Итак, личность характеризуется стремлением к обретению смысла, а смысл жизни (в рамках нашего подхода) состоит в стремлении с наибольшей полнотой реализовать себя, в стремлении к аутентичному бытию. Чувство аутентичности бытия возникает у личности вследствие создаваемого ею по своим принципам сценария жизни.

Бытие личности — это объективированная в процессах и предметах мира субъективность. *Бытие* есть процесс воплощения смыслового содержания личности в фактах средовых преобразований. В связи с этим принципиальна его дифференциация на аутентичное и неаутентичное. *Аутентичное бытие* — процесс переструктурирования среды в соответствии со структурой личностных смыслов. *Неаутентичное бытие* — воспроизводство и трансляция в среду формально освоенных личностью социальных предписаний, что создаёт иллюзию адекватного поведения, но таковым по сути не является, поскольку связано с разрывом, отсутствием содержательной связи между способами поведения и глубинными ядерными образованиями самой личности (её смыслами). Таким образом, подобное поведение выглядит адекватным по отношению к среде, но не является адекватным выражением внутреннего мира личности. Неаутентичное бытие вступает в противоречие с направленностью личности на удовлетворение трёх названных базовых потребностей, в то время как аутентичное бытие является необходимым условием психического здоровья личности [36].

Напомним, что подлинное бытие (аутентичное бытие в современном понимании) С. Л. Рубинштейн связывает с проблемой отчуждения и проблемой ответственности. Проблема отчуждения на психологическом уровне рассматривается им как проблема взаимоотношения людей как «масок», что исключает этическое начало и не отвечает их сущности. Кроме того, подлинность существования, по Рубинштейну, предполагает действенность, активность субъекта по преобразованию как бытия, так и собственной сущности [32].

Возможность аутентичного бытия личности в контексте структурно-динамической концепции личности [34, 35] зависит от успешности разрешения ею возникающих противоречий самого различного уровня.

Отметим, что, по Рубинштейну, прогресс, развитие может при этом заключаться не в устранении противоречий, а в том, какие это будут противоречия, на каком уровне они будут возникать и как, на каком уровне сниматься [32, с. 385].

Субъектно-бытийная методология разрабатывалась с опорой на следующие существенные положения С. Л. Рубинштейна:

Во-первых, субъектным качествам личности, по мнению С. Л. Рубинштейна, соответствует более конкретное понятие «мир».

Во-вторых, с его точки зрения, именно субъектные характеристики выражают сущность и способ существования.

В-третьих, С. Л. Рубинштейн выделяет качества модальностей субъекта (способность к самодетерминации, самоопределению, самосовершенствованию, саморазвитию и т. п.).

В-четвёртых, ученый раскрывает две модальности во взаимодействии человека с бытием — страдательность и активность [32].

Перспективность разработки субъектного подхода в самых различных его вариантах (субъектно-бытийный, субъектно-деятельностный, субъектно-системный, субъектно-средовый) определяется, на наш взгляд, следующими обстоятельствами [44].

1. Категория субъекта позволяет преодолевать дефицитарность детерминистического подхода.

2. Обращение к категориям «субъект», «объект», «взаимодействие» дает возможность найти путь к научному познанию несомненно существующего единства между внешним и внутренним миром человека [1].

3. Психология субъекта — перспективная теоретическая основа, способная постепенно сблизить ряд течений и тенденций психологии по мере выявления общего для них концептуального ядра [10-12].

4. Категория субъекта способствует продуктивному междисциплинарному диалогу.

5. На конкретно-психологическом уровне анализа субъект рассматривается как источник порождения и преодоления противоречий между объективными условиями деятельности и возможностями и притязаниями личности [2].

6. Категория «субъект» связывается с качеством «преобразовательности». В связи с этим перед психологией открываются перспективы опережающего характера не просто прогнозирования, но и конструирования действительности.

7. Категория «субъект» даёт возможность учёта духовного измерения личности [10, 11, 12].

8. Способ существования связывается с комплексным рассмотрением динамической, структурной, регулятивной и экологической составляющих категории субъекта.

9. Используя принцип субъектности, можно переосмыслить широкий пласт научных исследований.

10. Субъект соотносим с уровнем личностно-смысловых образований.

Обращение к категории «бытие» в рамках субъектного подхода, формирование предметного поля «личность и её бытие» позволяют на качественно

ином уровне, более широко, не ограничиваясь узкими рамками и привязанностью к собственно психотравмирующим воздействиям, рассмотреть проблему личности в экстремальных условиях жизнедеятельности. Последние в настоящее время получают расширительное толкование, поскольку само российское общество рассматривается учёными в качестве предельного случая нестабильного состояния развивающейся социальной системы. Эти явления способствуют тому, что существование большинства наших сограждан становится экстремальным.

В связи со сложными социально-экономическими реалиями и политическими процессами сегодня актуальным становится вопрос о модусе бытия личности в экстремальных условиях и личностной ресурсности, обеспечивающей не простое выживание в этих условиях, а полноценное аутентичное бытие.

Изучение и прояснение специфики бытия личности в экстремальных условиях жизнедеятельности было осуществлено на основе конкретизации двух способов существования, выделенных С. Л. Рубинштейном применительно к указанным условиям [41-45].

Согласно С. Л. Рубинштейну, с наибольшей полнотой сущность конкретного человека может быть понята через избранный им способ существования. При этом:

1) единство сущности и существования прослеживается через основные свойства существования, выделяемые С. Л. Рубинштейном, — самодвижение, самодетерминацию, причину самого себя (causa sui);

2) разные способы существования соответствуют разным этапам становления и развития личности [32, с. 306];

3) разные уровни жизни характеризуются разными способами существования. Существовать — значит жить на том уровне, который отвечает данному уровню существующего, данному способу существования [32, с. 302];

4) разная качественная определённость присуща разным способам существования на разных уровнях организации бытия [4, с. 20-21];

5) выделяются различные способы существования, отличающиеся в зависимости от особенностей их субъекта;

6) в способе существования раскрывается отношение к миру, бытию и отношение человека к человеку в их взаимосвязи и взаимообусловленности [32, с. 286];

7) способ существования — это самодвижение, саморазвитие, самопричинение, т. е. способ существования связан с активностью самого субъекта [32, с. 414] и выявляет содержание этой активности;

8) в способе существования с наибольшей полнотой проявляются характеристики личности как «субъекта познания и действия» (по С. Л. Рубинштейну);

9) способ существования определяется через диалектику внутреннего и внешнего, определение другим и самоопределение [4, с. 7];

10) способ существования рассматривается в аспекте степени полноты и самореализации личности;

11) в способе существования представлены все уровни личностной бытийности;

Предлагается рассматривать ***способ существования*** *как наглядную динамическую проявленность и содержательную характеристику воплощения смыслового содержания личности в соответствии с её качественной определённостью в организации и соподчинении бытийных пространств* [44, 45].

Таким образом, в способе существования как интегративной характеристике и конкретизации бытия личности фиксируется многообразие отношений человека, его связи с жизненными ситуациями, а через них с окружающим миром.

Через анализ способа существования можно выйти на потенциал субъектности.

Выбираемый личностью способ существования зависит от особенностей процесса и характера разрешения ею системы противоречий: внутритипологических, противоречий в личностных бытийных пространствах, а также экзистенциальных.

В связи со сказанным анализ способа существования осуществляется через:

— особенности организации и приоритетность бытийных пространств, а также характер и способ разрешения возникающих в них противоречий;

— систему отношений личности (к себе, другим людям, миру, природе) и её мировоззрение в целом;

— синтез жизненной позиции, жизненной перспективы и концепции (смысл жизни);

— интегративное рассмотрение личности со стороны психодинамики, когнитивной и экзистенциальной динамики, что в совокупности определяет выбор личностью способа существования.

Способ существования представлен как сложный, комплексный интегративный феномен, наиболее адекватный для обсуждения функционирования личности в реальном мире в категориальной сетке предметного поля «личность и бытие».

Применительно к конкретной психологической феноменологии было высказано предположение о допустимости рассмотрения существования как модуса бытия личности в данный пространственно-временной период и использования понятий «способ существования» и «модус бытия личности» как синонимичных.

Таким образом, мы имеем два *способа существования* личности по С. Л. Рубинштейну:

1) *непосредственное* (произведено дополнительное уточнение по параметрам *условного* существования — традиция аналитической и трансперсональной психологии);

2) *опосредованное* (рефлексией) существование — уточнение по параметрам *истинного* существования [40, 44, 45].

Объектная и *субъектная* позиции и флуктуации личности существуют между этими двумя полюсами.

Качество субъектности определяется и уточняется понятием *истинной* и *навязанной* субъектности [43-45].

Специфика этих двух модусов бытия имеет субъективную окраску: особенности ценностно-смысловых оснований позиционирования личности в экстремальных условиях. Соответственно каждый из этих модусов бытия порождает свой клубок противоречий и соответствующих им проблем.

В исследовательском проекте [44] было существенно уточнено введённое ранее [33] понятие «истинная/навязанная субъектность». Теоретический анализ и организационно-практическая модель исследования модуса бытия личности позволили выделить такие *характеристики истинной субъектности, как*:

1) неотчуждённая активность [47, 48] в плане оптимального соотнесения на основе личностного смысла своих потребностей с деятельностными возможностями и возможностями, представленными условиями жизни;

2) взаимосвязанная с первой характеристикой оптимальная сбалансированность всех личностных бытийных пространств;

3) восприятие и позиционирование себя как субъекта, внутренняя потребность занимать именно субъектную позицию;

4) субъектная позиция, характеризуемая оптимальным балансом интериоризованной и экстериоризованной субъектности, а также такие параметры, выделяемые Е. Ю. Коржовой, как целостность восприятия своей жизни, внутренний трансситуационный локус контроля, экоориентация, трансситуационная смелость [23];

5) бытие личности, отвечающее характеристикам истинного существования;

6) истинная субъектность как спонтанное проявление субъектных характеристик в соотношении с минимальной ценой личностных затрат;

7) масштаб возникающих противоречий и уровень их конструктивности;

8) гармоничное соотношение активности и деятельности в каждом из личностных бытийных пространств;

9) ответственность за содеянное и упущенное [3, 32];

10) умение принимать решения на основе сознательных нравственных убеждений, т. е. последние выступают в качестве реальных и устойчивых регуляторов личностной активности.

Необходимо также подчеркнуть, что характеристики истинной субъектности «работают» на развитие личности по восходящей линии.

Истинная субъектность «пересотворяет» человека:

— снимая противоречия нижележащих уровней: психофизиологического, характерологического и т. п.;

— преодолевая ограниченность личностной ресурсности.

Подобное рассмотрение содержательного наполнения истинной субъектности позволяет уточнить меру субъектности личности в каждом конкретном случае и на определённом этапе её развития.

В заключение следует подчеркнуть, что философско-антропологическая концепция С. Л. Рубинштейна не только служит мощным теоретико-методологическим основанием субъектно-бытийного подхода, но и по мере становления психологии человеческого бытия демонстрирует высочайшую, поистине неисчерпаемую эвристичность и всё возрастающую актуальность заложенных в ней идей на новом этапе исторического развития отечественной науки.

Библиографический список

1. 1. *Абульханова-Славская К. А.* Психология и сознание личности (проблемы методологии, теории и исследования реальной личности) // Избранные психологические труды. М.: Изд-во Института практической психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1999.
2. 2. *Абульханова-Славская К. А.* Рубинштейновская категория субъекта и её различные методологические значения // Психология индивидуального и группового субъекта/под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002.
3. 3. *Абульханова К. А., Березина Т. Н.* Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001
4. 4. *Абульханова К. А., Славская А. Н.* Предисловие // *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. М.: Питер, 2003.
5. 5. *Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
6. 6. *Асмолов А. Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл: Издательство центра «Академия», 2007.
7. 7. *Братусь Б. С.* Русская, советская, российская психология: конспективное рассмотрение. М.: Флинта, 2000.
8. 8. *Братусь Б. С.* Смысловая сфера личности // Психология личности в трудах отечественных психологов/сост. и общ. ред. Л. В. Куликова. СПб.: Питер, 2001.
9. 9. *Брушлинский А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.: Изд-во Института практической психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
10. 10. *Брушлинский А. В.* О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта/под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002.

11. *11. Брушлинский А. В.* Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
12. *12. Брушлинский А. В.* Психология субъекта (лекция, прочитанная студентам, аспирантам и преподавателям факультета психологии Тверского государственного университета 19 октября 2001 г.) // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 2.
13. *13. Гусельцева М. С.* Культурно-историческая психология: от классической к постнеклассической картине мира // Вопросы психологи. 2003. № 1.
14. *14. Деркач А. А.* Методолого-прикладные основы акмеологических исследований. М.: РАГС, 2000.
15. 15. *Зинченко В. П., Моргунов Е. Б.* Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994.
16. 16. *Знаков В. В.* Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 2.
17. 17. *Знаков В. В.* А. В. Брушлинский: верность традициям и эволюция научных взглядов // Творческое наследие А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова и современная психология мышления: тез. докл. науч. конф. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2003.
18. 18. *Знаков В. В.* Психология субъекта и психология человеческого бытия // Субъект, личность и психология человеческого бытия/под ред. В. В. Знакова и З. И. Рябикиной. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2005.
19. 19. *Знаков В. В.* Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 1.
20. 20. *Знаков В. В.* Психология человеческого бытия и самопонимание субъекта // Личность и бытие: субъектный подход. Личность как субъект бытия: теоретико-методологические основания анализа: материалы III Всерос. науч.-практ. конф./под ред. З. И. Рябикиной, В. В. Знакова. Краснодар: КубГУ, 2005.
21. 21. *Знаков В. В.* Ценности как проблема психологии человеческого бытия // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей. М.: Изд-во Института психологии РАН», 2008.
22. 22. *Знаков В. В.* Психология человеческого бытия — одно из направлений развития психологии субъекта // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 2.
23. 23. *Коржова Е. Ю.* Психологическое познание судьбы человека. СПб.: Союз, 2002.
24. 24. *Леонтьев Д. А.* Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 1.
25. 25. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. М., 2003.
26. 26. *Майков В. В.* Становление трансперсональной психологии // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии/под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М.: Смысл, 1997.
27. 27. *Мухина В. С.* Феноменология развития и бытия личности. М.: МПСИ, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999.
28. 28. *Мухина В. С.* Личность: мифы и реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). Екатеринбург: ИнтерФлай, 2007.
29. 29. Психология XXI в.: пророчества и прогнозы (круглый стол) // Вопросы психологии. 2000. № 1-2.

30. 30. *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
31. 31. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии: в 2 т. М.: Педагогика, 1989.
32. 32. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
33. 33. *Рябикина З. И.* Личность. Личностное развитие. Профессиональный рост. Краснодар: КубГУ, 1995.
34. 34. *Рябикина З. И.* Личность и её бытие в быстро меняющемся мире //Личность и бытие: теория и методология: материалы Всерос. науч.-практ. конф./под ред. З. И. Рябикиной, В. В. Знакова. Краснодар: КубГУ, 2003.
35. 35. *Рябикина З. И.* Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия/под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2005.
36. 36. *Рябикина З. И.* Личность как субъект бытия и со-бытия: психологический аспект анализа // Личность и бытие: субъектный подход. Личность как субъект бытия: теоретико-методологические основания анализа: материалы III Всерос. науч.-практ. конф./под ред. З. И. Рябикиной, В. В. Знакова. Краснодар: КубГУ, 2005.
37. 37. *Рябикина З. И.* Субъектно-бытийный подход к изучению развивающих личность противоречий // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 2.
38. 38. *Славская А. Н.* Личность как субъект интерпретации. Дубна: Феникс+, 2002.
39. 39. *Слободчиков В. И., Исаев Е. И.* Основы психологической антропологии. Психология человека. Введение в психологию субъективности: учеб. пособие для вузов. М.: Школа-Пресс, 1995.
40. 40. *Флоровская Г. Ю.* Проблема истинного и условного существования // Психологические проблемы личности: сб. науч. тр. Краснодар: КубГУ, 2000. Вып. 4.
41. 41. *Фоменко Г. Ю.* Принцип целостности бытия личности // Субъект, личность и психология человеческого бытия. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2005.
42. 42. *Фоменко Г. Ю.* Предельное существование как специфический модус бытия личности: проблемы концептуализации // Психология личности и её бытия: теория, исследования, практика. Краснодар: КубГУ, 2005.
43. 43. *Фоменко Г. Ю.* Истинная и навязанная субъектность: содержательное наполнение и дифференциация // Личность и бытие: субъектный подход. Личность как субъект бытия: теоретико-методологические основания анализа: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КубГУ, 2005.
44. 44. *Фоменко Г. Ю.* Личность в экстремальных условиях: два модуса бытия. Краснодар: КубГУ, 2006.
45. 45. *Фоменко Г. Ю.* Личность как субъект бытия в экстремальных условиях: дис. … д-ра психол. наук. Краснодар, 2006.
46. 46. *Фоменко Г. Ю.* Бытие и существование: экзистенциальный взгляд на проблему // Человек. Сообщество. Управление. 2006. Спецвыпуск. № 1.
47. 47. *Фромм Э.* Душа человека. М.: Республика, 1992.
48. 49. *Фромм Э.* Человек для себя. Исследование психологических проблем этики. Минск: Коллегиум, 1992.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН БЕСПОМОЩНОСТИ (СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)

В. В. Шиповская[1]

Ключевые слова: беспомощность, психологическая защита, формы поведения, самоактуализация, внутриличностный конфликт. **Keywords:** impotence, psychological defense, behavior forms, self-actualization, intrapersonal conflict.

Происходящие в настоящее время социокультурные изменения в мире, отличающиеся планетарными масштабами, как по объему изменений, так и по их динамике открывают, с одной стороны, неограниченные возможности для самореализации личности, с другой — требуют от человека готовности к самостоятельному решению проблем, компетентности и ответственности, не обеспечивая социальной защищенности. Наблюдаемый в последние годы интерес к изучению феномена беспомощности является определенной реакцией ученых на рост неконтролируемых событий и ситуаций, с которыми сталкивается современное общество. Именно беспомощность перед вызовами жизни, столкновение с которыми в современных условиях превратилось в достаточно распространенное явление, становится причиной различных форм дезадаптивного поведения («уход в болезнь», алкоголизм, наркомания, суицид), преодоление которых может быть значительно сложнее, чем принятие мер по снижению вероятности беспомощности. Проблема беспомощности затрагивает многие сферы жизнедеятельности современного человека и имеет очень широкое распространение: в учебе, политике, спорте, профессиональной деятельности, семейных отношениях. Актуальность исследования феномена беспомощности связана еще с профилактикой и коррекцией, поскольку беспомощность часто маскируется под другие состояния (депрессию, апатию), затрагивает глубинные пласты личности и, сильно подрывая здоровье, затрудняет взаимодействие личности со средой.

Особенности беспомощности с давних пор изучались в рамках различных наук — философии, этологии, социологии, политологии, экономики, медицины.

[1] Шиповская Виктория Владимировна — старший преподаватель кафедры социальной психологии Института экономики и управления в медицине и социальной сфере, г. Краснодар. Эл. почта: AGuseinov@yandex.ru

Практические проработки проблемы беспомощности стали возможны по мере того, как осмысливались отношения личности и социума. Однако беспомощность как целостный феномен в психологии не рассматривалась, данное понятие отсутствует и в психологических словарях. Существует традиция рассматривать беспомощность в контексте выученной беспомощности. Но многочисленные исследования выученной беспомощности как состояния, проводимые в рамках когнитивного подхода М. Селигманом, С. Майером, Д. Хирото, Дж. Гиргусом, П. Шульманом и др., обнаруживают локальность изучения, так как касаются в основном лабораторной ситуации [17, 48-51]. Несмотря на то что в отечественной психологии пока еще нет давней традиции изучения беспомощности, многие авторы обращали на этот феномен самое пристальное внимание. Н. А. Батурин изучал выученную беспомощность в контексте психологии успеха и неудачи [5]. Л. Ф. Бурлачук, Н. Б. Михайлова, Ф. Е. Василюк, А. Н. Дёмин, Л. М. Шипицина, А. О. Прохоров, Б. Д. Карвасарский и В. А. Лабунская рассматривали появление беспомощности в контексте жизненных кризисов и сложной жизненной ситуации (инвалидность, безработица, материнская депривация, эмиграция) [8, 10, 15, 25, 45]. Д. А. Циринг и С. А. Сальева, опираясь на атрибутивные концепции, указывали на причины формирования выученной беспомощности у детей в результате влияния негативных событий и стилей семейного воспитания, поощряющих недифференцированность у детей [43, 44]. Эпизоды беспомощности рассматривались А. А. Бодалевым, М. М. Решетниковым, Г. Ю. Фоменко и др. в свете эмоциональной и физической травмы в результате воздействия на личность экстремальной ситуации [6, 29, 34]. В. С. Ротенберг и В. В. Аршавский указывали на факторы устойчивости к беспомощности, связанные с прошлым опытом, в рамках концепции поисковой активности и адаптации [31]. Беспомощность, появившуюся в результате утраты или искажения смысла жизни, отмечали Г. А. Вайзер и В. Э. Чудновский [9]. Беспомощность также рассматривалась А. Н. Дёминым, И. А. Джидарьян, Р. М. Грановской и И. М. Никольской в рамках непродуктивной стратегии совладания [14-16].

Проявления личностной беспомощности, обусловленные половыми различиями, также представлены в литературе недостаточно, лишь в работах Н. А. Батурина, Д. А. Циринг и С. А. Сальевой [5, 43, 44]. Нет согласия относительно психологических характеристик беспомощности, которая описывается как чувство, ощущение, переживание, настроение; синдром, симптомокомплекс, состояние, специфическое образование личностного уровня, расстройство поведения, негативная реакция.

Цель статьи — обобщить результаты исследования беспомощности как психологического явления, дать его определение.

В литературе можно проследить разные подходы к влиянию на поведение человека внешних и внутренних факторов, обусловливающих появление беспомощности. В самых ранних разработках проблематики беспомощности путем

психоанализа (З. Фрейд, К. Хорни, Ж. Лакан) были выделены врожденные, объективно данные детерминанты беспомощности — состояние новорожденного с его неспособностью к упорядоченным и эффективным действиям, т. е. с двигательной беспомощностью [21, 36, 41]. Именно этот биологический фактор, когда «сам окружающий мир беспомощен по отношению к внутренним сложностям ребенка», вызывает долгий период беспомощности и зависимости [36, с. 192]. З. Фрейд выделяет признаки «внутренних опасностей», способных вызвать гнев, усилить врожденную беспомощность и привести к психической беспомощности, — утрату (отнятие от груди) или разлуку с матерью. Причем утрата никогда не преодолевается, поскольку ребенок является психологически ненасытным. Эта ситуация приводит к увеличению напряжения, порождаемого потребностью, управлять которой психический аппарат еще не в состоянии, и к натиску возбуждения, с которым младенец не способен справиться (цит. по: [22, с. 70-71]).

А. Адлер объясняет беспомощность с помощью терминов физической и социальной окружающей среды: «…поскольку любой человек в детстве чувствует беспомощность, это чувство порождает ситуацию, когда ребенку необходима поддержка, любовь и ласка, но и вызывает чувство покорности» [37, с. 122]. В случаях раннего недоразвития органов (неуклюжесть, болезненность) беспомощность усиливается, после чего возникает зависимость. В свою очередь, «возросшее чувство своей собственной незначительности и слабости… ведет к отрицанию агрессивных проявлений, а отсюда — к беспокойству и тревоге» [3, с. 276]. Так из первоначального ощущения бессилия формируется мужской протест [3, с. 276-277]. Отсутствие родительской проницательности в отношении взрослеющего ребенка, невнимание к нему или чрезмерное баловство играют большую роль в этиологии беспомощности. Динамику беспомощности можно проследить в его подходе к неврозам [4, с. 95-105]. Невроз приводит к отрыву от реальности, а нереалистические жизненные цели и избегание ответственности поддерживают беспомощность. Формирование жизненных целей, которые не осознаются, начинается в раннем детстве как компенсация чувства неполноценности, незащищенности и беспомощности в мире взрослых. Если чувство неполноценности или беспомощности слишком сильно, то жизненные цели могут быть невротически преувеличены. В статье «Детская психология и исследование неврозов» Адлер отмечает, что беспомощность, несостоятельность и неудачливость с демонстрацией невротического или неадаптивного жизненного стиля — результат недостаточного развития социального интереса. Такие неуверенные в себе, неконтактные, одинокие люди демонстрируют асоциальное или антисоциальное поведение, используя беспомощность как средство манипуляции [4, с. 97-105]. Вслед за А. Адлером К. Абрахам отмечает, что «если человеку не удалось достаточно развить свои социальные чувства, то прямым следствием будет заметное нарушение характера» [2, с. 46]. Автор описывает тип невротика с личностной беспомощностью: эти люди избегают принятия какой-либо инициативы, а «в повседневной жизни желают, чтобы добрый отец или заботливая мать были

всегда рядом и устраняли трудности на их пути» [2, с. 29-30]. Избегание усилий, по его мнению, является распространенной чертой анального характера беспомощности. В. Райх добавляет, что болезненная беспомощность и застенчивость, будучи невротическими чертами характера, принимаются индивидом как неотъемлемая часть личности, поскольку защитные механизмы рационализированы в сознании индивида и переживаются как часть системы его самооценки [27]. В. Райх, задаваясь вопросом, где находятся источники невротической эпидемии, указывает на то, что «родители подавляли сексуальность детей и подростков, бессознательно действуя по поручению авторитарного, механизированного общества. У детей, которым из-за принудительного аскетизма, а отчасти из-за безработицы был закрыт путь к нормальной жизнедеятельности, формировалась клейкая, проникнутая беспомощностью и чувством вины привязанность к родителям» [28, с. 155]. Такое положение блокирует их освобождение из детской ситуации и поддерживает страх перед жизнью, беспомощность, невроз.

Несмотря на то что конфликт в определенном возрасте можно исчерпать до конца, он навсегда оставит след в характере человека, т. е. беспомощность будет проявляться в степени закалки характера и в особенностях преодоления жизненных трудностей [19].

Д. Боулби, Д. Винникот, М. Малер, Дж. Кристал и Р. Шпиц полагают, что этиологию беспомощности как невротического поведения следует искать в раннем возрасте — депривации или в нарушенных отношениях между ребенком и родителем. Д. Боулби указывает на последствие беспомощности — эффект госпитализма, когда брошенные матерями дети, получающие заблокированные и непредсказуемые реакции, внезапно умирают в приютах [7]. Г. Кристал указывает на то, что потеря матери, даже на короткий срок, вызывает в младенческом возрасте регрессию и беспомощность, механизм развития которой имеет движение от протеста к отчаянию и изоляции. Предшественники аффектов у новорожденного состоят из состояния удовлетворения и отклика на дистресс, а из возбужденного состояния дискомфорта при разлуке развивается аффект «чрезвычайных состояний» [20, с. 101]. Р. Шпиц, наблюдая за маленькими детьми, страдающими синдромом госпитализма, отмечал, что они «при разлуке с матерью от шести месяцев до года отказывались от еды, поворачивая свои головы вокруг саггитальной оси позвоночника. Это поведение, напоминающее паттерн покачивания головой взрослого человека, означающий нет, продолжалось до тех пор, пока незнакомец находился возле них… На более поздних стадиях эти дети обычно впадали в летаргию, лежали без движения или звука, словно в оцепенении, смотрели в пустое пространство» [46, с. 13-14]. Автор описал позу беспомощности у таких младенцев — позу «ухода», лежа лицом к стене, являющейся «патогномической», т. е. она уже сама по себе достаточна для диагноза беспомощности.

Х. Папоузек и М. Папоузек перечисляют ряд наблюдаемых в этой ситуации экспрессивных и моторных актов, которые можно рассматривать как индикато-

ры беспомощности: «внезапное изменение в поведении младенца, который лежит неподвижно, с несведенными в одну точку широко раскрытыми глазами и дыханием как во сне» [53, с. 251]. В таком инфантильном отклике уже присутствуют элементы смирения и тотальной беспомощности, но сохраняется еще способность быть спасенным от опасности внешним объектом. Перечень индикаторов беспомощности включает в себя не только бедность мимики, но и кратковременное или же продолжительное замедление поведения [20, с. 108]. По мнению С. Лебовиси, «качества привязанности являются долговременными и позволяют предсказывать чувство уверенности ребенка, в частности при его поступлении в школу» [32, с. 472]. Даже более легкие травмы детского возраста не только провоцируют беспомощность, но и существенно изменяют структуру развития личности и адаптивных способностей.

Д. Винникот считает, что отсутствие заботливой среды в раннем возрасте, когда постепенное развитие умения справляться с возникающим напряжением блокируется матерью, обусловливает личностную беспомощность, которая связана с развитием ложного Я у человека. Внутренняя напряженность, тревожность, конфликтность образа Я, ощущение неполноценности, ненужности и отверженности, когда подвергается опасности формирование базовой способности — способность к одиночеству — это проявления аффективного компонента беспомощности. В этой ситуации ребенок не ощущает своей эффективности и, испытывая беспомощность, начинает приспосабливаться к потребностям матери, чтобы получить желаемое. Так вырабатывается ложное Я. Взрослея, он проверяет свои желания и действия реакцией других, что еще больше поддерживает беспомощность [11].

Еще одна причина беспомощности в раннем детском возрасте — чрезмерная гиперопека матери с отстранением отца, приводящая к перевозбуждению и сверхстимуляции ребенка, поскольку ребенок играет роль «эмоционального костыля матери», находясь с ней в симбиотической связи. Дж. МакДугалл указывает на то, что мать ненароком, исподволь может внушать своему младенцу то, что может быть определено как наркотическое отношение к ее присутствию и ее функциям по уходу за ним, тотальную зависимость и беспомощность [52, с. 247-298]. Депрессивная мать постоянно находится с ребенком, потому что без него сама чувствует беспомощность, пустоту и одиночество. Названные обстоятельства могут вызвать младенческую депрессию, которую А. Грин считает «зеркальным отражением состояния матери» [32, с. 494].

Б. Гольс описывает клиническую картину депрессии у младенца, содержащую четыре рода сигналов, где можно увидеть яркие признаки беспомощности: тимическая атония, моторная инертность, интерактивная замкнутость, психосоматическая дезорганизованность [32, с. 495]. При таком развитии, по мнению Дж. Кристала и Г. Кристала, в случае неудачи формирования интроектов заботы о себе ребенок (впоследствии взрослый) не сможет обладать внутренними функ-

циями, включающими в себя способность выдерживать душевную боль или состояние перевозбуждения в повседневной жизни [20]. Опыт отсутствия надежных и теплых эмоциональных отношений с матерью служит фундаментом будущей беспомощности взрослого на протяжении всей жизни и влияет на формирование эмоциональной связи с собственным ребенком. Последствия беспомощности — затрудненность в налаживании контактов, так как беспомощному человеку трудно выражать свои чувства другим из-за боязни отвержения, пережитого в детстве [36, 37, 41].

В период сепарации — индивидуации (18 месяцев) беспомощность сохраняется, поскольку ребенок еще не может справляться с опасными аффектами. М. Малер объясняет, что в этот период ребенок сталкивается с организмической паникой, базисное настроение в этот период — печаль, беспомощность, зависть и депрессия [26, с. 220-221. Беспомощность обусловлена «двойной травмой» — приучением к туалету и открытием различий между полами. На эдипальной стадии, по мнению К. Хорни, ребенок продолжает переживать беспомощность, выраженную во фрустрации, разочаровании, отверженности и беспомощной ревности, что обусловлено неизбежным отрицательным опытом общения ребенка с противоположным полом Эти чувства, как правило, добавляются переживаниями, связанными с ложью взрослых [41, с. 94]. На основе этих чувств беспомощности, одиночества, заброшенности развивается базальная тревога [41, с. 94].

Э. Эриксон полагает, что успешное противоборство переживанию беспомощности в детстве может облегчить в дальнейшем развитие самостоятельности, ответственности, индивидуальности и вызвать взаимную любовь, неуспешное — привести к изоляции от общества, неуверенности, сомнению и стыду. По словам Эриксона, изолированный подросток «отвергает существование как таковое и вместе с этим самого себя» [47, с. 268]. В своей знаменитой работе «Идентичность: юность и кризис» автор описывает устойчивое и «бессильное стремление изолированного «страдальца» быть верным себе» [47, с. 269].

Беспомощность настолько трудно переносится индивидом, что в действие вступают психологические защиты. Как полагают З. Фрейд и А. Фрейд, если ранний опыт социализации (в случае неудачного социального приспособления) сформировал у человека представление о себе как о зависимой, неадекватной и неспособной личности, то он усвоит отрицание, вытеснение, подавление и «реакционные образования». Все названные механизмы тормозят и ограничивают функцию памяти. Несмотря на то что эти защиты являются неконструктивными стратегиями, они адаптивны, поскольку на какое-то время дают возможность «передышки», т. е. «спасают от напора неприятных ощущений» [36, с. 154]. К примеру, отрицание позволяет перерабатывать «шоковые переживания» малыми дозами, постепенно ассимилируемыми смысловой сферой личности [36, с. 154-155].

Беспомощность может обнаружиться вследствие травмы-дезинтеграции или срыва, возникающего в том случае, когда психический аппарат внезапно подвергается воздействию внешних или внутренних стимулов, которые слишком сильны, чтобы справиться с ними. В теории травмы особую роль играют внешние патогенные, «неблагоприятные» условия, чаще с одним сложным событием, существующим в реальности, где человек оказывается жертвой внешних обстоятельств. Источник страданий, разочарований и беспомощности лежит во внешней ситуации, субъективно оцениваемой как непереносимая.

«Беспомощность» — не только ключевое слово в концепции травмы З. Фрейда, он считал детский травматический опыт в качестве пускового механизма беспомощности, поскольку в основе психической травмы лежит тот или иной аффективный способ реагирования — испуг, тревога, стыд, физическая боль и беспомощность. Особенно это касается детской сексуальной травмы. По мнению З. Фрейда, она действует чрезвычайно патогенно, поскольку ребенок оказывается уязвленным в своих самых светлых чувствах взрослым, от которого ждал помощи и защиты. По З. Фрейду, «травматические влияния на ребенка нельзя прочитать по проявившейся истории жизни, т. е. они зависят не от объективной важности события, а от его субъективного влияния на конкретного ребенка» [36, с. 179]. А. Адлер указывает на то, что в посттравматических состояниях депрессивное отношение представляет собой утрату «детского рая» и такую реакцию на эту утрату, как беспомощность [37, с. 121].

С. Фрайберг обнаружила, что в случаях патологического родительства воспоминание случаев насилия в детстве, тирании и отвержения воспроизводится в точных и потрясающих деталях, но связанный с переживаниями аффективный опыт — ужас и беспомощность при переживании насилия и отвержения — обычно не вспоминается [32]. По мнению Ш. Ференци, «трудно даже представить поведение и эмоции детей после такого насилия… такие дети ощущают себя физически и нравственно беспомощными, их личность недостаточно окрепла, чтобы они были в состоянии возражать даже в мыслях, ибо превосходящая сила и авторитет взрослого делают их немыми и могут лишить разума» [2, с. 205]. После травмы дети не могут использовать нормальные внутренние модели, чтобы организовывать свой межличностный мир и находятся в состоянии пассивности, утраты контроля, демонстрируя выраженную беспомощность. Они идентифицируются с агрессором, полностью забывая о себе, в результате чего «нападение перестает восприниматься как жесткая реальность» [2, с. 205]. Б. Э. Мур и Б. Д. Файн полагают, что при травме разрушается стимульный барьер или так называемый предохранительный щит, а Я утрачивает свои посреднические функции и становится беззащитным. При этом возникает беспомощность в различных вариациях — от общей апатии и ухода в себя до эмоциональной бури, которая сопровождается дезорганизацией поведения, граничащего с паникой [26, с. 232-233].

Болезненная самооценка и ущерб, нанесенный чувству самоуважения, не только формируют беспомощность, но и могут развиться в тяжелый невроз. З. Фрейд утверждал, что сущность и смысл травматической ситуации заключается в оценке субъектом своей способности противостоять травме и в признании своей беспомощности перед лицом травматической ситуации — физической беспомощности, если опасность реальна, и психической беспомощности, если опасность связана с инстинктами. Анализируя травматическое воздействие, З. Фрейд и А. Фрейд подразумевают, что оно является субъективным переживанием беспомощности, которое и определяет, что ситуация является травматической, в отличие от ситуации опасности [36, с. 179]. Момент беспомощности состоит в том, что он подразумевает сдачу, капитуляцию. О. Фенихель подчеркивает, что любой сильный, внезапный и особенно обладающий разрушительной силой поток раздражителей может вызвать психическую травму у любого индивида. Но для возникновения беспомощности становится важным, была ли возможна в период травмы моторная реакция или, напротив, ее блокирование. Если внутреннее возбуждение при угрожающей ситуации не находит разрядки, оно провоцирует патологические формы поведения — беспомощность и капитуляцию, с хаотичной двигательной активностью, нередко не поддающейся контролю и волевому управлению в связи с подавлением, блокированием или снижением функций Эго. В этом случае в поведении преобладают преимущественно регрессивные феномены — переход функций на более низкий и примитивный уровень регуляции, вплоть до инфантильных реакций с демонстрацией беспомощности, пассивности и зависимости. Беспомощные люди после угрожающей ситуации выглядят скованными, раздраженными или отстраненными либо крайне несдержанными и вспыльчивыми по отношению ко всем, кто готов оказать помощь и поддержку. Они лишаются уверенности в себе, доверия к себе и другим людям [33].

Беспомощность так тесно вплетается в ядро личности и динамически связана со многими эмоциями — страха, застенчивости, горя или страдания, гнева, ярости, что позволяет исследователям назвать их в качестве значимых мотиваций беспомощности. К.Г. Юнг рассматривает беспомощность как рассогласовывающий динамизм злости и ненависти, который характеризуется чувством, что человек живет среди врагов. Озлобленность, по К.Г. Юнгу, возникает в возрасте 2-3 лет, принимая разные формы замены — застенчивости, вредности, жестокости. Г. Кристал полагает, что страх, как правило, развивается в тревогу и стыд, гнев развивается в отклики разочарования, ревности и зависти, отвращения. Поэтому высокая степень вины, стыда, разочарования и гнева, скорее всего, вызовут высокий уровень беспомощности. В. Левис и Э. Эриксон считают, что эмоция стыда сопровождается остановкой потока сознания и острым ощущением неудачи, поражения, а также обострением самосознания и специфическими чертами восприятия себя как маленького, беспомощного. Ф. Зимбардо добавляет, что чувства разочарования в себе, ощущение своей неуместности

и беспомощности могут выступать в качестве предшественников или следствия стыда [13, 18, 20]. Е. Крис обозначает беспомощность как негативную реакцию вследствие страха перед неизвестной и опасной ситуацией. Поскольку неизвестная опасность создает ситуацию, когда деятельность не может быть направлена на определенную цель, ум парализуется. К. Р. Эйсслер описывает пациентку, которая всегда боялась какой-либо ситуации и с трудом справлялась с ужасом. Ее паника и беспомощность запускались гневом, который переходил в ярость, направленную против родственников. Впоследствии женщину переполняло чувство вины и стыда, но чем более расстроенной она становилась, тем более подавленной становилась ее самопрезентация, так что она воспринимала себя беспомощной жертвой своего грубого и отвергающего мужа, т. е. ее аффекты развивались по порочному кругу раскручивающейся спирали. Оказалось, что пусковым механизмом развития беспомощности послужила детская травма — покинутость матерью во время эвакуации. Если женщина осознавала свои чувства гнева, то становилась испуганной, «так как развитие тревоги означало для нее неподконтрольность ситуации» [20, с. 65].

А. Х. Шмайль подчеркивает, что «интенсивность чувства беспомощности зависит от высокой степени эмоций вины и стыда, испытываемых на предыдущих стадиях развития, и от ресурсов, осуществляющих сублимации» [20, с. 119]. И. Изард, Р. Герриг и Ф. Зимбардо полагают, что беспомощность будет появляться в контексте эмоциональных или значимых отношений и временно разрушать или сильно затруднять социальное общение и межличностный контакт, поскольку люди обычно сильно пугаются и стыдятся своей беспомощности. В связи с этим одним из распространенных способов избегания показа своей беспомощности и развития высокого порога беспомощности являются презрение к другим и замкнутость [13, 18]. К. Хорни раскрыла смысл такого проявления беспомощности в работе «Невроз и развитие личности», где пишет о том, что многие люди колеблются между ощущением высокомерного могущества и собственного презираемого ничтожества. Суть теории К. Хорни в динамике внутреннего конфликта: когда решения объединяются, конфликтуют между собой, становятся сильнее или слабее, они могут порождать порочные круги, сменяемые другими кругами. Внутриличностные конфликты между защитными стратегиями вызывают колебания, неуверенность и ненависть к себе. В любой из защитных стратегий один элемент, маскирующий базовую тревогу, выделяется больше других: беспомощность в решении в пользу уступчивости, враждебность в агрессивном решении, изоляция в решении в пользу уединения и ухода от людей, т. е. одиночества [42]. П. Б. Ганнушкин обнаружил, что страх и защитные привычки не просто сопровождают беспомощность, но ее обусловливают, приводя к потере работоспособности. Автор так описывает механизмы беспомощности: «…у некоторых людей психопатического склада, сравнительно удачно справляющихся с жизнью…постепенно, вследствие различных шоков и ряда последовательных ухудшений состояния в определенный срок устанав-

ливается если не полная, то, во всяком случае, большая беспомощность…» [12, с. 72]. Далее П. Б. Ганнушкин уточняет, что речь идет о синдроме, так как явление беспомощности имеет не стационарную, а некоторую развивающуюся динамическую форму, результат накопления многих реакций на различные воздействия, каждое из которых совершенно недостаточно для вызывания стойкого реактивного состояния беспомощности. Формы описываемого синдрома беспомощности могут также представлять собой ответ или реакции на длительное аффективное напряжение, вызванное каким-нибудь конфликтным переживанием. Есть принципиальное различие между развитием беспомощности и длительным реактивным состоянием беспомощности, поскольку при синдроме беспомощности было выявлено наличие шока или даже нескольких последовательных шоков [12, с. 72].

Экзистенциально-гуманистический подход к проблеме беспомощности подразумевает изучение и целостное осмысление жизненных ситуаций, а также апелляцию к индивидуальной ответственности, нравственности, поиску и осознанию смысла жизни. Дефицит этих качеств делает личность уязвимой к беспомощности на разных этапах онтогенеза. Экзистенциальные психологи неоднократно подчеркивали, что в условиях отчужденности современного человека от мира и от самого себя, вне осознанного целевого аспекта поведения люди становятся слабыми, беспомощными и склонными к различным видам саморазрушительного поведения. Л. Бинсвангер ввел понятие «экзистенциальная беспомощность», означающее, что «человек не автономен в мире, отгораживается от основы своего существования, не принимает существование на себя, а доверяется чужим силам, делая их, а не себя ответственными за свою судьбу» [40, с. 269]. Н. Абаньяно усматривает источники беспомощности в греховности человека — несобранности, несерьезности, расслабленности, погружении в жизнь такую, как она есть, неспособности координировать ее, господствовать над собой [1, с. 109]. Р. Мэй в качестве внешних условий беспомощности называет характерное для последних десятилетий разрушение мифов как культурной основы. Согласно его мнению, беспомощность обусловлена также личностными особенностями — блокированием сознания, несостоятельностью в принятии решений, недостатком смелости, слабой волей, реакцией отказа от деятельности, устойчивыми ригидными установками. Для характеристики поведения, которое сводится к беспомощности, параличу воли, замыканию и фиксации на собственной никчемности, обреченности любого поступка на провал, автор ввел ключевое понятие «невротическая тревога», которым обозначил реакцию, не пропорциональную угрозе, вызывающую подавление и виды внутрипсихических конфликтов и управляемую разнообразными формами блокирования действий и понимания. В результате минимального реагирования и сужения феноменологического мира и жизненного пространства полностью блокируется личностный рост и развитие [24]. Для того чтобы не впасть в беспомощность, человек может осмыслить сложные жизненные обстоятельства, встречаемые на его пути,

в контексте ценностей отношения, верить в себя и в бога, придав своему страданию смысл. В. Франкл описывает, как заключенные концлагерей трансцендировали ужасы своего существования, т. е. преобразовывали себя из беспомощного и экзистенциально больного человека в экзистенциально здорового. Совесть и вера помогала им осознавать и отыскивать уникальный смысл, кроющийся в каждой сложной ситуации, противоречащей сложившимся ценностям, когда эти ценности уже не отвечали быстро изменяющимся ситуациям [35, с. 153-154].

В гуманистической традиции беспомощность выступает как барьер к самоактуализации. К. Роджерс, причиной беспомощности считает значительную дистанцию между реальным Я и Я идеальным, т. е. ребенок будет переживать беспомощность, как только потерпит неудачу в попытке соответствовать идеальному Я. Чем сильнее он хочет жить согласно идеальному Я, в системе недостижимых идеалов, тем уязвимее становится для неудачи и для беспомощности. В случае, когда Я-концепция подвергается временной критике, индивид склонен к страху или к принятию оборонительной позиции, что может вызвать временное состояние беспомощности. Частая критика в адрес Я-концепции быстро приводит к устойчивой беспомощности. К. Роджерс полагает, что боязнь принятия решений приводит к хаосу — неконтролируемости жизни и беспомощности [30].

Э. Фромм анализирует беспомощность с позиций философско-антропологической концепции человеческого существования, истории и культуры в целом. Согласно его концепции, в процессе эволюции люди утратили единство с природой и друг с другом, развив способность мышления, воображения и предвидения, что породило чувства одиночества и изоляции и привело к осознанию своего неведения, своей беспомощности в мире и, наконец, к пониманию конечности своего бытия, неизбежности смерти [38, с. 10]. По его мнению, родители столь же беспомощны, что и дети [38, с. 222]. В работе «Душа человека» он раскрывает манипулятивную сущность беспомощности в описании патологических черт характера. Например, люди с мазохистскими чертами характера имеют склонность навлекать на себя болезни, несчастные случаи, оказываться в униженном положении, принижать и умалять свои достоинства. Но в действительности «этими людьми движет одно из самых иррациональных бессознательных влечений человека — желание быть слабым и бессильным» [39, с. 329]. Они «сдвигают» центр собственной жизни в направлении неподвластных им сил, избегая таким образом личной свободы и персональной ответственности. Зависимость и беспомощность Фромм обнаруживает и у людей с орально-воспринимающей ориентацией характера, считающих, что источник всего хорошего находится вовне, поэтому проблема любви сводится к проблеме быть любимым, а не любить самому. Фромм пишет: «…беспомощной и зависимой ориентации они придерживаются и в мышлении… Предоставленные сами себе, они чувствуют себя как бы парализованными … они находятся на иждивении не только у тех, кто может предоставить им знания или помощь, но и вообще

у людей, способных их поддержать. Оставшись наедине, они теряются, ибо чувствуют, что ничего не могут сделать без посторонней помощи. Их беспомощность особенно ярко проявляется в таких поступках, которые по самой своей сути надо совершать в одиночку: принимать решения и брать на себя ответственность. В личностных отношениях они также абсолютно беспомощны, так как спрашивают совета у того самого человека, относительно которого им предстоит принять решение» [39, с. 329]. Э. Фромм обнаружил паттерны беспомощного реагирования и в злокачественном нарциссизме. Человек, воспринимающий себя как идеальную личность, не выносит критику, из-за которой он направляет свой гнев на себя, и когда его охватывает чувство собственной бесполезности и беспомощности, он погружается в длительную депрессию [39, с. 329].

У А. Маслоу беспомощность — нечто объективно данное, поскольку «существуют объективные силы, подталкивающие человека в сторону здоровья, но также действует и регрессивное влияние, влекущее индивида в противоположную сторону — к болезням и бессилию» (цит. по: [37, с. 502]. Здесь беспомощность приобретает особый смысл — это психологическая разлаженность, которая наряду с зависимостью является дефицитарной болезнью. А. Маслоу выявил социокультурные условия беспомощности — давление группы и социальную пропаганду, ограничивающие возможности развития личности, мешающие проявлять самостоятельность [23].

Теоретики бихевиоризма А. Бандура, Б. Скиннер доказывают, что беспомощность как ненормальная форма поведения может усваиваться посредством научения и подкрепления. По их мнению, симптомы психических расстройств, к которым относится и беспомощность, возникают потому, что человек приучился к пораженческим, неэффективным формам поведения (цит. по: [37, с. 695]). В рамках теории ожидаемой ценности беспомощность опосредованно изучалась К. Левиным, который сделал анализ целевой структуры поведения и уровня притязаний, Э. Толменом, проанализировавшим целенаправленные действия, Л. Фестингером (когнитивный диссонанс) и Ф. Хайдером, рассмотревшим атрибутивные процессы. Т. Дембо, Л. Фестингер и Р. Сирс отмечают, что на поведение индивида влияет предположение самой личности о том, что событие произойдет определенным образом. Н. Физер получил результаты, показавшие, что личный опыт успеха и неудач влияет на обусловленность ожиданий, а также подтвердившие роль социальных факторов в мотивации личности (цит по: [11, с. 58]). Согласно мнению А. Бандуры, «индивиды не являются ни беспомощными объектами, контролируемыми силами окружения, ни совершенно свободными существами» (цит. по: [37, с. 687]. Автор указывает на важность предвидения события: люди, считающие себя неспособными добиться успеха, склонны к мысленному представлению неудачного сценария в сложных обстоятельствах, а уверенность в неспособности добиться успеха ослабляет мотивацию и мешает выстраивать адаптивное поведение. Низкий уровень самоэффективности, соче-

таясь с неблагоприятной средой, приводит к тому, что человек ощущает апатию и беспомощность, склонен и дальше мириться со своим положением. На формирование низкого уровня самоэффективности и саморегуляции влияют неудачи, пережитые в детстве, когда человек еще не имеет стойкие представления о собственной компетентности, т. е. может научиться беспомощности или уверенности. Косвенные переживания и наблюдение за беспомощностью других играют в возникновении беспомощности не последнюю роль. А. Бандура указывает на социокультурные условия, отрицательно влияющие на самоэффективность и вызывающие коллективную беспомощность: жизнь в транснациональном мире и новейшие технологии [37].

Экспериментальные подходы к выявлению выученной беспомощности, включающие в себя изучение локуса контроля и атрибутивных стилей, имеют давнюю традицию. И. П. Павлов впервые обнаружил при формировании экспериментальных неврозов у собак в экспериментах с классическими условными рефлексами необычное состояние хронического торможения, которое позже М. Селигман и С. Майер обозначили как состояние выученной беспомощности [17, 51]. Впоследствии был обнаружен главный фактор, вызывающий выученную беспомощность, — предшествующий опыт влияния неконтролируемого для испытуемого негативного воздействия [50]. Ожидание того, что результаты не зависят от реакции организма, влечет за собой ряд мотивационных, когнитивных и эмоциональных последствий или дефицитов беспомощности. Неуправляемые события снижают мотивацию к поиску более адаптивных реакций; в результате неконтролируемости негативных событий у человека возникают трудности в усвоении того, что его реакции могут положительно воздействовать на другие события; повторный опыт переживания неконтролируемости событий приводит к эмоциональному состоянию, близкому к депрессии. Обнаружилось, что беспомощность переносится или распространяется с ситуации одного типа на ситуацию другого типа. Д. Хирото открыл, что личностная переменная — экстернальность действует подобно искусственно созданной ситуативной переменной безвыходности, формируемой в эксперименте [50]. В усовершенствованной теории выученной беспомощности был взят за основу объяснительный тип атрибуций, объясняющий появление беспомощности [49]. Обнаружилось, что оптимистическая атрибуция предупреждает беспомощность, а пессимистическая ее обусловливает. Оптимисты легче преодолевают жизненные невзгоды и дольше живут, чем пессимисты [17, 45, 48].

В результате теоретического обобщения мы пришли к выводу, что беспомощность включает в себя широкий спектр психологических понятий — от затруднений в общении до эмоциональной реакции, протекающей по типу развития капитуляции, т. е. затрагивает личность в целом. Поэтому в дальнейшем следует использовать понятие личностной беспомощности.

Феномен личностной беспомощности имеет развивающуюся динамическую форму как результат накопления многих реакций на негативные воздействия ситуаций. Она не может выступать в роли первичного аффекта, поскольку обычно следует за страхом, тревогой, обидой, разочарованием.

Данный феномен беспомощности тесно вплетен в картину жизни и проявляется в религии, политике, учебе, спорте, профессиональной деятельности. Личностную беспомощность правомерно рассматривать во взаимосвязи ситуативных и личностных переменных, поскольку чаще беспомощность проявляется именно вследствие сложных, непредсказуемых и изменчивых жизненных обстоятельств и выражается в неспособности индивида осознать, понять, сориентироваться и преодолеть ситуацию, субъективно оцениваемую как сложную и непереносимую.

Личностная беспомощность характеризуется нарушением существующей структуры интеракции, не позволяющим предвидеть события, правильно оценивать и понимать складывающиеся сложные ситуации, а также невозможностью выработки адекватных поведенческих стратегий (вплоть до отказа от действий по преодолению этих ситуаций) и всегда сопровождается эмоциональным страданием и соматизацией проблем. Она может протекать в латентном, замаскированном виде, а также приобретать относительную устойчивость и выраженность, т. е. становиться своеобразным жизненным кредо, личностной позицией, существенно влияя на жизнь человека и определяя его поведение и судьбу.

В целом мы можем заключить, что личностная беспомощность как психологический феномен — это многокомпонентное личностное свойство, устойчивая тенденция к переоценке расхождения личностных ресурсов и требований ситуации, субъективно оцениваемой как непреодолимая и неподконтрольная, проявления которой могут иметь специфические черты, обусловленные содержанием сложной ситуации.

Библиографический список

1. 1. Аббаньяно Н. Введение в экзистенционализм. СПб.: Алетейя, 1998.
2. 2. *Абрахам К., Гловер Э., Ференци Ш.* Классические психоаналитические труды: пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2009.
3. 3. *Адлер А.* Воспитание детей. Взаимодействие полов/пер. с англ. А. А. Валеева и Р. А. Валеевой. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
4. 4. *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии: пер. с нем./вступ. ст. А. М. Боковикова. М.: Просвещение, 1995.
5. 5. *Батурин Н. А.* Психология успеха и неудачи: учеб. пособие. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 1999.
6. 6. *Бодалев А. А.* О человеке в экстремальной ситуации (эмоциональная и интеллектуальная составляющая отношения в выборе поведения) // Мир психологии. 2002. № 4 (32).

7. 7. *Боулби Д.* Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
8. 8. *Бурлачук Л. Ф., Михайлова Н. Б.* К психологической теории ситуации // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 1
9. 9. *Вайзер Г. А.* Смысл жизни и двойной кризис в жизни человека // Психологический журнал. 1998. № 5.
10. 10. *Василюк Ф. Е.* Психология переживания различных критических ситуаций // Психологический журнал. 1995. Т. 16, № 5.
11. 11. *Винникотт Д.* Маленькие дети и их матери. М.: Класс, 1998.
12. 12. *Ганнушкин П. Б.* Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика. Н. Новгород: НГМД, 1998.
13. 13. *Герриг Р., Зимбардо Ф.* Психология и жизнь. СПб.: Питер, 2004.
14. 14. *Грановская Р. М., Никольская И. М.* Защита личности: психологические механизмы. СПб.: Знание, 1999.
15. 15. *Демин А. Н.* Личность в кризисе занятости. Стратегии и механизмы преодоления кризиса. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004.
16. 16. *Джидарьян И. А.* Психологические причины поведения счастливых и несчастливых людей в трудных жизненных ситуациях // Вестник РГНФ. 1998. № 1.
17. 17. *Зелигман М. Э. П.* Как научиться оптимизму. М.: Вече, 1997.
18. 18. *Изард К. Э.* Психология эмоций: пер. с англ. СПб.: Питер, 2002.
19. 19. *Кемпински А.* Экзистенциальная психотерапия. М.: Белый кролик, 1998.
20. 20. *Кристал Г.* Интеграция и самоисцеление. Аффект, травма и алекситимия. М.: Институт общегуманитарных исследований. 2006.
21. 21. *Лакан Ж.* Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда: пер. с фр. М.: Логос, 1997.
22. 22. *Лапланш Ж., Понталис Ж. Б.* Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996.
23. 23. *Маслоу А.* Психология бытия: пер. с англ. М.: Рефл-бук, Киев: Ваклер, 1997.
24. 24. *Мэй Р.* Открытие бытия. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004.
25. 25. *Прохоров А. О.* Психология неравновесных состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
26. 26. Психоаналитические термины и понятия: словарь/под ред. Б. Э. Мура, Б. Д. Файн. М.: Класс, 2000.
27. 27. *Райх В.* Анализ характера. М.: Апрель Пресс, 2000.
28. 28. *Райх В.* Функция оргазма: основные сексуально-экономические проблемы биологической энергии. М.; СПб.: Университетская книга, 1997.
29. 29. *Решетников М. М.* Психическая травма. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2006.
30. 30. *Роджерс К.* Искусство консультирования и терапии: пер. с англ. М.:. Апрель Пресс, Изд-во Эксмо, 2002.
31. 31. *Ротенберг В. С., Аршавский В. В.* Поисковая активность и адаптация. М.: Наука, 1984.

32. 32. Уроки французского психоанализа: Десять лет франко- русских клинических коллоквиумов по психоанализу. М.: Когито-Центр, 2007.
33. 33. *Фенихель О.* Психоаналитическая теория неврозов/пер. с англ. А.Б. Хавина. М.: Академический проект, 2004.
34. 34. *Фоменко Г.Ю.* Личность в экстремальных условиях: два модуса бытия. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006.
35. 35. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
36. 36. *Фрейд А., Фрейд З.* Детская сексуальность и психоанализ детских неврозов: сб. работ/сост. и ред. М.М. Решетников. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1995.
37. 37. *Фрейджер Р., Фейдимен Дж.* Личность: теории, эксперименты, упражнения. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
38. 38. *Фромм Э.* Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990.
39. 39. *Фромм Э.* Душа человека. М.: Республика, 1992.
40. 40. *Холл К.С., Линдсей Г.* Теории личности. М.: ЗАО ЭКСМО-Пресс, 1999.
41. 41. *Хорни К.* Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. Т. 1.
42. 42. *Хорни К.* Невроз и развитие личности: пер. с англ. М.: Смысл, 1998.
43. 43. *Циринг Д.А.* Феномен выученной беспомощности в онтогенезе личности: дис…. канд. психол. наук. Челябинск, 2001.
44. 44. *Циринг Д.А., Сальева С.А.* Влияние детско-родительских отношений на формирование беспомощности у детей (системный подход) // Психологические проблемы современной семьи: Материалы третьей Междунар. конференции: в 2 ч./под общ. ред. А.Г. Лидерса. М.: ГНИИ семьи и воспитания, 2007. Ч. 2 (2).
45. 45. *Шиповская В.В.* Беспомощность: теория, эксперименты, практика. Краснодар: ИЭиУ МиСС, 2009.
46. 46. *Шпиц Р.А.* Психоанализ раннего детского возраста. — М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001.
47. 47. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
48. 48. *Colligan R.C., Offord K.P., Malinchoc M., Schulman P., Seligman M.E.P.* CAVEng the MMPI for an optimism-pessimism scale: Seligman's attributional model and the assessment of explanatory style // Journal of Clinical Psychology. 1994. Vol. 50.
49. 49. *Girgus J.S., Nolen-Hoeksema S., Seligman M.E.P.* Sex differences in depression and exlanatory style in children. Journal of Youth and Adolescence. 1991. Vol. 20 (2).
50. 50. *Hiroto D.S., Seligman M.E.P.* Generality of learned helplessness in man // Journal of Personality and Social Psychology. 1975. Vol. 31.
51. 51. *Maier S.F.* Failure to avoid traumatic electric shock: incompatable sceletal-motor responses or learned helplessness? // Learning and motivation. 1970. № 1.
52. 52. *McDougall J.* Primitive Communication and the use of the Countertransference: Reflections on early psychic trauma and its transference effects // In Plea for a Measure of Abnormality. New York: International Universities Press, 1980.
53. 53. *Papousek H., Papousek M.* Parent-Infant Interaction. New York: Associated Science, 1975.

ВКЛАД ДЖОНА ЛЬЮИСА ХОЛЛАНДА В ПСИХОЛОГИЮ ПРОФЕССИЙ И КАРЬЕРЫ (К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИЗВЕСТНОГО УЧЁНОГО)

А. Б. Седых[1]

Ключевые слова: RIASEC-теория, типы личности, профессиональные интересы, методика «Самонаправленного поиска». **Keywords:** RIASEC-theory, personality types, professional interests, methods of self-directed search.

Джон Льюис Холланд родился в Омахе, штат Небраска, 21 октября 1919 Г., в семье англо-ирландского происхождения. Его отец иммигрировал из Лондона в возрасте 20 лет, работал чернорабочим, посещал вечерние курсы в YMCA [2], и, в конечном счете, стал успешным руководителем в рекламном бизнесе. Его мать до замужества, была учительницей начальной школы. Родители придавали значение интеллектуальным интересам детей и отправили все четырех детей (трех мальчиков — Джон был вторым — и девочку) учиться в колледж.

В детстве и юношестве Джон увлекался музыкой, и это увлечение он сохранил до глубоко зрелого возраста. Он посещал уроки фортепьяно с 12 до 22 лет, и даже собирался стать музыкантом, пока не заметил во время концертов, что всегда находится какой-то другой ребенок, по сравнению с которым, все остальные выглядят не очень хорошо. Трезво оценивая свой талант и способности к музыке, Джон принимает другое решение. В Муниципальном университете Омахи он поступает на отделение психологии после предпринятой ранее попытки попробовать себя в естественных науках. Психология привлекала его, так как она раскрывала целый мир для понимания его юношеских забот.

После получения высшего образования в 1942 г. Холланд прослужил три с половиной года в армии рядовым, затем работал квалификационным интер-

---

[1] Седых Артём Борисович — преподаватель кафедры управления персоналом и организационной психологии, Кубанский государственный университет. Эл. почта: artemsed@inbox.ru

[2] YMCA (Young Men's Christian Association — Христианская Ассоциация Молодых Людей) — одна из крупнейших молодёжных организаций в мире. Основана в Лондоне в 1844 г. Джорджем Вильямсом и в настоящий момент насчитывает около 45 млн. участников в более чем 130 странах мира. В России YMCA (или ИМКА) зарегистрирована в 1998 году.

вьюером, испытательным инспектором, клерком, ассистентом психолога, администратором теста Векслера и т. д. Этот опыт, в особенности характеристика новобранцев по формам, принятым у военных, в четко обозначенные 15 минут, привели его к уверенности, что множество людей имеют сходные психологические типы. Он также имел возможность совместно работать и учиться с социальными работниками, психологами, и врачами — все это стимулировало его желание стать психологом. Он поступил в университет Миннесоты, чтобы изучать психологическое консультирование, был средним студентом, имел трудности с поиском интересной темы для диссертации, но, наконец, остановился на верификации некоторых предположений об искусстве и индивидуальности. Эта тема не очень соответствовала тому, чем занимались сокурсники или преподаватели. В конечном счете, Холланд все-таки оказался обладателем докторской степени [6]. Последующая четырехлетняя работа в центрах профессионального консультирования оказала долгосрочное влияние на Холланда. На него сильное влияние также оказала философия науки Герберта Фейгла (Herbert Feigl), которая стимулировала интерес к теории. Будучи неопозитивистом, Феигл оказался более открытым и беспристрастным, чем ожидалось тогда от человека с подобными взглядами. Его влияние подвигло Холланда на изучение иностранной литературы и освободило его от многих сомнений относительно ценности теоретических усилий.

Работа в области карьерного консультирования в Western Reserve University способствовала становлению взглядов Холланда. В то время Бланк профессиональных интересов Стронга (Strong Vocational Interest Blank) мог быть обработан на счетной машине примерно за час или отправлен по почте в службу оценивания тестов с приблизительно 10-дневным ожиданием. Если бы клиент заинтересовался профессией, отсутствовавшей в ключе, то специалисту нужно было бы использовать воображение и свои неполные знания видов занятий. Эта проблема была связана с нехваткой совместимой с Бланком профессиональных интересов Стронга или Протоколом предпочтений Кьюдера (Kuder Preference Record) профессиональной классификации. Словарь профессий (Dictionary of Occupational Titles — DOT)[3] представлял собой слабосовместимую и громоздкую коллекцию книг и документов. Его практическое использование, по мнению современников, было тягостным занятием [6, p. 672]. Холланду было тяжело принимать задержки в оценивании тестов и неполную информацию об интересах личности и профессиональных представлениях. Первоначально, больше в качестве забавы, в 1953 Холланд начинает разработку Vocational Preference Inventory (VPI). Он задумался: поче-

[3] Разработан в 1939 г. Службой занятости Министерства труда США (U.S. Department of Labor's Employment Service), и предоставляет стандартизованную информацию о примерно 40000 профессий. Показал себя очень полезным инструментом трудоустройства. Основная цель — помощь работникам отделов кадров сравнивать имеющиеся рабочие умения с требованиями профессии.

му бы не использовать названия профессий в качестве пунктов, и не создать шкалы для основных видов занятий, а не для единичных специальностей? Предварительная форма опросника позволяла получать результаты обычно близкие к результатам, полученным Бланком профессиональных интересов Стронга или Протоколом предпочтений Кьюдера. Первоначально в инструменте не имелось норм, а все пункты могли оцениваться респондентом только как «нравится». 10 шкал опросника имели разную длину и, таким образом, оценка человека по шкале была долей понравившегося — т. е. отвратительной с психометрической точки зрения [6, p. 673].

Смутные представления о профессиональных типологиях, появившиеся у Холланда под влиянием военного опыта, стали оформляться под влиянием Бертрама Форера[4] (Bertram R. Forer), который в 1948 г. разработал диагностический бланк интересов без шкал, но с полезными заключениями по интерпретации определенных видов деятельности, идеалов, стремлений. Чтение Форера привело Холланда к интерпретации ключей к Бланку профессиональных интересов Стронга как измерений личности и позволило сгруппировать эти интерпретации во всем понятную классификацию отраслей деятельности, науки и так далее. Эти примитивные интерпретации Холланда привели к первым формулировкам типологии с шестью измерениями. Ключи VPI — списки профессий — стали первой формой профессиональной классификации [6, p. 673]. В своих первых публикациях о теории Холланд отметил две цели, которые он преследовал. Во-первых, охватить и интегрировать знания о профессиональном выборе. Во-вторых, он надеялся, что теория будет стимулировать дальнейшие исследования. Уже через несколько лет после первых публикаций, стало очевидно, что Холланд достиг обеих поставленных целей, а к 1991 году Фредерик Борген[5] (Frederick Borgen) отметил, что исследования в рамках теории Холланда «обширные и незатихающие» [8, p. 1].

Работа в Veteran's Administration Psychiatric Hospital (1953-1956) обеспечила Холланду трехлетний практикум в клинической психологии, а работа с психиатрическими пациентами обеспечила возможность проверить возможности его опросника интересов [6, p. 673].

В теории Холланда (RIASEC-теории), которую он начал тогда разрабатывать, утверждается, что люди соответствуют одному или нескольким типам

[4] Читателю Бертрам Р. Форер может быть известен в связи с его открытием эффекта Форера (эффекта Барнума), т. е. эффекта субъективного подтверждения. Суть его в том, что люди крайне высоко оценивают точность таких описаний их личности, которые, как они предполагают, созданы индивидуально для них, но которые на самом деле неопределённы и достаточно обобщены, чтобы их можно было с таким же успехом применить и ко многим другим людям.

[5] В основном, Ф. Борген известен благодаря исследованиям опросника интересов Е. К. Стронга — одного из популярнейших инструментов профориентации и планирования карьеры в США. Борген был разработчиком расширенной версии опросника (1994 г.), базирующейся на исследованиях более 100.000 работающих в различных профессиях взрослых.

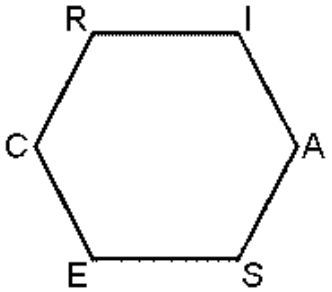


Рисунок 1. Гексагон профессиональных типов личности

личности: Реалистическому (R), Исследовательскому (I), Артистическому (A), Социальному (S), Предпринимательскому (E) или Конвенциальному (C). Соотношение типов имеет графическое выражение в виде гексагональной модели (рис. 1).

Холланд применил те же шесть характеристик для описания рабочей и домашней среды и утверждал, что некоторые индивидуальные исходы (например, профессиональный выбор и уровень достижений [15]) могут быть определены через исследования сочетаний типов личности и окружения.

В подходе Холланда непротиворечивость, соответствие типов личностей и типов профессионального окружения обозначается понятием *конгруэнтность* (Congruence). Также понятие используется для оценки соответствия между оценками, полученными разными инструментами или частями одного инструмента (например, *выражаемых* и *оцениваемых интересов*).

В 1957-1963 гг., когда Холланд работал в National Merit Scholarship Corporation, им были получены результаты в области оценки влияния образовательных институтов на подготовку ученых. Холланд продемонстрировал, что различные университеты получают изначально различающиеся сообщества студентов с точки зрения их способностей и талантов. Более того, если иметь в виду эти базовые различия, обнаруживается совсем небольшой вклад соответствующего образовательного учреждения, например, в производство ученых [7, p. 16]. Впоследствии Александр Астин (A. W. Astin) и другие (например: [4, p. 802]) разработали модели входа — выхода, чтобы проверить идею. Эти работы помогли сформировать направление исследований в психологии и социологии под названием «эффекты колледжей». Данная деятельность, включая последующую работу в американской программе тестирования колледжей (1963–1969) и университете Джона Хопкинса[6] (1969-1980), обеспечила ему достаточное финансирование, чтобы осуществлять крупномасштабные исследования на протяжении почти 20 лет. Работа Холланда на этом этапе

[6] Там он занимал должность профессора и директора Center for Social Organization of Schools (сейчас — Отделение социологии), вплоть до момента своего формального ухода на пенсию [15].

высоко оценена научным сообществом: в 1974 году он был награжден золотой медалью Е. К. Стронга за вклад в измерение интересов, а в 1980 году ему было присуждено звание заслуженного профессора в университете Джона Хопкинса [3, p. 5]. Во время этого периода типология профессиональных интересов была пересмотрена дважды и получила более ясную и весомую научную основу.

Инструментальная составляющая теории была улучшена с разработкой более всесторонней методики «Самонаправленного поиска» (Self-Directed Search — SDS) в 1970, с пересмотрами в 1977, 1985 и 1994 гг.

«Самонаправленный поиск» Дж. Холланда, без сомнения, уникальная методика оценки интересов, имеющая следующие особенности:

— является самоотчетом, заполняемым, оцениваемым и интерпретируемым самим обследуемым;

— сочетает в себе оценки по таким параметрам как мечты (daydreams), деятельности (activities), компетенции (competencies), карьеры (occupations) и самооценки (self-estimates);

— имеет шкалы, полностью прозрачные для пользователя; никаких попыток маскировки того, какие пункты нагружают определенные шкалы не предпринималось;

— методика использует «сырые» баллы — нет необходимости переводить их в какую-либо стандартную шкалу;

— методика позволяет получить трехбуквенный код по Холланду, позволяющий прямо обращаться к Справочнику профессий и другим ресурсам, использующим классификацию Холланда;

— методика стимулирует интервью с консультантом и не воспринимается обследуемыми как инструмент оценки;

— она сохраняется у обследуемого и может быть использована снова и снова, как постоянный инструмент планирования карьеры;

— методика может быть использована как индивидуально, так и в группе, что позволяет применять её и для решения широкомасштабных исследовательских задач [5, p. 118].

SDS существует в нескольких основных версиях:

— форма R — стандартная форма методики доступная в печатной или компьютерной форме;

— форма E — сокращенная, более понятная и простая версия методики, применяемая для людей с нарушениями чтения или для людей, для которых язык методики не является основным;

— форма CP — ориентирована на группы специалистов или взрослых в переходные периоды карьеры (in career transition)

— форма SDS Career Explorer — для использования в группах школьников младших классов

Российский читатель имел возможность познакомиться с SDS в его русскоязычной версии, получившей название «Опросника профессиональных предпочтений» — ОПП, адаптированной на российской выборке специалистами НПЦ «Психодиагностика» и НИП «Проспект» в 1993 году [1]. Однако в этой довольно распространенной адаптации SDS присутствуют только 3 из 5 разделов формы R: деятельности, способности (компетенции) и карьеры. Отсутствует раздел «Мечты» (Daydreams), который, по мнению самого Холланда, оценивает важный компонент интересов — *проявляемые (выражаемые) интересы (expressed interests)*, тогда как показатели опросников интересов, например, Стронга или Кьюдера обычно считаются *мерами оцениваемых интересов (assesed interests)* [12, p. 104].

В разделе «Мечты», респонденту предлагается перечислить карьеры, о которых он мечтал или те, которые он обсуждал с другими людьми. Далее перечисленные карьеры сравниваются со списком карьер из Словаря профессий (DOT) и оцениваются в рамках типологии. Эта оценка предполагает анализ *когерентности стремлений* (Coherence of Aspirations), которая определяется из анализа первых карьерных стремлений, перечисляемых в разделе Мечты SDS. Например, высокая когерентность фиксировалась бы в случае, когда первые буквы кода для первых трех профессий, перечисленных в разделе, совпадали бы. Предсказательная сила такой оценки, по мнению Холланда, равняется или даже превосходит результаты опросников интересов [12, с. 104]. Низкая когерентность стремлений в случае работы с клиентом, как правило, означает смазанную, беспорядочную картину профессионального мира, интересов или их взаимосвязей [12, p. 109].

Также отечественные исследователи мало знакомы с разделом «Самооценки» (Self-estimates), в котором обследуемому предлагается оценить свои способности в определенных сферах (соответствующих RIASEC-типологии) с использованием 7-балльных шкал (1 — минимальная оценка, 7 — максимальная оценка). Например, оценка *математических способностей*, соответствует исследовательскому типу в типологии, а оценка *способностей к пониманию других* — социальному типу.

Важным понятием теории Холланда является *профессиональная идентичность* (Vocational identity), оно появилось из попыток исследования значения для личности неопределенности в выборе профессии. С инструментальной точки зрения, профессиональная идентичность впервые была измерена шкалой идентичности методики «Моя профессиональная ситуация» (My Vocational Situation — MVS).

Идентичность, в теории Холланда, относится к ясности и стабильности целей и самовосприятия человека, а также к ясности и четкости целей и ожи-

даний окружения. Высокие оценки по уровню профессиональной идентичности на практике означают сравнительно небольшие трудности с принятием карьерных решений и уверенность в своей способности принимать правильные решения перед лицом некоторых неизбежных внешних трудностей или неопределенности. Низкие оценки по уровню профессиональной идентичности означают потенциальную нестабильность профессиональных интересов. Типология Холланда не слишком эффективна в работе с клиентами с низкими оценками профессиональной идентичности [12, p. 108-109].

«Моя профессиональная ситуация» (MVS) — популярная методика в исследованиях карьер. Благодаря инструменту были получены важные свидетельства в пользу включения профессиональной идентичности в теорию, более того, данные исследований позволяют говорить, что профессиональная идентичность является общей мерой психологического здоровья, а не только средством измерения трудностей в принятии карьерных решений. Фактически простую методику оценивания карьер можно рассматривать как чувствительный инструмент, измеряющий множество аспектов психологического благополучия [12, p. 109].

Создание «Опросника профессиональной позиции» (PCI) в 1991 году открыло для исследователей новые горизонты, связанные с изучением среды, в которой осуществляется деятельность. Инструмент может быть использован для классификации новых (или гипотетических) специальностей, равно как и для описания среды занятий, не являющихся работой. Он также может быть полезен для оценки гетерогенности специфических видов деятельности, различий в сходных видах работ с разной географической локализацией и т. д. [9, p. 65]. По словам Готтфредсона и Ричардса, PCI делает с окружением то, что SDS делает с людьми: опросник непосредственно и индивидуально оценивает их согласно конструктам теории [9, p. 65].

PCI состоит из 78 пунктов и требует примерно 10 минут для выполнения. Опросник, естественно, позволяет получить RIASEC-профиль (по которому можно оценить, например, дифференцированность и согласованность окружения).

Согласованность (Consistency), по Холланду, измеряется исследованием взаимосвязи двух первых букв кода. Профиль интересов является согласованным, если наиболее выраженные типы связаны или соседствуют в гексагоне, например, Реалистический и Исследовательский; Предпринимательский и Социальный типы. Высокая согласованность, обычно, является хорошим знаком и обычно связана с большей стабильностью в карьере и векторе её выбора [12, p. 109].

Дифференцированность (Differentiation) относится к уровню четкости или определенности личностного или профессионального профиля. Для примера, личность, имеющая сходство с одним типом — высоко-

дифференцированная. Тогда как личность, относящаяся ко всем шести типам — недифференцированна. Примером может служить профиль самого Холланда. Он включает артистический, социальный и исследовательский компоненты. «У меня довольно «плоский», невыраженный профиль», — говорил Холланд. «Это делает меня более гибким, сложным и немного смущает» [15]. Конечно, высоко дифференцированный профиль является более надежным с точки зрения теории, однако для клиента это может означать возможные трудности с выбором карьеры вследствие относительной узости альтернатив [12, p. 110].

Определенные трудности в выборе карьерных альтернатив имеют обладатели редких сочетаний кодов по типологии (например, артистического и конвенционального). Этот аспект рассматривается в теории под термином *распространенность* (commoness) и отражает частоту наблюдений полученного RIASEC-кода в той или иной популяции.

Высказываясь по поводу свои инструментов, Холланд отмечал, что «они так просты, что понятны даже ребенку». Холланд был убежден, что школьники и студенты будут лучше подготовлены к профессиональной жизни, если будут иметь возможности оценивать свои сильные и слабые стороны. Работа человека с опросниками интересов, по его мнению, напоминает интервью о жизненных событиях. В случаях, когда тот или иной человек, описывая свои устремления, относит их к одной группе (по типологии интересов), шансы на то, что через несколько лет индивид будет занят в данной или близкой профессиональной областях, невероятно велики.

Опросники интересов можно также использовать для того, чтобы обнаруживать людей, испытывающих сомнения в своем профессиональном выборе. «Если человек хочет быть электриком, биологом, социальным работником или работать в бизнесе — несомненно, вы столкнулись с очень смущенным (сомневающимся) человеком — и нет необходимости быть психологом для того, чтобы это определить» [15]. Говоря, о том, что люди предпочитают оставаться в тех областях, в которых они преуспевают, Холланд говорил: «Определенные изменения тяжело совершить. Артистические типы редко меняются. И исследовательский тип устойчив. Некоторые инженеры становятся предпринимателями, которые, при этом, используют опыт своей предыдущей работы» [15].

После ухода на пенсию в 1980 Холланд продолжил работу над теми же самыми проблемами. Ревизия теории от 1997 года включала его взгляды как на модель личности, так и на модель среды. В частности, он попытался охарактеризовать психологические типы в терминах «убеждений» (beliefs). Каждый тип личности имеет различные убеждения о самом себе и о последствиях своих действий, и каждая модель среды стимулирует продвижение различной системы убеждений. Эти идеи нашли свое отражение в понятии *личной теории карьеры* (Personal career theory — PCT), т. е. теории, свойственной данному чело-

веку — это коллекция убеждений, идей, предположений и знаний, которые направляют его в выборе определенных профессий, видов занятий.

С помощью Г. Готтфредсона он стремился развивать теорию вширь и выйти за пределы объяснительной силы модели конгруэнтности личности и среды, разрабатывая «Опросник карьерных аттитюдов и стратегий» (Career Attitudes and Strategies Inventory — CASI) в 1994. Введение профессиональной идентичности как регулятора в 1985 оказалось настолько полезным, что она стала главным вторичным конструктом при пересмотре теории в 1997 г. Пересмотренная теория также более явно включила инструменты для оценки идентичности среды с разработкой «Опросника организационного фокуса» (Organizational Focus Questionnaire). Как ни странно, более ранние версии теории оказали такое влияние, что множество практиков и исследователей, похоже, не заметили совершенствования и расширения теории в её ревизии от 1997 года. Эта проблема, возможно, была усилена трудностями в поисках самой новой книги, поскольку её опубликовало издательство специализирующееся на издании тестов и книга была недоступна, например, на популярных Web-сайтах[7] [7, p. 673].

В этот период заслуги Холланда перед наукой и практикой неоднократно получали признание в виде многочисленных наград, званий и премий. В 1981 году ему присуждают звание Doctor of Science[8] в Doane College, а в 1985 году — Doctor of Letters, University of Nebraska. Среди многих наград хотелось бы отметить: награду за выдающиеся достижения в исследовании проблематики карьеры и личности, присуждённую Американской психологической ассоциацией — APA и PAR[9] (1987 год); награды за выдающийся прижизненный вклад в оценивание, измерение и статистику (Distinguished Lifetime Contribution to Evaluation, Measurement, and Statistics) (1997 год) и выдающиеся научные разработки в области психологии (Distinguished Scientific Applications of Psychology) присужденные Американской психологической ассоциацией (2008 год)[10] [13, p. 5].

На пенсии Холланд продолжил свою прерванную музыкальную карьеру, посещая уроки фортепьяно и вокала. Услышав, как он играет, его друг заметил:

[7] Книга была опубликована издательством Psychological Assessment Resources (PAR Inc.) в 1997 г.

[8] В некоторых западных странах существует титул, присуждаемый тому, кто уже является носителем докторской степени. Так, в англо-саксонской академической системе (Великобритания, США и др. англоязычные страны) следующая после доктора философии (Ph. D.) степень в естественных науках носит название Doctor of Science, D. Sc.; для исследователей, специализирующихся в филологии, — Doctor of Letters, D. Litt. (доктор словесности); в области права — Doctor of Laws, LLD (доктор права). Присвоение этой степени обычно осуществляется не по результатам защиты диссертации, а по сумме опубликованных работ и по общему вкладу в науку или даже по общественной или публицистической деятельности. По этой причине эти звания являются прежде всего почётной степенью, вручаемой после многолетних заслуг, а не результатом направленной работы на получение степени.

[9] Psychological Assessment Resources (PAR Inc.)

[10] Кроме Холланда эту награду получали такие известные личности как Джозеф Вольпе (1979), Анна Анастази (1981), Дональд Е. Сьюпер (1983), Аарон Т. Бек (1989), Джон П. Кэмпбелл (2006) и др.

«Он играет так же, как исследует — со стилем, но где-то упуская в деталях» [6, p. 674]. Джон Льюис Холланд скончался 27 ноября 2008 года в Балтиморе, штат Мэриленд. Ему было 89 лет.

Идеи Холланда занимает почетное место среди исследований в области карьеры благодаря простоте и доступности, возможностям практического применения, своей эмпиричности и верифицируемости. По мнению ряда авторов, теория Холланда — один из редких случаев, когда теория хороша как с точки зрения практики, вследствие своей четкости и полезности, так и науки, вследствие простоты эмпирической проверки, широкого спектра применения к различным проблемам, возможностей оценивать развитие и изменения людей в течение жизни [5, p. 114-115]. Сам Холланд верил, что простота его теорий и методик — вот, что делает их эффективными. «Некоторые ученые думают, что раз что-то так просто понять, то это не может быть важным», — говорил Холланд. «В науке мы часто продаем, хотя многие не любят это признавать» [15].

Д. Холланда без сомнения можно признать значимой фигурой в психологии XX века, а в проблематике оценки профессиональных интересов он — одна из крупнейших фигур. На основе теории Холланда им, и другими исследователями и практиками разработано большое число практических приложений, например, из приблизительно 50 различных техник, методик и систем обеспечения карьерной информацией в США почти все используют RIASEC-таксономию [10, p. 76]. Хотя другие карьерные теории получили не меньшее признание, а другие практические инструменты также стали популярными, ни одна другая система не может похвастаться таким же уровнем интеграции теории, исследований и практики [5, p. 123].

Конечно, подход Холланда имеет ограничения и не следует его идеализировать. Например, есть свидетельства того, что шести типов недостаточно для описания многообразия трудностей и проблем в профессиональной жизни человека. Типы слишком широкие по объёму, по результатам исследований они вдобавок оказались многомерными. Кроме того, они объединяют такие профессии, которые, несмотря на принадлежность одному типу в модели, имеют очень существенные различия. Таким образом, есть необходимость в создании более точных пространственных моделей интересов, предполагающих интеграцию широкого круга личностных показателей.

Ряд исследователей утверждает, что интересы в силу своей контекстуальной природы могут служить отправной точкой для комбинирования широкого круга индивидуальных признаков при создании взаимосвязанной многоаспектной таксономии — атласа индивидуальных различий [3, p. 15]. Эти мнения основываются на предположениях о том, что люди сочетают предпочтения, способности и личностные черты для лучшей адаптации к требованиям

среды [3, p. 12]. Несмотря на то, что эти гипотезы получают частичное подтверждение, они требуют дополнительной проверки и конкретизации.

По нашему мнению, в современной России и странах ближнего зарубежья ощущается недостаток теоретических подходов и практических технологий для применения, например в области профессионального консультирования взрослых людей, находящихся в процессе карьерных изменений, связанных с потерей или сменой работы. Этому способствуют разного рода кризисные и переходные процессы в экономике, политике, социальной сфере и т. д. Очевидно, что в подобных случаях наиболее эффективными, при условии их корректного и компетентного использования, являются подходы комплексные, включающие как проработанную теоретико-методическую составляющую, так и богатый практический опыт реального применения. В этом аспекте, возможно, отечественных практиков заинтересуют работы Дж. Л. Холланда, отвечающие обозначенным выше требованиям. Например, человек не удовлетворенный своей нынешней работой может пройти диагностику при помощи «Самонаправленного поиска», определить конгруэнтность среде своей нынешней работы при помощи «Моей профессиональной ситуации», а затем выбрать более подходящую альтернативу при помощи Словаря профессий.

Некоторые сомнения по поводу возможностей применения типологии могут возникнуть в связи с кросс-культурными различиями. Некоторые исследования намекают на ограничения модели в российских условиях [2, с. 59]. Это, например, касается прогностической эффективности дифференцированности и однородности профессиональных интересов в предсказании трудоустройства выпускников вузов. В любом случае эти и другие вопросы требуют дополнительной проверки с привлечением иных категорий населения и более продолжительных лонгитюдных исследований.

Библиографический список

1. 1. *Воробьев А. Н., Сенин И. Г., Чирков В. И.* Опросник профессиональных предпочтений (Адаптация теста Д. Голланда «Самонаправленный поиск»). Руководство. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1993.
2. 2. *Пивнюк А. С.* Исследование профессиональных карьер выпускников факультета управления // Человек. Сообщество. Управление. 1999. № 3.
3. 3. *Armstrong P. I., Day S. X. McVay J. P., Rounds J.* Holland's RIASEC Model as an Integrative Framework for Individual Differences // Journal of Counseling Psychology. 2008. Vol. 55.
4. 4. *Astin A. W.* Evaluating the Effects of College on the Talented Student // The American Mathematical Monthly. 1962. Vol. 69.
5. 5. *Atanasoff L., Rayman J.* Holland's Theory and Career Intervention: The Power of the Hexagon // Journal of Vocational Behavior. 1999. Vol. 55.
6. 6. Award for Distinguished Scientific Application of Psychology: John L. Holland (2008) // American Psychologist, 2008. Vol. 63.

7. 7. *Gottfredson G.D., John L.* Holland's contributions to Vocational Psychology: A Review and Evaluation // Journal of Vocational Behavior. 1999. Vol. 55.
8. 8. *Gottfredson G.D., Savickas M.L.* Holland's Theory (1959-1999): 40 years of Research and Application // Journal of Vocational Behavior. 1999. Vol. 55.
9. 9. *Gottfredson L.S., Richards J.M. Jr.* The Meaning and measurement of Environments in Holland's Theory // Journal of Vocational Behavior. 1999. Vol. 55.
10. 10. *McDaniel M. A., Snell A.F.* Holland's Theory and Occupational Information // Journal of Vocational Behavior. 1999. Vol. 55.
11. 11. *Rayman J.R.* A Tribute to John L. Holland: Psychologist, Theoretician, Scholar, Researcher, Counselor, and Friend // The Pennsylvania State University. NCDA online. По материалам http://associationdatabase.com/aws/NCDA/pt/sd/news_article/6521/PARENT/layout_details/false
12. 12. *Reardon R.C., Lenz J.G.* Holland's Theory and Career Assesment // Journal of Vocational Behavior. 1999. Vol. 55, P. 102-113.
13. 13. Resume: John L. Holland // Journal of Vocational Behavior. 1999. Vol. 55.
14. 14. *Rottinghaus P.J., Hees C.K., Conrath J.A.* Enhancing job satisfaction perspectives: Combining Holland themes and basic interests // Journal of Vocational Behavior. 2009. Vol. 75.
15. 15. *Rowett C.A.* On Faculty: Still Theorizing After All TheseYears // John's Hopkins Gazette (electronic edition). 1997. Vol. 26. По материалам http://www.jhu.edu/~gazette/julsep97/aug1897/hollan. html

Приложение

Избранная библиография по теории Джона Л. Холланда, составленная Робертом Реардоном (Robert C. Reardon, Ph. D.), 3 февраля, 2009 года. По материалам http://associationdatabase.com/aws/NCDA/pt/sd/news_article/6521/blank/blank/true#bibliography

16. 1. Award for Distinguished Professional Contributions: John L. Holland. (1995). American Psychologist, 50, 236-238.
17. 2. Award for Distinguished Scientific Application of Psychology: John L. Holland. (2008). American Psychologist, 63, 672-674.
18. 3. *Costa, P. T., Jr., McCrae, R. R., & Holland, J. L.* (1984). Personality and vocational interests in an adult sample. Journal of Applied Psychology, 69, 390-400.
19. 4. *Day, S. X., & Rounds, J.* (1998). Universality of vocational interest structure among racial and ethnic minorities. American Psychologist, 53, 728-736.
20. 5. *Gottfredson, G.* (1977). Career stability and redirection in adulthood. Journal of Applied Psychology, 62, 436-445.
21. 6. *Gottfredson, G., & Holland, J.* (1996). Dictionary of Holland occupational codes (3rd ed.). Odessa, FL: PAR.
22. 7. *Holland, J. L.* (1996). Exploring careers with a typology: What we have learned and some new directions. American Psychologist, 51, 397-406.

23. 8. *Holland, J. L.* (1997). Making vocational choices: A theory of vocational personalities and work environments (3rd ed.). Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, Inc.
24. 9. *Holland, J. L.* (1958). A personality inventory employing occupational titles. Journal of Applied Psychology, 42, 336-332.
25. 10. *Holland, J. L.* (1959). A theory of vocational choice. Journal of Counseling Psychology, 6, 35-45.
26. 11. *Holland, J.* (1987). Current status of Holland's theory of careers: Another perspective. Career Development Quarterly, 36, 24-30.
27. 12. *Holland, J. L.* (1971). A theory-ridden, computerless, impersonal vocational guidance system. Journal of Vocational Behavior, 1, 167-175.
28. 13. *Holland, J. L.* (1974). Vocational guidance for everyone. Educational Researcher, 3 (1), 9-15.
29. 14. *Holland, J. L., & Holland, J.* (1999). Why interest inventories are also personality inventories. In M. Savickas & A. Spokane (Eds.), Vocational interests: Meaning, measurement, and counseling use (pp. 87-102). Palo Alto, CA: Davies-Black.
30. 15. *Holland, J. L., Gottfredson, D., & Power, P.* (1980). Some diagnostic scales for research in decision-making and personality: Identity, information, and barriers. Journal of Personality and Social Psychology, 39, 1191-1200.
31. 16. *Holland, J. L., & Gottfredson, G.* (1975). Predicting value and psychological meaning of vocational aspirations. Journal of Vocational Behavior, 6, 349-363.
32. 17. *Holland, J. L., Gottfredson, G., & Baker, H.* (1990). Validity of vocational aspirations and interest inventories: Extended, replicated, and reinterpreted. Journal of Counseling Psychology, 37, 337-342.
33. 18. *Holland, J. L., Gottfredson, G., & Nafziger, D.* (1975). Testing the validity of some theoretical signs of vocational decision-making ability. Journal of Counseling Psychology, 22, 411-422. Holland, J., Johnston, J., & Asama, N. (1993). The Vocational Identity Scale: A diagnostic and treatment tool. Journal of Career Assessment, 1, 1-12.
34. 19. *Holland, J. L., Powell, A., & Fritzsche, B.* (1994). The Self-Directed Search: Professional user's guide. Odessa, FL: PAR.
35. 20. *Holland, J. L., Richards, J. M., Jr., & Lutz, S. W.* (1967). The prediction of student accomplishment in college. Journal of Educational Psychology, 58, 343-355.
36. 21. *Hollifield, J. L.* (1971). An extension of Holland's theory to its unnatural conclusion. Personnel & Guidance Journal, 50, 209-212.
37. 22. *Lackey, A.* (1975). An annotated bibliography for Holland's theory, the Self-Directed Search, and the Vocational Preference Inventory (1972-1975). JSAS Catalog of Selected Documents in Psychology, 5, 352. (Ms. No. 1149)
38. 23. *Lumsden, J. A., Sampson, J. P., Jr., Reardon, R. C., Lenz, J. G., & Peterson, G. W.* (2004). A comparison study of the paper and pencil, personal computer, and Internet versions of Holland's Self-Directed Search. Measurement & Evaluation in Counseling & Development, 37, 85-94.
39. 24. *Mount, M., & Muchinsky, P.* (1978). Person-environment congruence and employee job satisfaction: A test of Holland's theory. Journal of Vocational Behavior, 13, 84-100.
40. 25. *Reardon, R. C., Bullock, E. E., & Meyer, K. E.* (2007). A Holland perspective on the U. S. workforce from 1960-2000. Career Development Quarterly, 55, 262-274.

41. 26. *Reardon, R., & Lenz, J.* (1998). The Self-Directed Search and related Holland career materials: A practitioner's guide. Odessa, FL: PAR.
42. 27. *Ruff, E. A., Reardon, R. C., & Bertoch, S. C.* (2008, June). Holland's RIASEC theory and applications: Exploring a comprehensive bibliography. Career Convergence. Retrieved January 21, 2009, from TCSLINKTONEWS [5483, ncda.org, layout_details]
43. 28. *Savickas, M., & Gottfredson, G.* (Eds.) (1999). Holland's theory (1959-1999): Forty years of research and application. Journal of Vocational Behavior (special issue), 55, 1-160.
44. 29. *Smart, J. C., Feldman, K. A., & Ethington, C. A.* (2000). Academic disciplines: Holland's theory and the study of college students and faculty. Nashville: Vanderbilt University Press.
45. 30. *Spokane, A., & Holland, J.* (1995). The Self-Directed Search: A family of self-guided career interventions. Journal of Career Assessment, 3, 373-390.
46. 31. *Spokane, A., Luchetta, E., & Richwine, M.* (2002). Holland's theory of personalities and work environments. In D. Brown & Associates, Career choice and development (4th. ed., pp. 373-426). San Francisco: Jossey-Bass.
47. 32. *Swan, K. C.* (2005). Vocational interests (The Self-Directed Search) of female carpenters. Journal of Counseling Psyschology, 52, 655-657.
48. 33. *Tinsley, H.* (Ed.). (1992). Special issue on Holland's theory. Journal of Vocational Behavior, 40, 109-267.
49. 34. *Weinrach, S.* (1980). Have hexagon will travel: An interview with John Holland. Personnel & Guidance Journal, 58, 406-414.
50. 35. *Weinrach, S.* (1996). The psychological and vocational interest patterns of Donald Super and John Holland. Journal of Counseling & Development, 75, 5-16.

ПСИХИЧЕСКОЕ ВЫГОРАНИЕ В СПОРТЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ПРИЧИНЫ ФЕНОМЕНА

Е. И. Гринь[1]

Ключевые слова: психическое выгорание, стресс, перегрузки, спорт высших достижений. **Keywords:** mental burnout, stress, overload, sports of higher achievements.

Исследования, посвященные психологическому концепту психического выгорания, первоначально фокусировались на помогающих профессиях, таких как уход за больными, преподавание, социальная работа. Впоследствии на основании сходства природы профессиональной деятельности они распространились и на сферу спорта в форме изучения психического выгорания у спортсменов, тренеров, руководителей, официальных лиц [3, 4, 11, 25].

В настоящее время данных о причинах и специфике психического выгорания в спортивной деятельности существует относительно немного, хотя отмечается необходимость в его всестороннем изучении. Исследователи рекомендуют проявлять осторожность при переносе данных о проявлении психического выгорания из других профессий в спортивную деятельность, так как она имеет свою специфику.

Впервые интерес к психическому выгоранию у спортсменов возник в начале 1980-х гг., исследования носили теоретический характер [17, 18, 29]. В настоящее время не существует единой точки зрения на определение термина «выгорание» в спортивной деятельности [13, 14, 20, 28]. Наибольшее распространение получило определение Р. Смита, который считает, что психическое выгорание – это реакция на хронический стресс, включая в физические, поведенческие и когнитивные компоненты. Наиболее яркой чертой психического выгорания является психологический, эмоциональный, а иногда и физический уход от активности, которая ранее служила источником удовольствия для спортсмена [29].

[1] Гринь Елена Игоревна — преподаватель кафедры психологии Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. Эл. адрес: elen-grin@mail.ru

В дальнейшем психическое выгорание в спортивной деятельности было определено в виде трехкомпонентной конструкции: эмоционального/физического истощения, уменьшения чувства достижения и обесценивания достижений. Данная модель была разработана спортивным психологом Т. Ридеком на основе концепции психического выгорания К. Маслач и С. Джексон, только вместо деперсонализации (появления у специалистов отрицательных чувств по отношению к субъектам своего труда) автором был введен компонент «обесценивание спортивных достижений» [24]. На наш взгляд, данная конструкция наиболее полно отражает признаки психического выгорания в спортивной деятельности и является надежным инструментом его измерения.

Симптомы психического выгорания в спортивной деятельности условно можно объединить в 4 группы:

— физические: нарушение сна, хронические головные боли, гастроэнтерологические проблемы, физическое и психическое изнеможение, повышенная подверженность инфекционным заболеваниям, сниженный уровень физической активности, хроническая усталость;

— эмоциональные: депрессия, беспомощность, гнев/агрессия, раздражительность, напряженность, сниженный фон настроения, повышенная тревожность;

— поведенческие: отсутствие желания выступать, злоупотребление лекарственными и психоактивными препаратами, отсутствие интереса к спортивной деятельности, снижение результативности тренировочной и соревновательной деятельности, уход от физической активности, трудности в межличностных отношениях;

— когнитивные: переоценка ценностей, негативные установки, оценка спортивной деятельности как предъявляющей чрезмерные требования к личности спортсмена [11, 19].

Как мы видим, спектр признаков психического выгорания достаточно обширен. Учитывая индивидуальность его протекания у каждого спортсмена, очень важно уметь его обнаружить на ранних этапах развития, чтобы снизить негативные последствия. Это наиболее сложный момент, так как иногда «выгоревшим» спортсменам приписывается просто наличие недостатков характера или лень, часто тренеры даже не пытаются определить истинные причины снижения эффективности деятельности воспитанников.

Большое внимание к проблематике психического выгорания в спортивной деятельности связано с его негативными последствиями: снижением эффективности тренировочной и соревновательной деятельности, подверженностью болезням, появлением травм, уходом из спорта.

Представления об источниках психического выгорания базируются на концепции профессионального стресса, но есть и своя специфика. На протяжении двух последних десятилетий исследователями были разработаны альтерна-

тивные подходы к рассмотрению причин психического выгорания в спортивной деятельности, которые были впоследствии оформлены в концепции, объясняющие природу его развития. К ним относятся: когнитивно-аффективная модель Р. Смита (1986), модель включенности в спорт Г. Шмидта, Г. Штейна (1991), модель закрепляемого негативного ответа на стресс Дж. Сильвы (1990), модель одномерного развития идентичности и внешнего контроля Дж. Коакли (1992). Рассмотрим каждую модель психического выгорания более подробно.

1. Когнитивно-аффективная модель Р. Смита была первой моделью психического выгорания, относящейся к спорту. Психическое выгорание рассматривалось ученым как следствие профессионального стресса. Развитие психического выгорания – это результат взаимодействия внешних условий, мотивационных и личностных характеристик спортсмена. К личностным характеристикам Р. Смит относит индивидуальные особенности (локус контроля, самооценку, уровень притязаний, расхождение между самооценкой и уровнем притязаний, мотивацию достижения успеха и избегания неудач) и характер когнитивной оценки ситуации. Согласно модели Р. Смита, прекращение выступлений или снижение эффективности деятельности у спортсменов может появиться тогда, когда они почувствуют несоразмерность эффективности затраченных усилий и «стоимости» спортивной деятельности и увидят более благоприятные для себя альтернативы. Согласно данной модели психическое выгорание включает в себя 4 компонента: физиологические реакции, когнитивную оценку, эмоциональные и поведенческие проявления. Сначала спортсмен сталкивается с ситуационными требованиями, например, с давлением других людей, требующих от него победы. Далее, в результате когнитивной оценки он чувствует себя перегруженным ситуацией, что приводит к появлению напряжения, гнева или депрессии. В конечном итоге спортсмен демонстрирует такие признаки совладающего поведения, как снижение эффективности выполнения действий, а в крайних случаях неадекватное поведение или уход от активности [29].

2. Модель включенности в спорт Г. Шмидта и Г. Штейна основывалась на интеграции удовольствия, получаемого от спортивной деятельности, прекращения активности и психического выгорания. Ученые рассматривали психическое выгорание не только как ответную реакцию на хронический стресс, но и как результат отсутствия удовольствия от выполняемой спортсменами соревновательной и тренировочной деятельности. В качестве основной предпосылки развития психического выгорания они выделили напряжение. Г. Шмидт и Г. Штейн считали, что те люди, которые остаются в спорте ради удовольствия, а потом перестают заниматься, зачастую просто бросают спорт. В свою очередь люди, которые остаются в спорте по причинам, не связанным с удовольствием, таким как обязательства, взятые не по доброй воле, скорее страдают от психического выгорания [27].

3. Модель закрепляемого негативного ответа на стресс Дж. Сильвы Он разработал модель, базирующуюся на негативных реакциях на физическую тренировку. По мнению автора, у спортсменов сначала появляется переутомление, которое в конечном итоге приводит к развитию психического выгорания. Психическое выгорание, в свою очередь, есть проявление истощения, вызванного чрезмерными тренировочными и соревновательными нагрузками [28].

4. Модель одномерного развития идентичности и внешнего контроля Дж. Коакли. Автор считает, что психическое выгорание у молодых спортсменов связано с социальной структурой спорта. На каком-то этапе спортсмены начинают осознавать ограничения, накладываемые спортивной деятельностью, которые не дают им возможности для нормального развития вне спортивной жизни. Это может стать причиной развития психического выгорания и, как следствие, ухода из спортивной деятельности [13].

Модели психического выгорания в спорте затрагивают отдельные стороны данного феномена, отражающие специфику деятельности. На наш взгляд, наиболее конструктивна концепция Р. Смита, согласно которой психическое выгорание – это реакция на хронический стресс. Соответственно факторы, вызывающие хронический стресс, служат основными источниками психического выгорания. Психические нагрузки – результат воздействия на человека ситуативных и долговременных факторов. К ситуативным регуляторам психических нагрузок относится ранг соревнования, состав участников, уровень подготовленности к нему спортсмена, а к долговременным регуляторам – факторы, длительное воздействие которых приводит к появлению психической напряженности и к изменению реакции человека на ситуативные воздействия. Долговременные регуляторы психического напряжения делятся на средовые и внутренние факторы. К первым относятся характеристики, связанные и не связанные со спецификой спортивной деятельности, ко вторым – личностные характеристики спортсменов (тревожность, самооценка, уровень притязаний, локус контроля, мотивация и др.). Внешние источники хронического стресса, связанные со спецификой спортивной деятельности, в свою очередь делятся на организационно-методические факторы (характер планирования соревновательной деятельности, организация отбора на соревнования и в сборные команды, устойчивость спортсмена к монотонии и интенсивным тренировочным нагрузкам) и социально-психологические факторы (публичность соревнований, прочность позиции спортсмена в элитной команде, взаимоотношения в команде, особенности взаимоотношений спортсмена с тренером, руководителями спортивных федераций, представителями средств массовой информации). К внешним факторам психических нагрузок, не связанных со спортом, относятся жизненные стрессы на почве семейно-бытовых проблем, оторванность от семьи, болезни близких людей, финансовые проблемы, межличностные кон-

фликты, трудности сочетания спортивной деятельности и учебы [1, 2, 3, 5, 6, 8, 10, 26, 29].

Значимость перечисленных источников хронического стресса различается для спортсменов разного возраста и квалификации. Так, согласно данным исследователей, значимыми источниками психических перегрузок для спортсменов подросткового возраста являются неустойчивость самооценки, стремление добиться победы любой ценой, однообразие продолжительных тренировочных занятий, давление со стороны родителей, взаимоотношения с тренером и сверстниками, несоответствие деятельности полоролевым стереотипам [7, 8, 11, 14, 29].

По данным В. Шелленбергера, семья оказывает неоднозначное влияние на деятельность спортсменов, она может быть как источником социальной поддержки, так и источником давления, что способствует появлению у спортсменов неадекватного отношения к достигнутым результатам, нереалистичной постановке целей, повышению уровня стресса [10].

Для высококлассных спортсменов значимыми источниками психических перегрузок служат такие факторы, как публичность соревнований, особенности отбора в команду, особенности контактов с судьями, представителями средств массовой информации, спортивными функционерами, руководителями спортивных федераций и клубов. Влияние присутствия зрителей на соревнованиях носит неоднозначный характер, оно может как мобилизовать деятельность спортсменов, так и привести к ее дезорганизации. Мобилизующий эффект присутствия зрителей проявляется только при условии прочного овладения спортсменами выполняемых действий, в противном случае присутствие посторонних на соревновании увеличивает вероятность появления ошибок [5]. Публичность соревнований в спорте высших достижений также является источником дополнительных психических перегрузок. Реакция спортсменов на присутствие зрителей определяется не только их индивидуально-психологическими особенностями, но и зрелищностью соревнований, чем она выше, тем больше зависит выступление спортсмена от отношения к нему публики [1, 6]. «Околоспортивная политика» спортивных функционеров, руководителей спортивных федераций и клубов, а также особенности контактов с представителями средств массовой информации оцениваются спортсменами как одни из наиболее стрессогенных факторов в их деятельности [26].

На первый взгляд кажется, что с ростом квалификации спортсменов возрастает вероятность развития психического выгорания, но это не всегда подтверждается. Снижение вероятности развития психического выгорания в спорте высших достижений обусловлено формированием у спортсменов конструктивных стилей поведения и существованием естественного отбора. По данным Т.С. Тимаковой, у спортсменов с большим соревновательным стажем формируется рациональный стиль поведения, который снижает вероятность

развития психического выгорания [9]. В спорте высших достижений присутствует жесткий естественный отбор, вследствие которого в высококлассные профессионалы попадают только спортсмены психически устойчивые, в то время как одаренные спортсмены с низкой психической устойчивостью просто прекращают свою карьеру.

Существует небольшое количество данных относительно особенностей развития психического выгорания у спортсменов, занимающихся различными видами спорта. В своем исследовании Р. Смит высказал предположение, что психическому выгоранию больше подвержены спортсмены, занимающиеся индивидуальными видами спорта, такими как настольный теннис, гимнастика, конькобежный спорт. Он связывает это с различным уровнем социальной поддержки в командных и индивидуальных видах спорта. В спорте значимой формой социальной поддержки является разделение ответственности. Отсутствие возможности разделения ответственности за неудачу у спортсменов, занимающихся индивидуальными видами спорта, способствует развитию психической напряженности и, как следствие, психического выгорания [29].

Надежные данные относительно влияния пола на развитие психического выгорания у спортсменов отсутствуют. В нескольких исследованиях было выявлено, что женщины более предрасположены испытывать эмоциональное/физическое истощение, в то время как для мужчин больше характерно обесценивание своих достижений [12, 22]. В другом исследовании гендерных различий установлено не было [23].

Как мы видим, несмотря на важность проблематики психического выгорания в спортивной деятельности, осталось большое количество открытых вопросов, пока не получивших должного рассмотрения. В частности, существуют ли различия в проявлении психического выгорания у спортсменов разного пола, квалификации, занимающихся разными видами спорта. Открытым остается вопрос о влиянии личностных и когнитивных свойств на развитие психического выгорания у спортсменов. Со времени появления статьи Р. Смита (1986), содержащей описание теоретической модели психического выгорания в спорте и указания на возможные направления эмпирических исследований этого феномена, мало что изменилось [29]. Об этом говорят публикации последних лет, в которых дается описание исследований психического выгорания у спортсменов, имеющих в значительной степени поисковый характер [15, 16, 21]. В то же время совершенно очевидно, что без точных научных данных об особенностях проявления психического выгорания в спорте, о факторах, способствующих и препятствующих его развитию, невозможно решение такой важной практической задачи, как профилактика психического выгорания и оказание помощи спортсменам в его преодолении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Волков И.П.* Психологическая обстановка публичности соревнований и ее восприятие спортсменами // Теория и практика физической культуры. 1987. № 1.
2. *Горская Г.Б.* Психологическое обеспечение многолетней подготовки спортсменов: учеб. пособие. Краснодар: КГУФКСТ, 2008.
3. *Качина А.А., Дайняк В.Н.* Специфика профессионального стресса в деятельности тренера по фигурному катанию // Психология психических состояний: теория и практика: материалы Первой Всерос. науч.-практ. конф. Казань: ЗАО «Новое знание», 2008. Ч.1.
4. *Ложкин Г.В., Волянюк Н.Ю.* «Эмоциональное выгорание» тренера // Материалы Междунар. науч. конф. психологов спорта и физической культуры «Рудиковские чтения». М.: Российский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, 2004.
5. *Мартенс Р.* Социальная психология и спорт. М.: Физкультура и спорт, 1979.
6. *Меньшикова А.Л.* Публичность соревнований и ее отражение спортсменами: автореф. дис. … канд. психол. наук. Л., 1986.
7. *Родионов А.В.* Психология физического воспитания и спорта: учебник для вузов. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2004.
8. *Стамбулова Н.Б.* Психология спортивной карьеры: учеб. пособие. СПб.: Издательство «Центр карьеры», 1999.
9. *Тимакова Т.С.* Личностно-психологические особенности лыжников разного типа состояния // Теория и практика физической культуры. 1993. № 2.
10. *Шелленбергер В.* Социальные отношения спортсменов как компонент саморегуляции поведения и спортивной деятельности // Психология и современный спорт. М.: Физкультура и спорт, 1982.
11. *Уэйнберг Р.С., Гоулд Д.* Основы психологии спорта и физической культуры. Киев: Олимпийская литература, 2001.
12. *Caccese T.M., Mayerberg C.K.* Gender differences in perceived burnout of college coaches // Journal of Sport Psychology. 1984. Vol. 6.
13. *Coakley J.* Burnout among adolescent athletes: A personal failure or social problem? // Sociology of Sport Journal. 1992. Vol. 9.
14. *Cohn P.J.* An exploratory study on sources of stress and athlete burnout in youth golf // Sport Psychologis. 1990. Vol. 4 (2).
15. *Debois N., Ledon A.* Coping with facilitative and restricting factors during long successful career in Top sport // 12th European Congress of Sport Psychology. Sport and Exercise psychology: Bridges between disciplines and cultures. Halkidiki, 2007.
16. *Fawcett T.* An idiographic approach to understanding “severe” athlete burnout – an individual case study // 12th European Congress of Sport Psychology. Sport and Exercise psychology: Bridges between disciplines and cultures. Halkidiki, 2007.
17. *Feigely D. A.* Psychological burnout in high-level athletes // The Physician and Sports medicine. 1984. № 12.

18. *Fender L.K.* Athlete burnout: potential for research and intervention strategies // Sport Psychologist. 1989. Vol. 3 (1).
19. *Gallimore J., Burke S.* Athletic burnout. Sport & Exercise Psychology. Australian Catholic University. School of Human Movement (NSW). Sydney, Australia, 2005.
20. *Gould D., Udry E., Tuffey S., Loehr J.* Burnout in competitive junior tennis players: I. A quantitative psychological assessment // The Sport Psychologist. 1996. № 10.
21. *Gustafsson H., Hassmen P., Johansson M.* Why don't they quit? Restraining factors in athletes' burnout //12th European Congress of Sport Psychology. Sport and Exercise psychology: Bridges between disciplines and cultures. Halkidiki, 2007.
22. *Kelley B.C., Eklund R.C., Ritter-Taylor M.* Stress and burnout among collegiate tennis coaches // Journal of Sport & Exercise Psychology. 1999. Vol. 21.
23. *Lai C., Wiggins M.S.* Burnout perceptions over time in NCAA division I soccer players // International Sports Journal. 2003. Vol. 7.
24. *Raedeke T.D.* Is athlete burnout more than just stress? A sport commitment perspective // Journal of Sport & Exercise Psychology. 1997. Vol. 19.
25. *Raedeke T. D., Smith A. L.* Development and Preliminary Validation of an Athlete Burnout Measure // Journal of Sport & Exercise Psychology. 2001. Vol. 23.
26. *Skanlan T.K., Stain C.L., Ravizza K.* An in depth study of former figure skaters: 3. Saurces of stress // Journal of Sport and Exercise Psychology. 1991. Vol. 13. № 2.
27. *Schmidt G. W., Stein G. L.* Sport commitment: A model integrating enjoyment, dropout and burnout // Journal of Sport and Exercise Psychology. 1991. Vol. 8.
28. *Silva J.M.* An analysis of the training stress syndrome in competitive athletics // Journal of Applied of Sport Psychology. 1990. Vol. 2.
29. *Smith R.E.* Toward a cognitive-affective model of athletic burnout // Journal of Sport Psychology. 1986. Vol. 8.

ПРИЗНАКИ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА В ВУЗЕ

А. И. Стеценко[1]

Ключевые слова: когнитивный диссонанс, социальное самочувствие, смысл жизни, ценности, образование. **Keywords:** cognitive dissonance, social well-being, the meaning of life, values, education.

Проблема студенческого познания органично включена в учебно-познавательный процесс и предполагает выход из постоянного противоречия между объективной потребностью в расширении мировоззрения обучающихся, углублением профессионализма, с одной стороны, и, субъективными и объективными факторами, стоящими на пути такого расширения и углубления. В отличие от информационного пространства средств массовой коммуникации, где только в 1940-х — начале 1950-х гг. были получены представления о гомогенности аудитории, вузовская студенческая аудитория такой не была никогда. В соответствии с этим не столь универсальными оказываются методы студенческого познания и педагогической презентации различных видов учебной информации. Представляются неоднозначными возможности педагогического воздействия на различные студенческие аудитории.. Обнаруженные П. Лазарсфельдом, Р. Мертоном эффекты «двухступенчатого потока информации» и «лидеров мнений», а также «психодинамическая модель» К. Ховланда позволили увидеть, что люди берут из информационного потока то, что совпадает с их мнением, и отвергают не совпадающее, т. е. имеет место выборочное восприятие информации аудиторией. При сравнении процессов в СМИ и учебно-познавательной деятельности необходимо учитывать момент *обязательности* познавательного процесса в вузе, продиктованного программами обучения, ролями студентов и педагогического состава, критериями готового специалиста. Воздействие обязательности познания ослабляется за счёт: 1) нетребовательности педагогов к уровню знаний студентов (из-за угрозы потери студентов и связанных с этим моментов: взноса оплаты

[1] Стеценко Анатолий Иванович — кандидат исторических наук, заведующий лабораторией социологических исследований кафедры социологии и политологии исторического факультета Воронежского государственного университета, доцент кафедры истории и политологии Воронежского государственного технического университета. Эл. почта: stetsenko_a@list.ru

за обучение, средств на заработную плату преподавателей, педагогической нагрузки, ставок); нетребовательность приводит к неполному знанию, снижению уровня знаний; 2) сниженных волевых качеств студентов; 3) занятости студентов работой в ущерб учёбе и др. Эта необязательность уменьшает общий потенциал познания.

Известно хрестоматийное исследование, проведённое в 1947 г. в небольшом американском городке [8, с. 316]. Анализ знания жителей об Организации объединённых наций (ООН) показал, что после проведения шестимесячной информационной кампании с жителями городка практические изменения знания об ООН у жителей городка весьма малы. До информационного воздействия было 30% не знающих об этой организации, а после информационной обработки — 28%. Это живо напоминает эффект изменения студенческих знаний после семестрового курса обучения по некоторым предметам. Для анализа ситуации с познавательной деятельностью в вузе подходит новая объяснительная теория Л. Фестингера — теория когнитивного диссонанса [7]. Сердцевиной теории Л. Фестингера является логика ответа на вопрос, почему в тревожной ситуации нарастают слухи о грозящих ещё больших бедствиях. Вывод группы исследователей был таков: для испуганных людей такого рода информация оправдывала то состояние, в котором они находились, т. е. индивиды стремятся к получению информации, соответствующей их состоянию и ожиданиям [8, с. 317].

Нетрудно представить себе диапазон тревожности пребывания студентов в вузе: начиная с простой контрольной работы, промежуточного контроля знаний и заканчивая сессией. Даже обычная встреча с преподавателем по поводу курсовой работы, необходимость выступления на семинарском занятии могут создать у студентов чувство тревожности или даже страха. К сожалению, целеустремлённая учёба далеко не всегда присуща студенческой массе. Поэтому психологическое состояние обучающихся складывается в условиях постоянной необходимости «выкрутиться», выйти из дискомфорта. Ожидания неприятностей создают стресс.

Л. Фестингер выдвинул две гипотезы, объясняющие процесс сознательного поиска и восприятия информации: 1) возникновение диссонанса (несоответствия реальности ожиданиям), порождающего психологический дискомфорт, будет мотивировать индивида к попытке уменьшить степень диссонанса и по возможности достичь консонанса (соответствия); 2) в случае возникновения диссонанса, помимо стремления к его уменьшению, индивид будет избегать ситуаций и информации, которые могут привести к нарастанию диссонанса. Условием сознательной опоры на мотивирование уменьшения воздействия диссонанса должно стать чёткое знание студентом того, что ситуация диссонанса имеет место. Как показывают исследования лаборатории социологических исследований и Управления качеством образования ВГУ, студентам

часто не хватает навыков самостоятельной работы, что бы преодолеть диссонанс [1].

Технологий избегания ситуаций и информации, которые могут привести к нарастанию диссонанса, студенты тоже часто не знают. И поэтому идут по прямой — избегают «лишней» и «сложной» (со студенческой точки зрения) информации, обходятся минимумом в познании, позволяющем без особого страха пройти порог требований. В реальной студенческой жизни нередки противоречия между отдельными элементами в системе знаний и ситуациями познания. Одна из причин сбоев в системе консонанса в познании — скорость и масштабы социальных перемен. В целом, их быстрота и основательность, в том числе в образовании, формируют плохое социальное самочувствие студентов в быстро изменяющейся обстановке. Как выяснилось в результате опроса студентов С.-Петербурга и Воронежа, свыше половины студентов (56,4% и 58,2%.) обуреваемы сомнениями в том, хватит ли им сил и возможностей найти своё место в такой жизни. Скорее всего, уверенность в своих силах и перспективы легче формируются у студентов столичного города [1]. Менее глобальные сомнения охватывают студентов в условиях быстро меняющихся требований к знаниям по дисциплине и динамики настроений преподавателей, недовольных уровнем оплаты труда и «педагогическим выгоранием». Иллюстрацией возникновения несоответствия такого рода могут послужить данные, полученные в сравнительном исследовании студентов С.-Петербурга и Воронежа в 2008 г. (табл. 1).

Таблица 1

Ответы студентов С.-Петербурга и Воронежа на вопрос: «В какой мере образовательные услуги, предоставляемые вузом, соответствуют Вашим потребностям и ожиданиям?» В % от числа опрошенных в 2008 г. [2]

Степень соответствия	В целом по массиву (1172 чел.)	С.-Петербург (572 чел.)	Воронеж (600 чел.)
Полностью соответствуют	14,6	12,1	17,0
Скорее соответствуют	63,0	65,4	60,7
Скорее не соответствуют	15,2	17,3	13,2
Полностью не соответствуют	1,9	1,0	2,7
Затруднились ответить	5,2	4,0	6,3
Не ответили	0,2	0,2	0,2

Притязания молодёжи реализуются в вузовской среде, в которой большинство обучающихся (в процентном отношении) только обретает необходимый для себя «образовательный товар» (услуги), не зная их цены до окон-

[2] Опрос проведён совместно с коллегами из вузов С.-Петербурга (А. А. Козлов и др.) и Воронежа (А. Б. Довейко и др.) весной 2008 г.

чания вуза. Отсюда — осторожность в выводах. В столичном городе студенты более осторожны в оценках, но в целом в обоих городах тенденции схожи. Индекс соответствия услуг и ожиданий клиентов вузов в С.-Петербурге равен +0,35, а в Воронеже +0,39. Так как возможное максимальное значение индекса измеряется значением +1,0, а минимальная –1,0, то степень соответствия услуг и получаемого образования может быть определена как консонансно-диссонансная (в терминологии Л. Фестингера). То есть, она больше соответствует, чем не соответствует как общественным ожиданиям, так и требованиям самих студентов.

Модель специалиста, на которую обычно ориентирована вся организация работы в вузе, предполагает почти полное совпадение представлений о личном и общественном в обучении. Между тем, эти стороны не совпадают между собой в повседневной системе отношений.

В чём совпадают личные и общественные цели, смыслы существования, так это в стремлении к лучшей жизни, по сравнению с сегодняшней. Деловой вопрос состоит в том, какими средствами, способами и темпами движется к данной цели человек, группа или общество.

Постановка вопроса о личных планах студентов на ближайшее время, например, о смысле пребывания в вузе, лишает суждения крайней абстракции. Смысл жизни, проявляющийся в типичном поведении, представляет собой обобщение промежуточных целей, подчинение сознания и действий избранному смыслу. Среди характеристик цели жизни выделяются: а) степень её соответствия целям группы или общества, закономерностям их развития; б) общественная значимость личной цели; в) характер мотивов выдвижения цели; г) социальные технологии достижения цели. Эти компоненты отличаются от целей пребывания молодых людей в вузе. Проблема смысла жизни и проблема цели обучения студента в вузе не совпадают между собой. Хотя тесно связаны. Смысл жизни коренится в предметно-деятельностной сущности человека [2, с. 228], в которой всегда есть цели. Определённые смыслы и цели реализуется в повседневной жизнедеятельности студенческой молодёжи. Интересно, что в социологических энциклопедиях понятия смысла и целей жизни обычно отдельно не рассматриваются [4]. Видимо, традиционно этот вопрос относился к философии, а не к социологии. Даже в специальных словарях, посвящённых молодёжи, для которых смысл жизни составляет сущность жизненного поиска, нет нужных трактовок [6]. Правда, в качестве элементов диспозиционной структуры личности предельные смыслы и основополагающие цели жизни всё-таки используются. Они укладываются в значимое или незначимое для человека принятие (непринятие) ценностей, составляющих сущность ценностных ориентаций [4, с. 1215] и приемлемых средств реализации или достижения. Но вузовский период — всего лишь этап такого движения. И здесь многие «сопутствующие» ценности и цели локальны. Их величина определяется пониманием связи конкретной ценно-

сти с потребностью в достижении уровня развития (владении знаниями). Эти ценности есть контур (рамки) для предельных смыслов. На пути к совпадению ценности познавательного смысла жизни с повседневной деятельностью стоят такие факторы, как слабая познавательная воля студенчества и непонимание сложных предметов. В этой связи у студентов возникает ряд «любимых» и «нелюбимых» предметов, педагогов и т. д.

В ходе опроса студентов в мониторинге качества образования в ВГУ получены интересные данные [1]. На вопрос о причинах, мешающих качественному самостоятельному усвоению знаний, студенты отвечали следующим образом; «невозможно перебороть себя, проявить волю и заставить себя заниматься» — 36,4% в 2008 г. (выборка 2104 чел.) и 41,1% — в 2009 г. (выборка 2348 чел.). Идёт нарастание диссонанса между объективной потребностью всемерного познания и обстоятельствами, связанными с преобладающим в вузе типом личности студента. Соответственно в 2008 и 2009 гг. отметили пункт «многого просто не понимаю» — 19,1% и 18,0% студентов. Личностная модель студенческой жизнедеятельности, основанная на фиксируемой силе воли, стремлении к познанию, сильно расходится с идеалами, на которые ориентированы общество и высшая школа.

Приходится констатировать: сегодня нет целостной и последовательной теории о смысле жизни личности. Во-первых, по причине незавершённости теории личности. Во-вторых, из-за постоянного изменения общественного содержания смыслообразующей деятельности человека. Смысл обучения студента в вузе зависит от условий и от изменений, в которые втягивается высшая школа. Студент будет либо внутренне против конкретных изменений, затрудняющих его личную жизнь, усложняющих ситуацию, либо будет выступать сторонником преобразований, помогающих исправить недостатки системы. Есть и третья позиция — безразличие, пассивное восприятие перемен.

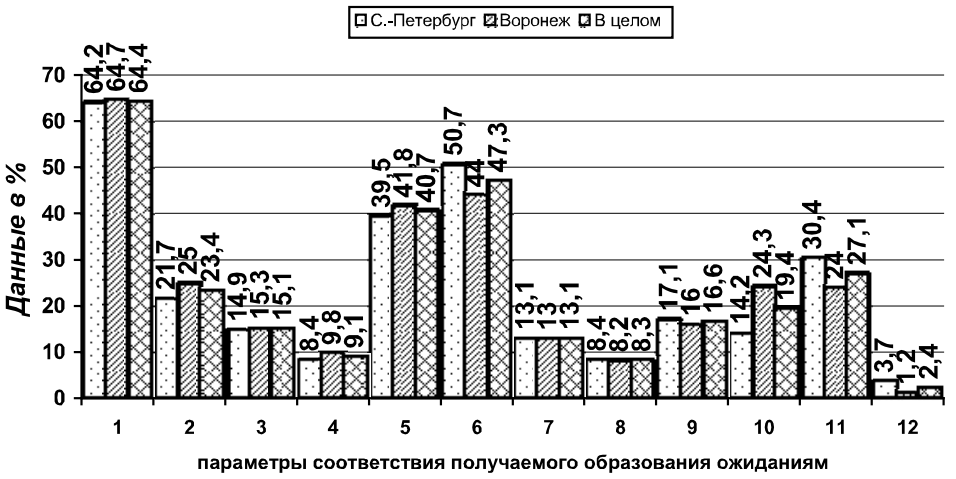
В условиях реформ смыслы жизнедеятельности обретают подвижность, текучесть. Причём в отношении многих основополагающих структур существования. Образование здесь не является исключением. На вопрос о переходе на двухуровневую модель высшего образования студенты С.-Петербурга и Воронежа отвечали так, что было понятно: их жизнедеятельность оторвалась от традиций («эффективна прежняя модель специалиста» — 35,3%). В этих двух городах по-разному идёт процесс перехода к новой структуре высшей школы — в столичном городе этот процесс интенсивнее. Студенты до конца не оценили двухуровневую модель (в её пользу высказались в целом 13,0%; в С.-Петербурге — 15,2%, в Воронеже — 10,8%). Известно, что оценить можно по-настоящему только те перемены, с которыми ты связан непосредственно. Таким непосредственным знакомством характеризуются студенты-петербуржцы. За сочетание традиционной и новой моделей выступили 31,7% респондентов (в С.-Петербурге — 35,0% молодёжи, в Воронеже — 28,6%). Это расхождение может означать рыночную «продвинутость» столичного студенчества.

В обстановке повышенной динамики процессов в образовании и сами наставники студенчества не всегда успевают усваивать новые реалии. Так, при ответе на вопрос: «Оцените, пожалуйста, соответствие качества образования, получаемого студентами в ВГУ, качеству образования в лучших вузах мира» преподаватели затруднились или незнакомы с качеством образования в лучших вузах за рубежом: в 2006 г. — 49,4%; в 2007 г. — 46,6%; в 2008 г. — 46,4%; в 2009 г. — 38,1% педагогов ВГУ [1]. Несмотря на снижение уровня профессиональной некомпетентности наставников молодёжи в вузе, их информированность требует корректировки. Фактор такой некомпетентности играет определённую роль в формировании комплекса когнитивного диссонанса в студенческой среде.

Уточнение показателей соответствия предоставляемых образовательных услуг потребностям, ожиданиям, позволяет определить максимальный и минимальный уровни соответствия (диаграма 1).

Диаграмма 1

Оценка студентами С.-Петербурга и Воронежа показателей соответствия получаемых образовательных услуг своим потребностям, в % к числу опрошенных [1]



1 — Уровень и качество образования; 2 — Уровень материально-технической оснащённости учебного процесса; 3 — Уровень оснащённости учебного процесса литературой; 4 — Санитарно-гигиенические условия; 5 — Отношения между преподавателями и студентами; 6 — Престиж вуза; 7 — Организации студенческой жизни; 8 — Инновационные специальности в вузе; 9 — Контакты с вузами за рубежом; 10 — Организация практик; 11 — Перспективы трудоустройства; 12 — Другое.

В ответах студентов обоих городов выделяются три показателя с максимальным проявлением соответствия, в процентах (пп. 1, 6, 5). Почти три четверти респондентов отметили соответствие своим потребностям уровня

и качества получаемого образования. Эти ответы могут служить ориентиром в оценке степени удовлетворённости студенческих притязаний.

В то же время, у такого соответствия (или несоответствия) есть свои закономерности, объясняемые при помощи теории когнитивного диссонанса [7]. В отличие от информационной среды СМИ, студенчество чаще всего активно включено в систему обратной связи. В вузе студент не может отключить информационный канал полностью, если его содержание не нравится. Протест воплощается в форму непосещения занятий, что не избавляет от неприятных ожиданий административных последствий. И здесь студент несёт ответственность за уровень своих знаний. В этом плане теория Л. Фестингера кажется даже более продуктивной, чем в отношении СМИ.

Наверное, диссонансом следует признать также несоответствие между состоянием протестующего сознания и вынужденным поведением, когда студент не хочет что-то делать во время обучения, но вынужден подчиниться требованиям во имя сохранения своего положения в вузе. Возможны расхождения между ценностным признанием специальных знаний (их пониманием и принятием) и гуманитарным знанием. Диссонанс становится глубоко психологическим состоянием, загнанным в глубину души. Не исключено расхождение между творческим, универсалистским подходом к образованию, связанным с желанием изучать элективные курсы, и подходом прагматическим, направленным на соблюдение рационального минимума знаний и усилий, экономию затрат энергии. В конечном итоге диплом у всех «стандартен» (даже «красный», не дающий особых преимуществ на работе). Диссонансно также отсутствие стремления кафедр навстречу пожеланиям студентов иметь элективные курсы.

Распространённость глубокого диссонанса между студенческими ожиданиями в форме жизненных планов и препятствующими им реалиями может быть подтверждена социологическими данными. Так, свыше, чем у одной трети (35,4%) студентов такой диссонанс складывается как ощущение возможности реализации угрозы негативных изменений в политической и экономической обстановке в стране. 36,4% студентов беспокоит отсутствие связей с нужными людьми; у 30,0% проявился дефицитом воли и настойчивости; у 22,8% — беспокойство материальным положением; 20,6% — конкуренцией, недоброжелательным отношением со стороны окружающих [1]. Интересно, что в Петербурге негативных изменений в политической и экономической обстановке фактически боится меньшее число студентов, чем в Воронеже, что подчёркивает благополучие столичного центра (сравните: 30,8% против 39,8%). Мощными факторами жизнедеятельности, ведущими к различным формам выхода из стрессовой ситуации, являются факторы беспокойства. Среди них — распространённая в обществе преступность.

Главное — в консонансной системе отношения строятся на интересе, который привёл молодых людей в данный вуз, на данный факультет. Этот интерес к содержанию обучения является скрепляющим моментом в создании консонанса. Но только при условии совпадения личного и педагогического интересов.

Исследуя добровольное и вынужденное восприятие информации, Л. Фестингер установил, что в случае навязываемой информации у индивида срабатывают защитные когнитивные механизмы, не позволяющие упрочиться новому диссонирующему знанию. Этот факт является свидетельством относительной неэффективности информации. Следовательно, череда трудной информации, не приемлемой студентами, может блокировать восприятие в целом. Не случайно, в ответах студентов фиксируется их непонимание материала обучения.

Обнаруживается расхождение между размерами обязательного для студентов объёма информации и уровнем контролируемого спроса. Оно может колебаться в очень широких пределах. Обязательной может считаться: а) вся запрограммированная (положенная по стандарту) по тому или иному курсу учебная информация; б) информация, рекомендуемая конкретным педагогом (в пределах учебников, пособий, лекций, вопросника и др. или в частном порядке — избирательно); в) полученная во время практических и семинарских занятий. У студентов, представляющих тип максималистов, навязываемой информации не будет Для студентов, относящихся к обучению, как к вынужденному делу, навязываемой окажется любая строго рекомендуемая информация. Для рационально настроенных в отношении учёбы студентов навязываемой информацией будет вся информация сверх понятого ими «среднего» объёма.

Поскольку результатом исследования Л. Фестингера оказался вывод о том, что прямое воздействие информации на человека редко оказывается настолько сильным, чтобы изменить его мнение по какому-либо вопросу, а чаще всего способно посеять сомнения в своей правоте, можно предположить следующее: творческий подход, построенный на интересе и волевом отношении к познанию, продуктивны у небольшой части студентов, обладающих потенциалом самостоятельного поиска информации.

Ещё один аспект рассмотрения диссонанса-консонанса в познавательной деятельности — ценность образовательного выбора. Если на каждом занятии студент убеждается в том, что выбор ошибочен, случаен, стратегия его образовательного поведения будет развиваться согласно второй гипотезе Л. Фестингера. Диссонансы не проявляют себя в «чистом» виде, так как жизнь человека представляет собой смешение когнитивных диссонансов, где слишком мало бывает однозначных ситуаций. Студент вынужден делать выбор, который не всегда является оптимальным (рациональным) и сознательным. Выбор места обучения или специальности, осуществлённый по принципу относительной дешевизны обучения, близости к родительскому дому, гарантии

от призыва в армию (для юношества), гарантии трудоустройства и др., не обязательно даёт результат консонанса. Таким образом, простое пассивное пребывание в стенах вуза является частичным, а не полным устранением диссонанса между стремлениями и ситуацией. В качестве выхода из ситуации не исключён поиск новой информации (дополнительных знаний, например, в форме второго высшего образования),

Подобно масс-медиа, система информационных потоков высшего образования способна оказывать воздействие на индивида, на его установки, ценностные ориентации. Неясным остаётся то, настолько ли сильным, чтобы полностью изменить мнение человека по основным смысловым пунктам специальной подготовки? Пользование СМИ в основном пассивно, не даёт надёжной обратной связи. В обучении угроза попасть в опасную ситуацию провала пути к успеху стимулирует студентов быть чрезвычайно избирательными в способах мышления и методах деятельности.

Идеи Фестингера нашли подтверждение в результатах исследований политического поведения во время выборов. Было установлено, что изменить стереотипы, предрасположенность избирателя невозможно. Борьбу можно вести только за тех, кто ещё не принял окончательного решения. Этот феномен «сопротивляющейся публики» породил понятие «упрямой (уклоняющейся) аудитории» [8, с. 319].. Эта характеристика относится и к восприятию студентами информации, которую они считают для себя лишней. В ходе обучения укрепляются, усиливаются уже имеющиеся у студенчества образовательные установки. Но не у всех. Как и масс-медиа, образовательная система в основном не внушает прямо определённые идеи, а, даёт систему образов — единиц внешнего мира, из которого, по У. Липпману, граждане формируют собственные стереотипные «картинки в уме» [3, с. 50], что, собственно, называется системами представлений или образами [5].

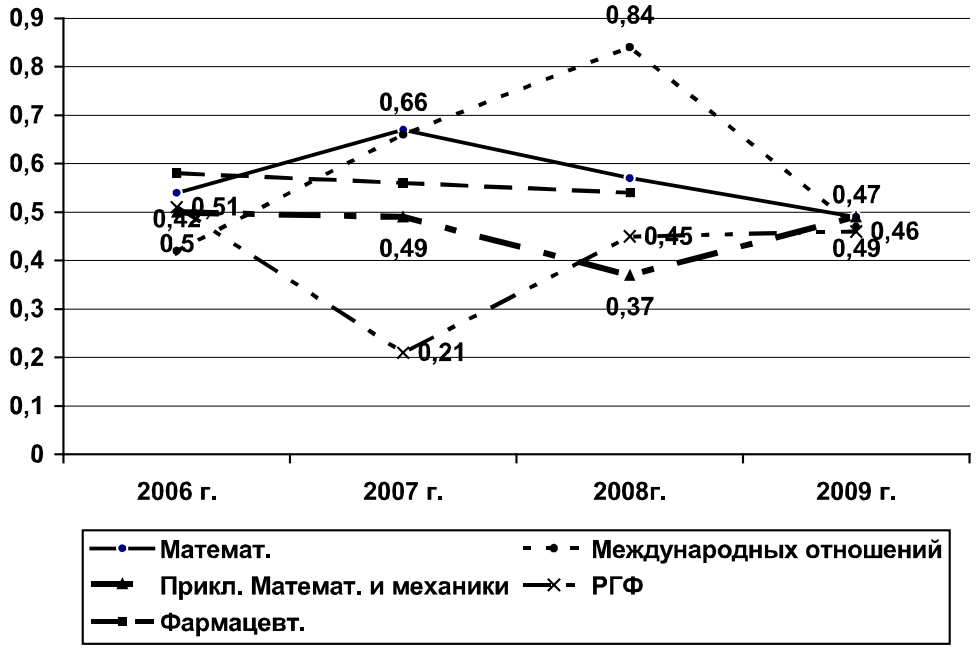
Контурными или рамочными пределами значимого или незначимого принятия будут предельные смыслы ценностных ориентаций [4, с. 1215]. По массиву в целом (опрос Петербург — Воронеж, 2008 г.) главным смыслом выбора специальности у студентов оказались: уверенность в том, что специалисты данного профиля всегда смогут найти место на рынке труда (40,5%); чувство призвания к специальности, уверенность в личностной самореализации (39,1%); и желание сделать карьеру (31,6% опрошенных). Как видим, чувство призвания сравнялось по значимости с рыночным фактором выбора специальности. Познавательный диссонанс сочетается с социальной ситуацией.

Одним из показателей удачного совпадения студенческих ожиданий и реалий обучения является удовлетворённость получаемым образованием (граф. 1).

Кстати, в 2003 г. уровень удовлетворённости воронежских студентов получаемым образованием по специальности был +0.52, а в 2008 г. стал +0,0,49. В С.-Петербурге этот показатель в 2008 г. составил +0,47. Это указывает на раз-

График 1

Степень удовлетворённости студентов ряда факультетов ВГУ получаемым образованием, в индексах в 2006-09 гг., (возможный диапазон от +1,0 до –1,0) [1]



нообразие мнений студентов по городу, вузам и факультетам и положительную динамику удовлетворённости на фоне снижения требований к себе. Разные уровни восприятия оказываемых образовательных услуг требуют разных управленческих решений, заставляют неодинаково оценивать студенческую удовлетворённость в качестве критерия работы вуза или отдельного факультета.

Разные уровни восприятия оказываемых образовательных услуг требуют разных управленческих решений, заставляют неодинаково оценивать студенческую удовлетворённость в качестве критерия работы вуза или отдельного факультета. Другими словами, необходим «индивидуальный» подход. В то же время полученные данные могут свидетельствовать о наличии социального диссонанса между объективно требуемым уровнем удовлетворённости и существующим её уровнем.

Смысл пребывания молодых людей в вузе в наибольшей мере концентрируется в содержании цели этого пребывания (табл. 2).

Полученное в ходе опросов распределение ответов студентов представляется закономерным. Оно отражает как особенности формирования контингентов студентов в С.-Петербурге и Воронеже, так и общую направленность сту-

дентов на ценность максимума знаний. Конечно, эта направленность не подавляющая по своей массовости, но в Воронеже за последние пять лет обнаруживается тенденция сближения уровня гносеологической образовательной ориентации со студенчеством столичного города. Нельзя не видеть стремления каждого восьмого-девятого студента пожить студенческой жизнью, в обход максимальных познавательных усилий.

Таблица 2

Ответы студентов на вопрос: «Определите, пожалуйста, основную цель своего пребывания в вузе», в % по годам и регионам

Цель пребывания в вузе	С.-Петербург 2008 г.: (572 чел.)	Воронеж	
		2003 г. (960 чел.)	2008 г. (600 чел.)
Получить максимум знаний по специальности	51,9	42,9	47,7
Пожить студенческой жизнью, заодно — кое-чему научиться	10,7	11,3	13,6
Получить диплом о высшем образовании («корочки»)	18,7	24,5	25,8
Переждать трудные времена, а заодно получить диплом об образовании	0,9	3,2	0,9
Вращаться в интеллектуальной среде	4,2	4,7	2,5
Отодвинуть сроки или избежать службы в армии	1,7	3,9	1,3
Особой цели сформулировать не смогли	6,6	6,5	4,7
Другое	4,9	3,0	3,1

Ликвидация диссонанса на личностном уровне может происходить двояким путём — через активизацию обучения, старательного изучения материала и применение «обходных» способов (шпаргалки, знакомства с преподавателями, взятки и др.). Не легче обстоят дела с формальным отношением к учёбе, когда «корочки» становятся пропуском в о взрослую жизнь. Если добавить сюда группу студентов, живущих в вузе без особой цели, то в целом группа молодёжи, находящейся в стороне от вузовской магистрали составляет почти такую же долю, как и активная, целеустремлённая (46,3%). Сложившиеся у нашего студенчества смысловые ориентации на цель пребывания в вузе говорят о том, что условия обучения не могут одолеть негативных пропорций облегчённых настроений студентов в отношении учёбы. Получается, что виновен уровень требовательности педагогов. Именно так действуют критерии повседневного спроса с их стороны. Это — их вклад в уровень ответственности и самосознания обучающихся, их понимания своего долга (перед своим будущим, родителями). В качестве резюме скажем, что теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера может оказаться достаточно надёжным инструментом анализа современной ситуации в учебно-познавательном процессе в вузе.

Библиографический список

1. 1. Архив лаборатории социологических исследований кафедры социологии и политологии исторического факультета ВГУ, 2009.
2. 2. *Коган Л. Н.* Цель и смысл жизни человека. М.: Мысль, 1984.
3. 3. *Липман У.* Общественное мнение. М.: Фонд «Общественное мнение», 2004.
4. 4. Российская социологическая энциклопедия/под ред. Г. В. Осипова. М.: НОРМА-М-ИНФРА, 1998.
5. 5. *Смирнов С. Д.* Психология образа. Проблема активности психического отражения. М.: Изд-во МГУ, 1985.
6. 6. Социология молодёжи. Энциклопедический словарь. М.: Academia, 2008.
7. 7. *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Речь, 2000.
8. 8. *Черных А. И.* Социология массовых коммуникаций. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2008.

МЕСТО И РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ МОЛОДЕЖИ

С. В. Сидорова[1]

Ключевые слова: терроризм, антитеррористическая деятельность, средства массовой информации, информационная стратегия. **Keywords:** terrorism, antiterrorism activities, media, information strategy.

Средства массовой информации (СМИ) являются необходимым условием функционирования современного общества. Они занимают важное место в жизни, как отдельного человека, так и больших социальных групп. Практически обо всех значимых событиях, происходящих в мире, аудитория узнает из материалов СМИ, воспринимая реальность сквозь призму их мнения.

Средства массовой информации могут играть в обществе, как конструктивную роль, так и приводить к эффекту, противоположному ожиданиям. В условиях террористической активности СМИ способны и обязаны оказывать мощное пропагандистское воздействие.

Немаловажным является тот факт, что террористы нуждаются в информационном освещении для распространения своих идей. Российский исследователь С. Расторгуев отмечает, что не так страшен сам террористический акт, как его мотивация, идеология и психологическая атмосфера, возникающая в обществе в результате его реализации [9, с. 403]. Данный автор рассматривает терроризм как часть информационной операции, которая содержит элемент универсального воздействия на аудиторию независимо от характеристик распространителя и получателя сообщения.

---

[1] Сидорова Светлана Викторовна — кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, связей с общественности и журналистики, зам. декана по учебной работе факультета международных отношений Пятигорского государственного лингвистического университета. Эл. почта: ssidorova@list.ru.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта РГНФ № 09-03-00309а «Повышение эффективности «контртеррористических стратегий» заинтересованных субъектов через анализ восприятия терроризма студенческой молодежью».

СМИ сравнительно недавно превратились в неотъемлемый элемент коммуникативной политической стратегии терроризма. Зарождение своеобразных отношений между ними объясняется О. Будницким, А. Шмидом и некоторыми другими учеными развитием новых способов передачи информации, в частности, изобретением телеграфа [1, с. 7; 18, с. 541]. По их мнению, терроризм и СМИ всегда развивались параллельно. Если известие о теракте в XIX в. могло стать достоянием общественности только через несколько дней или недель — в зависимости от расстояния, то в конце XX в. время на передачу сообщений исчислялось уже в минутах, что способствовало активизации террористической деятельности.

Б. Хоффман связывает появление повышенного интереса террористов к СМИ с двумя значимыми технологическими событиями — возможностью широко использовать электрическую энергию в типографском производстве и вести регулярное спутниковое телевещание [16, с. 136-137]. Первая информационная революция в 1870-х гг. позволила облегчить и усовершенствовать типографский процесс, сократить затраты на печать и, самое главное, дала возможность средствам массовой информации распространять свои сообщения с большей оперативностью, чем ранее. Именно с этого периода начинается взаимодействие СМИ и терроризма.

Второй информационный прорыв в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. связан не только с возникновением спутникового телевидения, но и с изобретением видеозаписи и компактного переносного оборудования, что позволило осуществлять радио- и телетрансляции непосредственно с места события на огромные территории в режиме реального времени. Одним из первых терактов, вызвавшим международный резонанс, был захват и убийство спортивной команды Израиля на Олимпийских играх в Мюнхене в 1972 г. Невиданный охват аудитории и мгновенная скорость передачи новостей продемонстрировали в полной мере эффективность СМИ как канала по передаче информации о террористах и их политических целях. Кроме того, выяснилось, что виртуальная реальность имеет более сильное воздействие на аудиторию, чем сам факт произошедшего теракта.

Это трагическое событие в равной степени повлияло как на тематическое содержание новостей и их верстку, так и на схему проведения террористических акций, организаторы которых стали непременно учитывать элементы зрелищности и драмы. По мнению Д. Рапопорта, СМИ доказали, что «они необходимы терроризму так же, как и оружие» [17, с. 33]. Б. Хоффман придает также немаловажное значение в стимулировании взаимодействия СМИ и терроризма появлению в начале 1990-х гг. круглосуточных новостных телеканалов, таких, как Си-Эн-Эн, Би-Би-Си, Фокс ньюс и др. [16, с. 150-151].

Представляется целесообразным добавить еще одно значительное событие, ознаменовавшее новый этап технологического развития в области массовой

коммуникации, а именно, всемирное распространение в конце XX — начала XXI вв. Интернета. Интернет позволяет проводить видеоконференции и обмениваться любыми сообщениями с огромным количеством пользователей при отсутствии на данный момент правовых основ регулирования и контроля за информационными потоками в виртуальном пространстве.

В настоящее время многие крупные террористические группировки располагают электронными сайтами в Интернете, используя их как мощное дезинформационное и пропагандистское средство. Некоторые террористические организации имеют представителей по связям с общественностью, в обязанности которых входит изучение потенциала и функционирования разных типов СМИ в кризисной ситуации. В случае захвата заложников террористы детально продумывают коммуникационную стратегию, создавая максимум информационных поводов для устойчивого появления новых сообщений о теракте в СМИ. Основными способами достижения этой цели могут выступать неясные требования террористов, постоянная смена заявлений, приглашение на переговоры известных людей, политиков, журналистов, что обеспечивает устойчивый интерес аудитории и нагнетает напряжение.

По мнению Ф. Хакера, террористы, стремясь к признанию и легитимности их действий, играют с аудиторией и для аудитории и в то же время нуждаются в ее участии [15, с. 34]. Данный автор рассматривает терроризм как своеобразный способ общения с обществом, который может быть осуществим только при участии СМИ. Отталкиваясь от известной модели коммуникации Г. Лассуэлла: Кто? Что? По какому каналу? Кому? С каким эффектом?, он предлагает свою коммуникационную модель, вписывающуюся в контекст терроризма: терроризм (отправитель) → сообщение (сообщение) → насилие (канал) → жертва (получатель) → СМИ (канал) → общественность (получатель) → эффект (цель) [2]. Согласно этой схеме терроризм имеет целью более широкую зону поражения, чем непосредственные жертвы, а передача насилия через СМИ усиливает эффект от террористического действия.

Таким образом, средства массовой информации в коммуникационной политической стратегии терроризма предназначены для решения следующих основных задач:

Во-первых, террористы нуждаются в поддержке международного сообщества, что становится осуществимым посредством благожелательного освещения в СМИ их целей, а не действий. Акцентирование внимания СМИ на декларируемых причинах, заставляющих, по утверждению террористов, использовать крайние меры, способствует росту симпатии к ним со стороны аудитории. В результате неодобрение насилия отступает на задний план.

Во-вторых, СМИ создают рейтинг самых одиозных террористических организаций. Чем крупнее теракт, тем больший резонанс он получает в СМИ и тем сильнее кажется группировка, осуществившая его. Террористы хотят,

чтобы СМИ создавали им образ всемогущества, безнаказанности и непобедимости, парализуя сопротивление противника и внушая ему, что любые антитеррористические меры с его стороны тираничны и непродуктивны.

В-третьих, террористы через СМИ стремятся нанести непоправимый вред своему врагу. Они хотят, чтобы СМИ усилили панику, увеличили экономические потери путем отпугивания потенциальных инвесторов и туристов, подрывали веру населения в способность правительства управлять страной и обеспечивать элементарный уровень безопасности.

В-четвертых, террористы стремятся через СМИ добиться роста недовольства граждан действиями властей и правоохранительных органов. Под давлением общественного мнения правительство способно действовать необдуманно, совершая ошибочные действия или воздерживаясь от принятия необходимого волевого решения, что может привести к ликвидации демократических институтов и затруднит нормальное функционирование государственных органов.

В-пятых, террористы заинтересованы в позитивном освещении средствами массовой информации деятельности неправительственных религиозно-политических организаций, благотворительных фондов, научно-исследовательских центров и иных структур, которые на полуофициальном уровне выражают сочувствие их действиям и могут служить прикрытием для финансирования и свободного передвижения террористов по разным странам.

Проблема угрозы терроризма представляет собой эффективный способ привлечения максимального внимания населения, что позволяет констатировать высокую степень воздействия средств массовой информации на формирование комплекса знаний о данном феномене и связанных с ним событиях. В этой связи антитеррористическая политика СМИ должна быть направлена, прежде всего, на проведение созидательно-просветительской политики, основополагающим элементом которой является забота об эмоционально-психологическом состоянии общества и сохранении целостности государства.

На данный момент назрела острая потребность в разработке эффективной информационно-пропагандистской стратегии по противодействию терроризму с целью создания мощной общественной среды неприятия этого деструктивного явления. «Борьба с терроризмом — это, прежде всего, борьба за умы людей» [4, с. 4], которая осуществляется преимущественно через разъяснительные материалы средств массовой информации. Как отмечает А. Дугин, террористы, как правило, имеют довольно четкие и ясные убеждения в отличие от обычных людей, чьи воззрения крайне расплывчаты [3]. Невнятность общего потока информации резко контрастирует с ясностью экстремистских теорий, что привлекает отдельных представителей радикальных кругов, в том числе религиозного толка.

В ситуации активизации терроризма СМИ должны уделять особое внимание психологическому, идейному и геополитическому просвещению населения, в первую очередь, молодежи. Как отмечает российский ученый С. Кара-Мурза, терроризм представляет собой эффективное средство в направлении энергии молодого поколения на ложные цели [5, с. 174]. Таким образом, представителям средств массовой информации необходимо уделять особое внимание формированию антитеррористического сознания в молодежной среде.

Многочисленные исследования психологов показывают, что вовлечение населения в террористическую деятельность облегчается в условиях ухудшения социально-политической и экономической обстановки на фоне высокого уровня психологической напряженности общества, характеризующейся ростом негативных эмоций — чувством раздражительности, фрустрации, разочарования и т. п. [14]. В этом случае одним из стимулирующих факторов к участию в террористических акциях может выступать стремление к психологической разрядке, желание преодолеть отчуждение, ощутить принадлежность к всесильной группе. Многими отечественными учеными отмечается, что по этим показателям в современной России сложилась благоприятная почва для распространения террористических идей и групп.

Наиболее уязвимой частью населения, легко подвергающейся деструктивной пропаганде, становится молодежь. Так, например, согласно результатам социологического исследования среди учащихся ПТУ, студентов и курсантов военных училищ Санкт-Петербурга, в отрядах самообороны готовы принять гипотетическое участие от 40,2% студентов до 58,4% курсантов военных училищ, а в терроризме — от 5,9% школьников до 20,8% курсантов [12, с. 67].

Поэтому в рамках противодействия терроризму средства массовой информации должны ориентироваться на развенчание ложных идей и концепций, которые могут способствовать формированию неблагоприятного имиджа государства в борьбе с терроризмом, особенно в молодежной среде. Прежде всего, необходимо разъяснять разницу между понятиями «терроризм», «террор» и «национально-освободительное движение». Нередко эти слова воспринимают как синонимы. Между тем каждый из этих терминов имеет свои легко узнаваемые специфические характеристики.

Понятие «террор» применяется учеными для обозначения насилия, осуществляемого со стороны государства, которое опирается на мощь силовых структур страны [1, с. 6]. Терроризм и террор отличаются не только на уровне организаторов насильственных действий, но и на уровне способа использования силы. В то время как оружием первого являются репрессии, оружием второго — террористические акты.

Отличие терроризма от национально-освободительного повстанческого или партизанского движения лежит в разных методах достижения целей. Действия партизан направлены непосредственно против вооруженных сил

и сводятся к нанесению материального урона противнику, уничтожению его живой силы и военной техники, выводу из строя коммуникаций, захвату территории. Напротив, главной целью террористов является нанесение максимального психологического ущерба противнику посредством уничтожения в первую очередь мирного населения. По словам К. Хиршмана, «партизаны хотят завоевать территорию, а террористы — мышление» [11, с. 27]. М. Хрусталев, говоря об отличиях между партизанской войной и терроризмом, использует для характеристики последнего термин «диверсионно-террористическая война», под которым он понимает «войну практически без непосредственных боевых столкновений, которую ведет «латентный» противник вне своей территории [13, с. 55].

В выступлениях террористы всегда подчеркивают свою принадлежность именно к национально-освободительному движению, дистанцируясь от термина «терроризм». Вера в абсолютную справедливость их борьбы лежит в основе всех террористических организаций и является мощным психологическим оружием. Называя себя борцами за свободу, террористы не только снимают с себя ответственность за применение насильственных действий, но и перекладывают вину на своего врага. Легко прогнозируемая ответная реакция на теракт со стороны государства в виде суровых санкций — проверок, обысков, контртеррористических операций — помогает террористам в формировании негативного образа правительства и силовых структур.

Создание правительству образа угнетателя и жестокого деспота является самым распространенным методом террористов по дискредитации политики органов власти, а недооценка этой тактики может парализовать нормальное функционирование любого государства и привлечь на сторону террористов новых сторонников.

Одним из контртеррористических ответов органов власти и СМИ может являться введение ограничений на освещение темы терроризма. Во многих странах вопрос о цензуре представляет собой постоянный предмет для острых споров между властными структурами и журналистами. Как правило, СМИ автоматически переводят обсуждение проблемы цензуры из области этики в политическое русло, обвиняя власти в наступлении на свободу слова. Журналисты опасаются, что ограничения на освещение операций против террористов будут распространены и на другие сферы.

В. Третьяков указывает еще на одну причину опасности введения запрета на информирование общества в ситуации с захватом заложников — это вероятность усиления внимания террористов к работе СМИ [10, с. 3]. В случае существования жесткой цензуры он допускает возможность выдвижения террористами в качестве одного из требований доступ к СМИ, что может повлечь за собой еще более тяжелые последствия, чем современная деятельность журналистов.

Представляется необходимым отметить, что в настоящее время российские власти все чаще делают заявления о неэффективности введения цензуры как метода борьбы с терроризмом. Приходит понимание того, что ограничение СМИ в освещении террористических актов только способствует мобилизации внимания аудитории и достижению целей террористов. Подтверждением этой позиции также является факт редактирования Федерального Закона № 130 от 25 июля 1998 г. «О борьбе с терроризмом» [7, с. 13; 8, с. 21]. С 10 марта 2006 г. утратила силу статья 15 «Информирование общественности о террористической акции», в которой вводился запрет на распространение информации, способной создать угрозу жизни и здоровью людей, затруднить проведение контртеррористической операции.

По результатам проведенного нами в 2009 г. в составе исследовательского коллектива анкетирования среди студентов ПГЛУ было выявлено, что 40% респондентов считает оправданным введение цензуры только в определенных случаях. Как показывает исследование, это не касается предоставления информации о национальности и вероисповедании террористов. Большая часть студентов (51%) высказалась против освещения в СМИ этих сведений. Однако, несмотря на общепринятое заявление о том, что мировое сообщество отвергает связь терроризма с какой-либо конкретной религией, расой или национальностью, этническая идентификация террористов является обязательной составляющей большинства публикаций печатных СМИ в ситуации теракта.

К деструктивному фактору, который возникает в ситуации захвата заложников и посткризисного освещения чрезвычайного события, относится акцентирование внимания журналистов на количестве заложников и требованиях террористов. Как правило, первоначальные сведения на эту тему никогда не бывают достоверными, что, по сути, характерно для любого чрезвычайного события в первые дни его протекания. Однако именно эта информация больше всего интересует аудиторию, а ее неточность или сокрытие, как показал опыт Беслана, могут превратиться в мощное средство для обвинения органов власти как со стороны СМИ, так и со стороны общества в целом.

Результаты упомянутого выше анкетирования показали, что 74% студентов посчитали возможным предоставление информации о количестве заложников, убитых, раненых. Безусловно, эта информация должна предоставляться, но в целях предотвращения негативных последствий журналистам в своих материалах следует давать разъяснения о предварительном характере данных.

Проблема распространения идеологии терроризма в молодежной среде особо остро стоит на Северном Кавказе, где заметен процесс усиления влияния радикальных исламских течений. Идеология религиозного экстремизма представляет собой реальную политическую и военную угрозу в регионе. Следует подчеркнуть, что корни терроризма кроются не только в экономической напряженности, но и в низком уровне образования подрастающего поко-

ления в республиках Северного Кавказа. Одной из опасных тенденций, способствующих экстраполяции терроризма в регионе, является выезд молодежи на учебу в зарубежные мусульманские центры, что создает предпосылки для укрепления и развития различных религиозных исламских течений экстремистского и террористического толка.

Приверженцы радикальных исламских течений помимо Чечни начали активно проявлять себя в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. Более того, деятельность исламских фундаменталистов уже стала распространяться и на некоторые российские территории, являющиеся ареалом исконного православия. Северный Кавказ характеризуется насаждением псевдорелигиозных ценностей, что представляет реальную угрозу безопасности региона.

В качестве контрмеры, призванной противостоять этой опасности, прежде всего, необходимо ликвидировать дефицит религиозной литературы, дающей неискаженные представления об исламе. Так, например, по словам главного муфтия мусульман России, «есть экстремисты ваххабитского толка, а есть мусульмане святой России» [6]. Представляется, что это высказывание должно послужить отправной точкой при конструировании межконфессиональных отношений как на Северном Кавказе, так и в России в целом.

Экспансия религиозного экстремизма в значительной степени влияет и на эскалацию межэтнической напряженности на Северном Кавказе, который представляет собой регион со сложной социальной и культурной мозаикой. Здесь компактно проживают представители более 100 этнических общностей со своей исторической и культурной индивидуальностью, а также с высокой степенью конфликтогенности. Впрочем, процессы ухудшения межнациональных отношений наблюдаются по всей территории России. Поэтому средствам массовой информации следует обращать внимание в своих материалах и на гармонизацию межнационального климата, как одного из аспектов контртеррористической коммуникационной стратегии.

В заключении, следует отметить, что терроризм для распространения своих идей нуждается в коммуникационных каналах. Современный терроризм был бы невозможен без участия средств массовой информации, с помощью которых террористы добиваются большого эффекта малыми средствами. В этой связи, необходимо проведение эффективной информационно-пропагандистской стратегии по противодействию терроризму с целью создания мощной общественной среды неприятия этого деструктивного явления, особенно среди наиболее уязвимой части населения — молодежи.

Библиографический список

1. 1. *Будницкий О.В.* Терроризм глазами историка. Идеология терроризма // Вопросы философии, 2004. № 5.

2. 2. *Введенская Т. Ю., Дзигумская Е. А.* Международный терроризм: психологический аспект // Материалы научной конференции «Проблемы политической психологии». Киев. 1997. URL: http://www.psyfactor.org/terror2.htm
3. 3. *Дугин А.* Шахиды платят кровью за эфирное время // Независимая газета, 2004. 15 апр.
4. 4. *Дульман П.* Борьба за ум и совесть // Российская газета, 2004. 30 сент.
5. 5. *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. М.: Эксмо-пресс, 2001.
6. 6. *Ковалевская Л.* Главней всего — антитеррор // Ставропольская правда, 2004. 15 окт.
7. 7. О борьбе с терроризмом: Федеральный закон № 130 от 25 июля 1998 г. М.: Ось-89, 2004. -ФЗ.
8. 8. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2006.
9. 9. *Расторгуев С. П.* Терроризм как элемент информационной операции // Информация. Дипломатия. Психология. М.: Известия, 2002.
10. 10. *Третьяков В.* Лоскутная политика // Российская газета, 2004. 14 окт.
11. 11. *Хиршман К.* Меняющееся обличье терроризма // Международный терроризм и право. М.: ИНИОН РАН, 2004.
12. 12. *Хлобустов О. М.* «Чеченский» терроризм — региональный подвид исламского фундаментализма // Обозреватель, 2003. № 7/8.
13. 13. *Хрусталев М.* Диверсионно-террористическая война как военно-политический феномен // Международные процессы, 2003. № 2.
14. 14. *Щеглов А. В.* Анатомия терроризма: проблемно-психологический анализ // Право и политика, 2000, № 5. URL: http://www.law-and-politics.com
15. 15. *Hacker F.* Crusaders, criminals, crazies: terror and terrorism in our time. N. Y.: Norton, 1976.
16. 16. *Hoffman B.* Inside Terrorism. N. Y.: Columbia University Press, 1998.
17. 17. *Rapoport D. C.* Inside Terrorist Organizations. N. Y.: Columbia University Press, 1988.
18. 18. *Schmid A.* Terrorism and the media: The ethics of publicity // Terrorism and Political Violence. 1989. Vol. 1. № 4.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н. А. Баранов [1]

Ключевые слова: церковь, государство, публичная политика, социальная концепция, политический дискурс. **Keywords:** church, state, public policy, social vision, the political discourse.

Интерес к публичной политики в России стал возможен благодаря демократическим переменам 1990-х гг. и потребности в повышении эффективности государственного управления в 2000-е гг.

Оригинальное определение публичной политике дал американский политолог Джеймс Андерсон — «все то, что правительство решает делать или не делать» [1, с. 11]. А вот на выбор между «делать или не делать» в определяющей степени влияет публичная сфера, в которой происходит диалог власти и общества, где, по выражению Ю. Красина, «в открытом сопоставлении взглядов происходит «притирка» разных групп интересов и в диалоге с государственной властью формируется гражданское сознание и гражданская позиция» [7, с. 14]. В публичной сфере формируется общественное мнение, происходит обсуждение социально-политических проблем, реализация общественных интересов, осуществляется влияние различных организаций, представляющих частные интересы, на государственную политику.

В публичной сфере происходит взаимодействие общественных интересов граждан и публичной политики государства, которое зависит от готовности населения к формированию структур гражданского общества. От активности различных организаций, союзов, движений зависит их степень влияния на государственные органы в целях реализации общественных интересов.

Среди большого количества различных объединений, организаций, гражданских структур в современной России следует выделить Русскую православную церковь, представляющую наиболее многочисленную религиозную кон-

[1] Баранов Николай Алексеевич – доктор политических наук, профессор кафедры политологии Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д.Ф. Устинова. Эл. почта: nicbar@mail.ru

фессию, а также рассматриваемую в качестве культуро-образующего фактора русской нации, что определяет ее как наиболее значимого негосударственного субъекта публичной сферы. РПЦ откликается на все проблемы, возникающие в российском обществе, и ведет активный диалог с государством по интересующим ее паству вопросам.

Следует отметить, что взаимоотношения между Церковью и государством переживают различные этапы в своем становлении. Так, в 1990-е гг. государство передавало в церковную собственность храмы, земли, исторические памятники архитектуры, ранее принадлежавшие РПЦ, что было обусловлено комплексом вины, сложившимся у российской власти перед Церковью, за годы коммунистического правления. Причем решения в пользу Церкви принимались нередко теми, кто ранее осуществлял политику секуляризации.

В 2000-е гг. взаимоотношения стали строиться в большей степени на взаимной поддержке и доверии светской и духовной власти. Так, взамен на поддержку государство разрешает Церкви создание института армейского духовенства, проведение занятий по основам православной культуры и этики в школах; идет консолидированная работа по борьбе с наркотиками, алкоголизмом, безнравственностью, по возрождению величия державы.

В соответствии со ст. 14 Конституции Российская Федерация является светским государством, в котором религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

Деятельность религиозных организаций регламентируется Федеральным законом от 12.01.1996 г. №7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (в ред. от 17.07.2009 г.), Федеральным законом от 26.09.1997 г. №125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» (в ред. от 23. 07. 2008 г.).

В соответствии со ст. 4, п. 5 ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» религиозное объединение не выполняет функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления; не участвует в выборах в органы государственной власти и в органы местного самоуправления; не участвует в деятельности политических партий и политических движений, не оказывает им материальную и иную помощь [6].

Отношение с государством РПЦ выстраивает в соответствии с Основами социальной концепции Русской православной церкви [10] — официального документа, утвержденного на юбилейном Архиерейском соборе 2000 г., в котором представлено понимание современной ситуации, сказанное с сознательно консервативных, традиционалистских позиций.

Основы социальной концепции излагают базовые положения учения по вопросам церковно-государственных отношений и по ряду современных общественно значимых проблем. Документ также отражает официальную позицию

Московского Патриархата в сфере взаимоотношений с государством и светским обществом. Помимо этого, он устанавливает ряд руководящих принципов, применяемых в данной области епископатом, клиром и мирянами.

Структурно Основы социальной концепции состоят из 16 разделов, каждый из которых освещает ту или иную общественно значимую проблему, сторону жизни государства и общества. С точки зрения рассмотрения РПЦ как субъекта публичной политики наибольший интерес представляют раздел III «Церковь и государство» и раздел V «Церковь и политика».

«Церковь, — говорится в документе, — не должна брать на себя функции, принадлежащие государству… В то же время Церковь может обращаться к государственной власти с просьбой или призывом употребить власть в тех или иных случаях, однако право решения этого вопроса остается за государством».

В случае принуждения православных верующих к отступлению от учения, приводящее к греховным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении. Христианин, следуя велению совести, может не исполнить повеления власти, понуждающего к тяжкому греху. В случае невозможности повиновения государственным законам и распоряжениям власти церковное Священноначалие может предпринять следующие действия: «вступить в прямой диалог с властью по возникшей проблеме; призвать народ применить механизмы народовластия для изменения законодательства или пересмотра решения власти; обратиться в международные инстанции и к мировому общественному мнению; обратиться к своим чадам с призывом к мирному гражданскому неповиновению». Т. е. РПЦ настраивает и прихожан, и Священноначалие не на индифферентное отношение к происходящему в государственной сфере, а на активное участие в общественных и государственных делах.

В то же время РПЦ не призывает к изменению сложившейся формы правления, уделяя главное внимание не системе внешней организации государства, а состоянию сердец своих членов. Как говорит протоиерей Геннадий Фаст, «нигде нет указаний, чтобы Бог благословил демократию. Это не означает, что демократия не имеет права быть. Она есть и она будет. Но божественной санкции нет» [18].

Церковь может взаимодействовать с государством в делах, служащих благу самой Церкви, личности и общества. Она призвана принимать участие в устроении человеческой жизни во всех областях, где это возможно, объединяя соответствующие усилия с представителями светской власти.

В соответствии с Основами социальной концепции областями сотрудничества Церкви и государства в нынешний исторический период являются:

а) миротворчество на международном, межэтническом и гражданском уровнях, содействие взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами и государствами;

б) забота о сохранении нравственности в обществе;

в) духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание;

г) дела милосердия и благотворительности, развитие совместных социальных программ;

д) охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия, включая заботу об охране памятников истории и культуры;

е) диалог с органами государственной власти любых ветвей и уровней по вопросам, значимым для Церкви и общества, в том числе в связи с выработкой соответствующих законов, подзаконных актов, распоряжений и решений;

ж) попечение о воинах и сотрудниках правоохранительных учреждений, их духовно-нравственное воспитание;

з) труды по профилактике правонарушений, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы;

и) наука, включая гуманитарные исследования;

к) здравоохранение;

л) культура и творческая деятельность;

м) работа церковных и светских средств массовой информации;

н) деятельность по сохранению окружающей среды;

о) экономическая деятельность на пользу Церкви, государства и общества;

п) поддержка института семьи, материнства и детства;

р) противодействие деятельности псевдорелигиозных структур, представляющих опасность для личности и общества.

В то же время существуют области, в которых священнослужители и церковные структуры не могут оказывать помощь государству, сотрудничать с ним. Это:

а) политическая борьба, предвыборная агитация, кампании в поддержку тех или иных политических партий, общественных и политических лидеров;

б) ведение гражданской войны или агрессивной внешней войны;

в) непосредственное участие в разведывательной и любой иной деятельности, требующей в соответствии с государственным законом сохранения тайны даже на исповеди и при докладе церковному Священноначалию.

В документе отмечается, что в современном государстве существует разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную; имеются различные уровни власти: общегосударственный, региональный, местный, что определяет специфику взаимоотношений Церкви с властями разных ветвей и уровней.

Церковь не отдает официального предпочтения той или иной политической организации или политическому лидеру, а проповедует мир и сотрудничество

людей, придерживающихся различных политических взглядов. Она также допускает наличие различных политических убеждений среди ее епископата, клира и мирян. Однако, участие священнослужителей в деятельности политических организаций, в предвыборных процессах, включая выдвижение кандидатур священнослужителей на выборах любых органов представительной власти всех уровней не допускается. В то же время ничто не должно препятствовать участию иерархов, священнослужителей и мирян, наравне с другими гражданами, в народных волеизъявлениях путем голосования.

Эти принципы взаимоотношений Церкви с политическими организациями были приняты Архиерейским собором, состоявшимся в 1997 г., на котором приветствовался диалог и контакты Церкви с политическими организациями только в том в случае, если подобные контакты не носят характера политической поддержки [2]. Однако, неучастие священнослужителей и паствы в политической борьбе, в деятельности политических партий и в предвыборных процессах не означает их отказа от публичного выражения позиции по общественно значимым вопросам, от представления этой позиции перед лицом органов власти любой страны на любом уровне.

Так, участие православных мирян в деятельности органов власти и политических процессах может быть как индивидуальным, так и в рамках особых христианских (православных) политических организаций. В обоих случаях они имеют свободу выбора и выражения своих политических убеждений, принятия решений и осуществления соответствующей деятельности. В то же время миряне, участвующие в государственной или политической деятельности индивидуально или в рамках различных организаций, делают это самостоятельно, не отождествляя свою политическую работу с позицией Церкви и не выступая от ее имени. При этом высшая церковная власть не преподает специального благословения на политическую деятельность мирян.

Известный своей активной миссионерской деятельностью протоиерей Андрей Кураев констатирует: Церковь не занимается назначением чиновников и контролем за ними, церковь не цензурирует законы, не занимается формированием и распределением бюджета, не формирует внешнюю и внутреннюю политику государства. Церковь находится «вне политики по своей сути, и она соприкасается с политикой на своей периферии» [8, с. 89-90]. Т. е. христианин не должен участвовать в политике, но он может участвовать в политике. Наиболее приемлемая форма политического присутствия Церкви в светском обществе — это, по выражению А. Кураева, «тактичное социальное партнерство» [8, с. 98].

Архиерейский собор Русской православной церкви 1994 г. постановил полагать допустимым членство в политических организациях «мирян и создание ими самими таких организаций, которые, в случае наименования себя христианскими и православными, призываются к большему взаимодействию

с церковным Священноначалием. Считать также возможным участие священнослужителей… в отдельных мероприятиях политических организаций, а также церковное сотрудничество с ними в делах, полезных для Церкви и общества, в случае, если таковое участие и сотрудничество не носит характера поддержки политических организаций, служит созиданию мира и согласия в народе и церковной среде» [9].

Свою позицию по наиболее актуальным проблемам современного российского общества регулярно высказывает Патриарх Кирилл. Так, тему модернизации, которая легла в основу последнего ежегодного послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, Церковь, по словам Патриарха, настойчиво поднимала в течение последних лет, поэтому он выразил глубокую удовлетворенность тем, что эта тема заняла такое важное место в послании президента. Точка зрения Церкви относительно модернизации базируется на основе фундаментальных общественных ценностей. Патриарх Кирилл предлагает так модернизировать страну, чтобы одновременно сохранять и укреплять нравственное измерение личной, семейной и общественной жизни. «Гуманитарное, человеческое, нравственное измерения, — отмечает Патриарх, — очень важны. И в этом смысле Церковь готова участвовать в общественном дискурсе в отношении темы модернизации и приветствует постановку этого вопроса на самом высоком государственном уровне в России сегодня» [3]. Полностью теме модернизации России посвящён доклад митрополита Кирилла на XI Всемирном русском народном соборе 5 марта 2007 г., по итогам которого он сказал: «Другого пути технического развития, кроме того, по которому прошёл Запад, не существует. Если кто-то знает о таком, пусть нам покажет и расскажет. Но пока что люди с удовольствием пользуются хорошими западными автомашинами, созданными для езды по хорошим дорогам. И было бы глупым упрямством ставить себе задачу в пику известным и общепризнанным достижениям человеческой цивилизации во что бы то ни стало изобретать нечто своё, ни на что не похожее» [13].

Интересна точка зрения главы РПЦ относительно такой проблемы, которая характерна для России, как бедность работающего человека. Патриарх Кирилл полагает, что, она связана, во-первых, с проблемой бюрократии и коррупции, которые препятствуют развитию малого предпринимательства; во-вторых, с увеличением заработной платы на основе модернизации технологий и роста производительности труда; в-третьих, с изменением внутреннего состояния человека, уровня его самодисциплины, образования, отношения к труду, что непосредственно влияет на производительность труда; в-четвертых, с отрегулированностью законодательства, способствующего созданию не только эффективной, но и справедливой экономики [3]. По своему содержанию данная точка зрения может принадлежать не духовному лицу, а скорее всего, компетентному, профессиональному, рационально мыслящему политику.

Современные отношения между иерархами РПЦ и первыми лицами государства выстраиваются, исходя из взаимных интересов и поддержки проводимой политики, для чего проводятся регулярные встречи как на светских мероприятиях, так и во время церковных служб, на которые приходят президент, председатель правительства, министры, депутаты. Таким образом, происходит сближение церковной и светской элиты. Характеризуя взаимоотношения первых лиц государства и церкви А. Кураев заметил, что «Ельцин наградил Патриарха Алексия всеми высшими орденами России, а Патриарх за все два ельцинских срока не наградил Бориса Николаевича никаким церковным орденом. Отсутствие действия тоже бывает серьезным действием» [8, с. 63]. Основным показателем в отношении отдельных политиков со стороны Церкви является наличие духовной православной составляющей при принятии решений. Показательно, что 21 января 2010 г. Дмитрию Медведеву была вручена премия имени патриарха Алексия «За выдающуюся деятельность по укреплению единства православных народов». Главе российского государства премия присуждена «за плодотворное развитие государственно-церковных отношений в современной России, совершенствование межконфессионального диалога», что свидетельствует о признании Церковью заслуг Президента России и поддержке его политического курса.

Среди наиболее политически активных структур в рамках РПЦ следует выделить отдел внешних церковных связей, возглавляемый архиепископом Илларионом. ОВЦС уделяет особое внимание работе с государственными учреждениями и институтами гражданского общества зарубежных стран. Отвечая на вопрос о связи церковных проблем на постсоветском пространстве с политическими, архиепископ Илларион, в частности, сказал: «Взаимосвязь, безусловно, есть, но она не прямая, и решения церковных вопросов невозможно достичь политическими средствами, также как и решения политических проблем невозможно добиться церковными средствами, хотя церковные взаимоотношения могут очень способствовать улучшению взаимоотношений между странами, между народами и даже между политиками» [12]. В качестве положительного примера можно привести обмен церковными послами между Русской и Грузинской православной церквями.

РПЦ участвует в политическом дискурсе также через различные организации, форумы, где она играет решающую роль, среди которых выделяются Всемирный русский народный собор и Рождественские чтения.

Всемирный русский народный собор — международная общественная организация, функционирующая под эгидой РПЦ, существующая с 1993 г. и призванная способствовать формированию гражданского общества России. В его заседаниях традиционно принимают участие представители всех ветвей власти, лидеры общественных объединений, высшее духовенство традиционных религий России, преподаватели и студенты крупнейших учебных заведе-

ний страны, деятели науки и культуры, делегаты русских общин из ближнего и дальнего зарубежья, многочисленные представители молодёжи. С момента создания ВРНС главой этой общественной организации является Патриарх Московский и всея Руси.

Целью этой международной общественной организации является привлечение общественного мнения к наиболее острым вопросам современности. ВРНС стал общественной площадкой и местом встречи людей, которые, независимо от политических взглядов, объединены единой целью — заботой о настоящем и будущем России [14].

За период с 1993 по 2009 гг. состоялось 13 соборов.

2009 (21-23.05) — «Экология души и молодежь: духовно-нравственные причины кризисов и пути их преодоления».

2008 (20-22.02) — «Поколение наследников».

2007 (5-7.03) — «Богатство и бедность: исторические вызовы России».

2006 (4-6.04) — «Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке».

2005 (9-10.03) — «Единство народов, сплоченность людей — залог Победы над фашизмом и терроризмом».

2004 (3-5.02) — «Россия и православный мир».

2002 (16-17.12) — «Вера и труд: духовно-культурные традиции и экономическое будущее России».

2001 (13-14.12) — «Россия: вера и цивилизация. Диалог эпох».

1999 (6-7.12) — «Россия накануне 2000-летия христианства. Вера. Народ. Власть».

1997 (5-7.05) — «Здоровье нации».

1995 (4-6.12) — «Россия и русские на пороге XXI столетия».

1995 (1-3.02) — «Через духовное обновление к национальному возрождению».

1993 (26-28.05) — «Российская соборная мысль».

Можно выделить решения V Собора, состоявшегося перед выборами в Государственную Думу в декабре 1999 г., где выражалась озабоченность «предельным обострением политической борьбы», «безнравственными, греховными методами», используемыми в этой борьбе, которые могут окончательно подорвать доверие народа к власти и политикам. Собор призвал народ к гражданскому миру, заявив, что противостояние политиков может разрушить страну. В Соборном слове говорится: «Власть сильна, когда уважается и поддерживается народом, который выбирает не программы, а людей, оценивая их поступки и нравственный облик» [15]. Собор призвал к национальному созиданию, возможному лишь в единстве народа и власти.

X ВРНС, который проходил в 2006 г., констатировал, что «Россия была, есть и будет великой державой…» [16], что явилось логичным продолжением политики российской власти по борьбе за достижение реального международного суверенитета.

Такое единодушие религиозной общественности и светской власти объясняет А. Кураев: «Патриотизм — это аксиома русского православного сознания. Выводная из него теорема — поддержка сильного национального государства, государственническое мышление» [8, с. 78].

Другой публичный формой, используемой РПЦ для влияния на государственные вопросы, являются Рождественские чтения — крупнейший в Российской Федерации ежегодный церковно-общественный форум, который дает возможность выразить позицию Церкви в области образования, обсудить важнейшие вопросы церковно-государственного сотрудничества, сохранения традиционных семейных ценностей, православного воспитания детей и юношества, развития взаимоотношений РПЦ со светским обществом. В Рождественских чтениях принимают участие Патриарх и священноначалие Русской православной церкви, представители органов исполнительной, законодательной и судебной власти, ученые и общественность. Так XVIII Международные Рождественские образовательные чтения, прошедшие 24-29 января 2010 г. в Москве, обсудили тему: «Практический опыт и перспективы церковно-государственного сотрудничества в области образования».

Для публичной сферы в качестве эффективного коммуникационного средства особую значимость приобретает Интернет, с помощью которого РПЦ выражает свое отношение к происходящим событиям, комментирует те или иные явления политической жизни, обозначает официальную позицию руководства Церкви по актуальным вопросам современной действительности. Посредством Интернета осуществляется взаимодействие различных структур Церкви с мирянами и со всем обществом.

Православный Рунет появился в 1996 г. На январь 2010 г. среди Интернет-ресурсов РПЦ насчитывается 199 епархиальных сайтов, 337 сайтов монастырей, 1445 сайтов храмов, 96 сайтов духовных академий и семинарий, 1125 сайтов православных СМИ, 132 домашних страницы священников [5]. Создано сообщество православных веб-разработчиков, председателем которого является Александр Дятлов.

В 2006 г. состоялся Первый конкурс православных сайтов Рунета «Мрежа», итоги которого были подведены на XV Рождественских чтениях в феврале 2007 г. Победителем конкурса в номинации «Официальные церковные сайты» в итоге стал интернет-проект «Сестры. Ru. Ново-Тихвинский женский монастырь, г. Екатеринбург». Следует отметить, что дизайн сайта разработан самими сестрами Ново-Тихвинского монастыря, свидетельствующее о высоких профессиональных навыках послушниц. Завершая церемонию награждения,

председатель жюри конкурса архимандрит Тихон (Георгий Шевкунов) отметил, что Интернет, некогда зародившийся в военно-технических целях, приобрел всемирное значение и играет большую роль в жизни всего общества. Поэтому миссия в сети должна быть, а сам Интернет, прежде всего, должен рассматриваться как инструмент этой миссии. «Вы совершаете великое дело — воцерковление инструмента, который сегодня оказывает огромное влияние» [4], — подытожил архимандрит Тихон, обращаясь к многочисленным гостям и участникам церемонии.

Официальные сайты имеют все сколь-нибудь значимые структуры Русской православной церкви, большинство из которых регулярно, а зачастую ежедневно обновляются. Находится в стадии активного развития православная блогосфера, в которой обсуждаются как религиозные, так и светские злободневные темы. Так, широко известен форум миссионерского портала протодиакона Андрея Кураева [17], посещаемость которого составляет 15-17 тысяч посетителей в день. Статистика форума впечатляет: на 31 января 2010 г. зарегистрировано 2676815 сообщений в 48600 темах от 31328 пользователей.

РПЦ за последние годы стала более современной. Эта модернизация стала возможной благодаря критическому пересмотру форм и методов работы священнослужителей с верующими. Патриарх приближает к себе людей одаренных, обеспечивая интеллектуальное сопровождение церковной политики. Среди наиболее значимых фигур, занимающих активную позицию в отношениях как с властными структурами, так и с обществом следует выделить следующих иерархов и деятелей РПЦ:

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (Гундяев Владимир Михайлович, 1946 г. р.), в 28 лет — ректор Ленинградской духовной академии и семинарии, в 31 год — архиепископ, в 1987 г. стал доктором богословия, автор многих книг и более 700 публикаций в отечественной и зарубежной периодике, автор и ведущий телепередачи «Слово пастыря». С 1996 по 2000 гг. — руководил разработкой и представил Архиерейскому Собору 2000 г. «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Почетный доктор и почетный профессор многих отечественных и зарубежных университетов, в т. ч. с 2002 г. — почетный доктор политологии Государственного университета Перуджи (Италия);

Протодиакон Андрей Кураев — профессор Московской духовной академии; старший научный сотрудник кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ (1963 г. р., в 35 лет — профессор богословия, автор многочисленных книг, миссионер);

Архиепископ Волоколамский Иларион, председатель ОВЦС с марта 2009 г. (Григорий Алфеев, 1966 г. р.), в 29 лет окончил Оксфордский университет со степенью доктора философии, в 33 года — доктор богословия, автор 18 книг, композитор);

Игумен Филипп (Симонов Вениамин Владимирович, 1958 г. р.), д. э. н. (1994), начальник инспекции контроля расходов федерального бюджета на науку и образование Счетной палаты Российской Федерации, заместитель Председателя Миссионерского отдела Московского Патриархата, профессор Финансовой академии при Правительстве Российской Федерации и Высшей школы бизнеса при Экономическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАЕН;

Архимандрит Тихон (Шевкунов Георгий Александрович, 1958 г. р.), ректор Сретенской духовной семинарии, руководитель издательства Сретенского монастыря и интернет-портала «Православие. ru», автор фильмов «Псково-Печерская обитель», получившего в ноябре 2007 г. на XII Международном фестивале православного кино и телепрограмм «Радонеж» (Ярославль) гран-при, «Гибель империи. Византийский урок», получившего премию Российской киноакадемии «Золотой орел» за 2009 г., академик РАЕН;

Священник Владимир Вигилянский (1951 г. р.) — руководитель пресс-службы Патриарха Московского и всея Руси, публицист, литературный критик, писатель, журналист, редактор журналов и газет;

Легойда Владимир Романович (1973 г. р.), председатель Синодального информационного отдела Русской Православной Церкви (с 2009 г.), профессор кафедры международной журналистики МГИМО (У) МИД России, к. полит. н., Один из основателей (1996 г.) и главный редактор православного журнала «Фома», член комиссии по международным отношениям Всемирного Совета Церквей (от Русской Православной Церкви), член Общественной палаты [11].

Твердая убежденность в избранном пути, высокая теоретическая подготовка, креативное мышление интеллектуалов от Церкви — все эти качества все в большей степени привлекают общество, которое перестало с недоверием относиться к Церкви, а напротив, больше людей стало относиться к Церкви терпимее, а часть общества стала паствой РПЦ. Таким образом, Русская православная церковь, используя все возможности, предоставляемые законодательством Российской Федерации, активно и эффективно участвует в общественной и государственной жизни страны, твердо отстаивая свою позицию и настойчиво продвигая свои интересы. Являясь религией большинства, она пронизывает в значительной степени государственную жизнь и государственные структуры.

В то же время Церковь сохраняет лояльность государству, акцентируя внимание на воспитании нравственности и формировании в обществе моральных ценностей, присущих Православию. Опираясь в ряде вопросов на государство, РПЦ следует принципу, не позволяющему государственным структурам проникать в церковные дела, одновременно оставаясь важнейшим субъектом публичной сферы.

Библиографический список

1. 1. *Андерсон Дж.* Публичная политика: введение // Публичная политика: от теории к практике/сост. и науч. ред. Н. Ю. Данилова, О. Ю. Гурова, Н. Г. Жидкова. СПб., 2008.
2. 2. Доклад Святейшего Патриарха Алексия на Архиерейском Соборе 1997 г. Официальный сайт Московского патриархата. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/421718.html (дата обращения: 25.01.2010).
3. 3. Интервью Святейшего Патриарха Кирилла для программы «Национальный интерес» (телеканал «Россия»). 26 нояб. 2009 г. Официальный сайт Московского патриархата // URL: http:// www.patriarchia.ru/db/text/950675.html (дата обращения: 15.01.2010).
4. 4. Итоги первого конкурса православных сайтов. URL: http://www.orthonet.ru/2007/ press-release-mrezha.htm (дата обращения: 24.01.2010).
5. 5. Каталог православных ресурсов сети Интернет. URL: http://www.hristianstvo.ru/orthorus/(дата обращения: 24.01.2010).
6. 6. КонсультантПлюс: Интернет-версия. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online. cgi? req=doc; base=LAW; n=78684; fld=134; dst=100052 (дата обращения: 21.01.2010).
7. 7. *Красин Ю. А.* Публичная сфера и публичная политика. Российские проблемы // Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар: Материалы. Выпуск № 25. М., 2002.
8. 8. *Кураев А.* Церковь в мире людей. М., 2009.
9. 9. Определение «О взаимоотношениях Церкви с государством и светским обществом на канонической территории Московского Патриархата в настоящее время». Архиерейский собор 1994 г. Официальный сайт Московского патриархата. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/530460.html (дата обращения: 25.01.2010).
10. 10. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Официальный сайт Московского патриархата. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html (дата обращения: 16.01.2010).
11. 11. Официальный сайт Московского патриархата. URL: http://www.patriarchia.ru/
12. 12. Официальный сайт отдела внешних церковных связей. URL: http://www.mospat.ru/ru/2010/01/13/news11489/(дата обращения: 15.01.2010).
13. 13. Православная Москва. 2007. № 2.
14. 14. Сайт международной общественной организации «Всемирный русский народный собор». URL: http://www.vrns.ru/(дата обращения: 16.01.2010).
15. 15. Соборное слово V Всемирного русского народного собора. URL: http://www.vrns.ru/syezd/detail.php?nid=251&binn_rubrik_pl_news=328&binn_rubrik_pl_news=330 (дата обращения: 16.01.2010).
16. 16. Соборное слово X Всемирного Русского Народного Собора. URL: http://www.vrns.ru/syezd/detail.php?nid=779&binn_rubrik_pl_news=304&binn_rubrik_pl_news=306 (дата обращения: 16.01.2010).
17. 17. Форум миссионерского портала диакона Андрея Кураева. URL: http://kuraev.ru/indexphp?option=com_smf&Itemid=63 (дата обращения: 31.01.2010).

СОВРЕМЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ МИГРАЦИИ (РОССИЙСКИЙ И МИРОВОЙ ОПЫТ)

С. Г. Жихарев[1]

Ключевые слова: миграция, урегулирование конфликта, толерантность, национализм. **Keywords:** migration, conflict resolution, tolerance, nationalism.

В современном мире миграция является одной из проблемных зон как большой, так и региональной политики. Вопросы и трудности, вызванные с этим во много неконтролируемым процессом, носят как политический, так и социальный и культурный характер. Это, по сути, не одна, а целая система проблем, которая требует такого же системного подхода. В условиях мирового финансового кризиса эта проблема может действительно обостриться до уровня социально-политического конфликта, как внутри России, так и за ее пределами. При этом следует отметить, что границы конфликта могут выходить за рамки официальных государственных границ или границ этнического проживания населения.

Академик РАН А. В. Дмитриев определяет *миграцию*, как такой тип перемещения людей, который завершается сменой постоянного места жительства [4, с. 20]. Для описания перемещения населения наряду с термином «миграция» используется такие, как «*эмиграция*» — выезд жителей из одной страны в другую на постоянное место жительства в надежде сменить гражданство и «*иммиграция*» — въезд в страну иностранцев с целью постоянного (либо длительного) в ней проживания и чаще всего получения гражданства страны-реципиента. Выезд из страны (эмиграция), как правило, не является конфликтогенным явлением, но иммиграция, и это объясняется различными причинами, как бы сталкивает интересы местных жителей (резидентов) и мигрантов» [4, с. 21]. А. В. Дмитриев утверждает, что иммиграция более конфликтогенна, чем эмиграция. Именно поэтому она требует и большего внимания.

Конфликт, связанный с миграцией, обычно касается взаимодействий двух основных участников: постоянных жителей, с одной стороны, и мигрантов —

[1] Жихарев Сергей Геннадьевич — соискатель кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: delete@inbox.ru

с другой. Зачастую он дополняется вмешательством властей, т. е. появлением третьего участника конфликта. Но в случае, когда мигранты идентифицируют себя с конкретным этносом, то в этот процесс могут вмешаться и диаспоры (четвертая сторона). Основной признак такого конфликта — восприятие участниками поведения друг друга как ущемление своих территориальных, материальных, политических и духовных устремлений. Соревнование групп ведется за укрепление своего статуса, сохранение своих ценностей и идентичности. Конфликтное напряжение вызывается тем, что каждая из сторон желает достичь успеха и тем уязвить противника [4, с. 22-23].

Чаще всего конфликт определяется как столкновение противоположных интересов и взглядов, вызванных существованием глубокой социально-политической и культурно-психологической дистанции. Эту дистанцию определяют расходящиеся цели и интересы, ценности и намерения, как отдельных лиц, так и целых групп. В такой ситуации происходит нарастание, прежде всего, психологической напряженности «между сторонами взаимоотношения, углубление противоречий, снижение критичности и осознанности происходящего, проявление бессознательных реакций и действий субъектов… Степень конфликтного дистанцирования может быть различной и зависеть как от социальных, так и от психологических факторов» [6, с. 178]. Именно углубление противоречий характеризуют существующую между участниками конфликта дистанцию. Возникающие в результате этого различия не примиряют, а напротив, углубляют конфликтность[2]. Причем наряду с этнополитическими и социально-экономическими сторонами этого конфликта также следует еще учитывать и психологию конфликтных ситуаций. В этих условиях нам следует более детально остановиться на общих принципах политической конфликтологии и выяснить некоторые е принципиальные положения.

Временем возникновения современной политической конфликтологии следует считать середину XX столетия, когда появились первые специальные научные исследования на эту тему. В 1965 г. в ФРГ вышла книга известного германского политолога и политического деятеля Р. Дарендорфа «Классовая структура и классовый конфликт». Именно у Р. Дарендорфа конфликт впервые становится центральной категорией его социологии и политической науки. Более того, свою социологическую концепцию он так и назвал — «теория конфликта».

Согласно данной теории, конфликты неизбежны и даже необходимы, поскольку само общество есть система взаимодействий между конфликтующи-

[2] Академик А. В. Дмитриев определяет «дистанцию» как «восприятие различия статуса участниками взаимодействия. В практической деятельности поддерживается разными символами. В широком смысле мера сходства или различия в социальном статусе. С помощью изменения социальной дистанции определяется статус, потенциал как этнических, так и миграционных групп» [4, с. 408].

ми социальными группами. Не наличие, а отсутствие конфликта является чем-то удивительным и ненормальным. Его концепция «конфликтной модели общества» строилась на «антиутопическом» образе мира — мира власти, конфликта и динамики. По мнению Р. Дорендорфа «…конфликт является отцом всех вещей, т. е. движущей силой изменений, но конфликт не должен быть войной и не должен быть гражданской войной» [5, с. 147]. И далее Р. Дарендроф уточняет: «…Конфликт — это нечто большее, чем просто зло. Конфликт означает свободу, поскольку является единственным выражением многообразия и несовместимости человеческих интересов и желаний…» [10, p. 61].

Для него вся общественная жизнь является конфликтом, поскольку она изменчива. В человеческих обществах не существует постоянства, поскольку нет в них ничего устойчивого. Поэтому именно в конфликте находится творческое ядро всяких сообществ и возможность свободы, а также вызов рациональному овладению и контролю над социальными проблемами.

В отличие от марксизма Р. Дарендорф считал бесполезным ликвидировать причины социальных антагонизмов, чтобы покончить с конфликтами: они есть и будут. В любой системе есть неравенство социальных позиций, различие интересов, возможностей доступа к власти. Необходимо научиться «изменять течение конфликта», тогда перед обществом откроется перспектива не революций и изнурительных гражданских войн, а эволюции — структурные изменения общества могут происходить в рамках существующего строя [8, с.32].

Р. Дарендорф подчеркивал, что точнее говорить об «урегулировании», а не о «разрешении» конфликтов, поскольку социальные конфликты обычно лишь ограничиваются, локализуются, преобразуются в другие, более приемлемые формы, тогда как термин «разрешение» ориентирует на их полную ликвидацию, что само по себе является утопией [10, p. 224].

Обратной стороной конфликтов является концепция толерантности. Миграция всегда балансирует на грани конфликта и толерантности. При этом в обыденном представлении толерантность понимается просто как некая терпимость к «чужому». Но границы этой терпимости весьма условны и ограничены лишь нормами той политической культуры, которая сложилась на данный момент в конкретно взятой стране.

Толерантность означает не столько терпение, сколько миролюбие. Залогом миролюбия является диалог, возможность понимать другого и в то же самое время быть понятным для других. В условиях пересечения социально-экономических и культурно-политических проблем, миграционные потоки могут, как усиливать, так отчасти и разрешать конфликты. Все зависит от того насколько коренное население и пришлое могут вести диалог вошедших в соприкосновение дух своих культур?

Обычно в подобных ситуациях возникают конфликты. Но они не могут длиться вечно. Конфликт имеет свою динамику развития — становления, апогея и разрешения. Поэтому конфликт — это всегда динамика, которую можно как наращивать, так и уменьшать, в зависимости от существующих целей и задачи политики, экономики или культуры. Управляемые конфликты как раз и рассчитаны на то, чтобы помогать отдельным политикам решать те или иные задачи.

В настоящее время нет возможности говорить о том, что в отношении мигрантов даже в таких продвинутых области соблюдения прав человека регионах, как Западная Европа, существует толерантное отношение. Несмотря на выдающиеся достижения в этих странах демократии и неолиберализма, в восприятии населением «чужих» конфликтность преобладает над толерантностью. Политкорректность оказывается лишь на словах правящих элитных сообществ, но не в практике гражданской повседневности.

Наиболее остро эта проблема встала во Франции и Великобритании. На Британских островах «наибольшее недовольство выражают ирландцы, несмотря на то, что когда-то они и сами были не прочь поехать в гости к своей самой ближайшей соседке Англии и подзаработать деньжат. Как ни странно, но именно в Белфасте четыре года назад (2004) произошло несколько нападений на мигрантов из Азии и Африки. С тех пор в СМИ регулярно поступают новые сообщения об убийствах или нападениях на людей небританского происхождения» [7, с. 6].

Глава МВД Великобритании Т. Макнулти в этой связи заявлял: «Статистика свидетельствует, что работники из новых принятых в блок стран по-прежнему прибывают на работу в Англию. Они занимают незанятые рабочие места, помогая оказывать услуги обществу по всей стране, и способствуют развитию нашей экономики и общества» [7, с. 6]. Между тем, как отмечал министр, в конце 2005 г. количество заявок на работу стало сокращаться. В мае 2007 г. в Великобритании были ужесточены правила приема на работу — на работу могут приглашать только в том случае, если существует острая нехватка кадров в данной сфере. «Масла в огонь» определенно подливает неприязнь «коренного населения». Толерантность здесь существует только в качестве желательного, но не действительного условия взаимоотношения «пришлого» и «коренного» населения. Не смотря на всю культурность и воспитанность британцев, справиться им с «геном» агрессии против «чужих» бывает крайне сложно.

Политической наукой мигрантофобия определяется как «одна из разновидностей ксенофобии, характеризующаяся неприятием и ненавистью к мигрантам. Процесс острого проявления социальных противоречий, затрагивает, как правило, все стороны общественной жизни» [4, с. 410]. Она исключает наличие партнерства и переговоров в случае возникновения конфликтных си-

туаций. Само её наличие свидетельствует о высокой степени угрозы и перерастания конфликта в открытую и активную фазу своего развития.

В самой России конфликты между коренным и приезжим населением могут происходить как на бытовом (например, незнание местных обычаев и языка), так и на социально-политическом уровне. Российские СМИ постоянно отмечают, что коренное общество (резиденты) всегда настороженно относилось и продолжает относиться к пришлому населению. При этом в формировании напряженного взаимоотношении нередко принимают участия и сами власти. Еще менее не «способствуют снятию такого напряжения публичные акции прокремлевских молодежных движений под лозунгами «Каждый второй — домой!», «Наши деньги — нашим людям!» и «Нелегал — вор!». При том, что эти лозунги сами по себе не призывают к насилию в отношении мигрантов, у граждан складывается четкое ощущение того, что власть не только допускает, но и приветствует негативное отношение к инородцам. Понятие «мигрант» и «нелегал» в общественном сознании стали почти синонимами, поэтому не стоит удивляться 300-процентному росту преступлений на национальной почве. Экономические трудности лишь обостряют и без того непростые межнациональные отношения» [9, с. 8].

Сами россияне оказываются в той же самой ситуации, когда становятся мигрантами в страны Евросоюза или США. Ситуация напоминает здесь «зеркальное отражение» — реакция москвичей на приезжих из других регионов России примерно такая же, как и реакция жителей Британских островов на работающих у них иностранцев. «Согласно данным МВД Великобритании, после расширения Евросоюза в мае 2004 г. на работу в страну прибыло около 345,41 тыс. восточноевропейцев. Теперь и шагу нельзя ступить, не услышав напевной русской речи или украинской мовы. В какой магазин ни зайди, приобрести товар вам предлагают русоволосые девушки с подозрительным славянским акцентом… Гуляя по Оксфорд-стрит, иногда забываешь, что находишься в Лондоне. Вообще у британцев особенное отношение к иммигрантам из России и стран СНГ…» [7, с. 6][3].

По наблюдениям русских, живущих в Великобритании, они иногда сталкиваются с проявлением в отношении себя английского национализма. Подчеркнем — именно английского, «потому что шотландцам и валлийцам от англичан тоже достается» [2, с. 15]. В чем это проявляется? На бытовом и профессиональном уровне это выражается в простом умалчивании или «затирании» достоинства и творческих достижений мигрантов и приписывании их успешных результатов деятельности представителей своей национальности. Иными словами — перед нами «бытовой плагиат», стремление во что бы

[3] Тот же источник отмечает, что «русские мигранты не единственные, кто обращает на себя внимание на Британских островах. Бесспорными лидерами являются польские граждане (59% от общего числа приезжих). На втором месте идут литовцы (13%), на третьем словаки (11%) [7, с. 6].

то ни стало показать, что самое лучшее является результатом деятельности исключительно одних только англичан. А о самих русских англичане говорят либо плохо, либо ничего [2].

Одним из существенных факторов мешающих развитию толерантного отношения к миграции является коррупция. Именно она во многом провоцирует и поддерживает конфликтную ситуацию между коренным и пришлым населением. Коррупция одинаково вредна как для гражданского общества, так и для мигрантов, которые порой оказываются вне его социокультурного и политико-правового пространства.

Но есть одна сфера деятельности, где коррупция в равной мере бьет по интересам граждан и мигрантов. Это — строительство жилья. «С недвижимостью в России одна беда. По сути, никакого рынка жилья в России не было и нет. Существуй он, давно бы расставил все по местам. Цены на квартиры в нашей стране — не рыночная величина, а результат коррупционного сговора чиновников и приближенных к ним строительных компаний. Поэтому-то власти Москвы, Питера и ряда других городов совершают, казалось бы, абсурдно бредовые поступки. Например, под крики о том, что надо спасать несчастных, разоряющихся застройщиков (на деле — миллиардеров), скупают на бюджетные средства миллионы квадратных метров по безумно завышенным ценам. Словно специально стараются взять подороже, пока пузырь не лопнул!... На местные власти, которые по уши погрязли в квартирной коррупции, — надежд никаких. Они скорее вообще прекратят застройку, нежели допустят, чтобы жилье стало доступным» [3, с. 6]. От этой квартирной коррупции страдают как сами граждане России (эксперты шутят, что ипотека под 25% годовых равнозначна смертной казни, для тех, кто ее взял!), так и трудовые мигранты, занятые на этих стройках. Кризис в строительстве в первую очередь сказывается именно на них, поскольку именно они оказываются в числе первых потерявших работу.

Еще одной негативной тенденцией является криминализация взаимоотношений резидентов и мигрантов. Случаи насилия над мигрантами и самих мигрантов случаются достаточно часто там, где существует значительный культурный и социально-экономический разрыв между этими группами населения. В странах ЕС эта проблема стоит не менее остро, чем в других соседних с ними регионах. И Россия здесь не является исключением.

Москва является своего рода лакмусовой бумажкой всей России. Убийства и нападения на почве национальной неприязни становятся главной проблемой для столичной милиции. Столичные СМИ отмечают, что «напряжение в обществе нарастает пропорционально числу мигрантов. При этом милицейские операции и молодежные политические акции против нелегалов едва ли можно считать действенным средством борьбы с ксенофобией. «Статистика преступлений на национальной почве в 2008 г. побила все рекорды. Москвичи совер-

шили более 90 нападений на приезжих. По сравнению с 2007 г. рост таких преступлений составил 300%» [9, с. 8].

Выше мы уже отмечали, что конфликт допустим в плане социально-культурного и политико-экономического развития и служит своего рода механизмом развития (согласно Р. Дарендорфу). Но совершенно недопустимо перерастание конфликта в открытую насильственную фазу. Одним из таких «подручных средств», способствующим устранения такого рода конфликтов, является продвижение идеи толерантности (диалога понимания) и повышения уровня доверия.

Аналитики отмечают, что в условиях мирового финансового кризиса (2008 г.) возрастает угроза конфликта среди той трудовой миграции, которая будут вынуждена вернуться из России в свои страны. «Напряженная социальная обстановка и отсутствие возможностей для легального заработка приведет к криминализации наиболее предприимчивой и физически здоровой части бывших мигрантов, росту уголовных преступлений, торговле и транзиту наркотиков, оружия, контрабанды» [1, с. 6].

В качестве традиционного средства развития толерантного отношения между резидентами и мигрантами является культурный диалог. Культурный диалог это возможность на уровне своих национальных ценностей объяснить «другим» что вы собою представляете и одновременно понять, что собой являют ваши собеседники? Культурный диалог направлен на сокращение дистанции существующий между лицами или группами его участников. В качестве не совсем традиционного средства такого культурного диалога следует отметить юмор.

Рассмотренные нами примеры конфликтов между резидентами и мигрантами, характеризуют противоречивую природу миграции вообще и современного ее состояния в частности. С этой проблемой сталкиваются все государства мира. Поэтому мы вправе говорить о глобализации этого процесса, и о том, что его можно решить только сообща. Отдельная страна, находящаяся один на один с этой проблемой (особенно с проблемой нелегальной, неконтролируемой миграции и неконтролируемого межэтнического конфликта возникшего на его основе), может соблазниться решить эту проблему исключительно силовыми средствами, что означает непременно нарушение прав человека (репрессии, этнические чистки и т. д., как минимум, ведущие к гуманитарной катастрофе, а как максимум, — провоцирующие кровопролитные социальные волнения и гражданские войны). Для избежание подобных катаклизмов, общество и государство должны научиться своевременно предупреждать конфликты и успешно их разрешать. Те общества и государства, которые не умеют это эффективно делать, обрекают своих граждан на перманентный характер политического конфликта.

Выше мы уже отмечали, что рассматриваемый нами конфликт не имеет четких государственных границ. В условиях глобализации социально-политических процессов и при нарастании мирового финансового кризиса возможно «экспорт конфликта», его разрастания, особенно когда он приобретает неуправляемый характер. Для предотвращения этого «экспорта» власти и обществу надлежит заранее продумать ряд мер по нивелировки деструктивных отношений и выработки четких рекомендаций для всех участников этого конфликта.

Библиографический список

1. 1. *Васильев И.* Миграционный потоп // Российские вести. 2009. № 8 (1950).
2. 2. *Воронцов А.* «Англичане о русских говорят либо плохо, либо ничего» // Известия. 2009. № 20 (27791).
3. 3. *Гурдин К.* Пятерка по экономике // Аргументы недели. 2008. № 52 (138).
4. 4. *Дмитриев А. В.* Миграция: конфликтное измерение. М.: Альфа-М, 2007.
5. 5. *Дорендорф Р.* Элементы теории и социального конфликта // Социс, 1994. № 5.
6. 6. *Карабущенко Н. Б.* Психологическая дистанция (в дихотомии «элита — масса»). М.: Прометей, МПГУ, 2002.
7. 7. *Сергеенко Е.* Понаехали тут… // Российские вести. 2008. № 45-46 (1941-1942).
8. 8. *Тагиров Э. Р., Тронова Л. С.* Конфликты в обществе: от противостояния к согласию. Казань: Изд-во КФЭИ. 1996.
9. 9. *Уколов Р.* Кризисный катализатор ксенофобии // Независимая газета. 2009. № 015 (4647).
10. 10. *Darendorf R.* Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford Univ. Press, 1965.

АННОТАЦИИ

Филиппов Ю. В. Обновление России: организационно-управленческие ресурсы местного развития.

Статья адресуется прежде всего тем, кто по роду своей деятельности причастны к проблематике муниципального управления. Автор рассматривает сущность понятия модернизации в контексте глубины и масштаба общественных преобразований. Особое внимание уделяется проблемам управления развитием на местном уровне.

Библиогр. 14 назв.

Рябикина З. И., Фоменко Г. Ю. Субъектно-бытийный подход: преемственность традиций.

В статье субъектно-бытийный подход рассматривается и анализируется в плане развития положений философско-антропологической концепции С. Л. Рубинштейна. Подчёркивается, что данный подход приобретает особую актуальность на этапе постнеклассического развития психологии в связи с процессами интеграции и онтологизации психологии, расширением её предметной области, а также потребностями в качественно ином масштабе и уровне исследовательского мышления. Показано, каким образом становление психологии человеческого бытия демонстрирует актуальность и эвристичность идей, заложенных в концепции С. Л. Рубинштейна.

Библиогр. 48 назв.

Шиповская В. В. Психологический феномен беспомощности (статья первая).

Статья посвящена теоретическому анализу феномена беспомощности. Поскольку феномен беспомощности не вычленен в психологии, он рассмотрен с позиций разных психологических подходов: психоаналитического,

экзистенциально-гуманистического, бихевиористского и др. В результате теоретического обобщения признается необходимость использовать понятие личностной беспомощности. Это многокомпонентное личностное свойство, устойчивая тенденция к переоценке расхождения личностных ресурсов и требований ситуации, субъективно оцениваемой как непреодолимая и неподконтрольная, проявления которой могут иметь специфические черты, обусловленные содержанием сложной ситуации.

Библиогр. 53 назв.

Седых А. Б. Вклад Джона Льюиса Холланда в психологию профессий и карьеры (к 90-летию со дня рождения известного учёного).

Статья посвящается видному американскому психологу Д. Л. Холланду (1919-2008). Представлена его краткая биография, основные вехи карьеры. Описывается вклад Холланда в развитие психологии профессий и карьеры, обсуждаются основы его теории и разработанные им методы психологического измерения. Приводится библиография основных англоязычных источников, раскрывающих теорию Д. Л. Холланда.

Библиогр. 15 назв.

Гринь Е. И. Психическое выгорание в спорте: теоретические модели и причины феномена.

В статье рассматриваются основные теоретические модели и причины психического выгорания в спорте, описываются его симптомы. Поднимаются вопросы, требующие специального изучения.

Библиогр. 29 назв.

Стеценко А. И. Признаки когнитивного диссонанса в вузе.

Речь в статье идёт об особенностях познавательных процессов в вузе и связанных с ними проблемах студентов. Основываясь на материалах эмпирического исследования, автор рассматривает причины возникновения и технологии преодоления возникающего у них когнитивного диссонанса. Делается вывод: сложившиеся у студенчества смысловые ориентации на цель пребывания в вузе говорят о том, что условия обучения способствуют развитию облегчённых настроений студентов в отношении учёбы.

Библиогр. 8 назв.

Сидорова С. В. Место и роль средств массовой информации в антитеррористическом образовании молодёжи.

В ситуации активизации терроризма СМИ должны уделять особое внимание психологическому, идейному и геополитическому просвещению населения, в первую очередь, молодежи. В рамках противодействия терроризму средства массовой информации должны ориентироваться на развенчание ложных идей и концепций, которые могут способствовать формированию неблагоприятного имиджа государства в борьбе с терроризмом, особенно в молодежной среде. Прежде всего, необходимо разъяснять разницу между понятиями «терроризм», «террор» и «национально-освободительное движение».

Библиогр. 18 назв.

Баранов Н. А. Взаимодействие церкви и государства в современной России.

Автор исследует основные тенденции развития взаимоотношений между Русской православной церковью и государством в 1990-х — 2000-х гг. Особое внимание уделяется Основам социальной концепции РПЦ, определяющей её отношение к широкому кругу светских проблем. Как показывает анализ, церковь стремится строить свои отношения с государством в духе «тактичного социального партнёрства».

Библиогр. 18 назв.

Жихарев С. Г. Современные конфликты и противоречия миграции (российский и мировой опыт).

Статья посвящена проблемам современной миграции. На основе современных данных автор раскрывает ряд важных конфликтологических проблем, которые возникают на почве как экономического кризиса, так и кризиса в понимании между коренным населением и приезжими.

Библиогр. 10 назв.

SUMMARY

Filippov Y.V. Upgrading Russia: organizational and managerial resources of local development.

The article is addressed primarily to those who by the nature of their activities involved in the problems of municipal management. The author examines the essence of the concept of modernization in the context of the depth and extent of social change. Particular attention is paid to problems of development management at the local level.

Ryabikina Z.I., Fomenko G.U. Subject-existential approach: the continuity of traditions.

In this paper subjective-existential approach is considered and analyzed in terms of the provisions of the philosophical-anthropological concept of S.L Rubinstein. It is emphasized that this approach is especially important during post-nonclassical development of psychology in connection with the processes of integration and ontologisation psychology, an expansion of its domain, as well as the needs of a qualitatively different scale and level of research thinking. It is shown how the formation of psychology of human existence demonstrates the relevance and heuristic ideas incorporated in the concept of S.L. Rubinstein.

Shipovskaya V.V. Psychological phenomenon of helplessness (Article One).

The article is devoted to theoretical analysis of the phenomenon of helplessness. The phenomenon of helplessness is not singled out in psychology, it is considered from the standpoint of different psychological approaches: psychoanalytic, existential-humanistic, behavioral, etc. As a result, the theoretical generalization recognized the need to use the concept of personal helplessness. This is a multi-component personal property, a steady trend towards revaluation differences of personal resources and requirements of the situation, subjectively evaluated as an irresistible and uncontrollable, the manifestations of which may have specific features, resulting in complex situations.

Sedykh A.B. The contribution of John Lewis Holland in the psychology of occupations and career (to the 90-th anniversary of the famous scientist).

The article is dedicated to an eminent American psychologist D.L. Holland (1919-2008). Presented by his brief biography and career milestones. Described Holland's contribution to the development of psychology of occupations and careers, discusses the basics of his theory and his method of psychological measurement. There is a bibliography of the major English-language sources, revealing the theory D.L. Holland.

Grin E.I. Mental burnout in sport: theoretical models and the reasons for the phenomenon.

This article discusses the basic theoretical models and the reasons for mental burnout in sport, describes its symptoms. The issues that require special consideration.

Stetsenko A.I. Signs of cognitive dissonance in university.

This article is about the features of cognitive processes in the university and the related problems of students. Based on the materials of empirical research, the author examines the causes and deal with the emerging technology of their cognitive dissonance. The conclusion: the students have formed the semantic orientation of the target stay at the university say that the learning environment contribute to the development of light-minded students on learning.

Sidorova S.V. Place and role of media in combating terrorism education of youth.

In a situation of increased terrorism, the media should pay special attention to psychological, ideological and geopolitical educate the population, primarily young people. As part of counter-terrorism media should focus on the debunking of false ideas and concepts that can help create an adverse image of the state in the fight against terrorism, especially among youth. First of all, it is necessary to explain the difference between "terrorism", "terror" and "national liberation movement".

Baranov N.A. Interaction between church and state in contemporary Russia.

The author examines the main trends of development of relations between the Russian Orthodox Church and the State in the 1990's - 2000's. Particular attention is paid to fundamentals of the social concept of the ROC, determining its relevance to a wide range of secular concerns. The analysis shows that the church seeks to build its relations with the state in the spirit of "tact social partnership".

Zhikharev S.G. Contemporary conflicts and contradictions of migration (the Russian and world experience).

The article deals with the problems of contemporary migration. Based on modern data, the author reveals a number of important Conflictological problems that arise on the basis of both economic crisis and the crisis in the understanding between indigenous people and newcomers.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ» В 2009 Г.

Баранов Н.А. Взаимодействие церкви и государства в современной России . . . . . №4

Гринь Е.И. Психическое выгорание в спорте: теоретические модели и причины феномена . . . . . №4

Дёмин А.Н. Методологические и мировоззренческие уроки Побиска Георгиевича Кузнецова (к 85-летию со дня рождения). . . . . №2

Дмитрук С.В. Порядок занятия высшего поста в системе исполнительной власти: институциональный аспект. . . . . №1

Жихарев С.Г. Современные конфликты и противоречия миграции (российский и мировой опыт) . . . . . №4

Зюзина Е.Б. Историческая эволюция политической элиты США . . . . . №3

Калашникова О.А. Проблемы взаимоотношений региональных и муниципальных органов власти в контексте реформирования системы местного самоуправления (на материалах Краснодарского края) . . . . . №2

Кимберг А.Н. Диссертационные исследования по психологическим наукам, защищённые в Кубанском государственном университете в 2008 году . . . . . №1

Коваленко С.А. Контрактное обучение как фактор мотивации к успешной учёбе . . №1

Кольба А.И. Межэтническая толерантность: концептуальные основы и политические практики (материалы к учебному курсу). . . . . №2

Коне Я. Законодательная и исполнительная власть в республике Мали: вопросы взаимоотношений и мировой опыт. . . . . №3

Крылова Е.М. Роль концессий в развитии предпринимательского сектора и частно-муниципального партнерства. . . . . №3

Марьяненко Д.А. Факторы кросситуативной устойчивости самооценки личности №1

Меньшиков В.В. Прогнозирование властных процессов: методологический аспект №1

Насимова Г.О. Основные факторы и причины возникновения конфликтов в Казахстане. . . . . №1

Никовская Л.И., Якимец В.Н. Антикризисный потенциал публичной политики: введение в проблему её состояния в регионах России . . . . . №3

Новоселов С.В. Наркоагрессия как угроза национальной безопасности: региональный аспект . . . . . №2

Новоселов С.В. Национальная безопасность: научный аспект . . . . . №1

Омельченко Н.В. Психология восприятия и оценивания компьютерных игр разных жанров: исследование личностных конструктов . . . . . №1

Подвойский Л.Я. Социально-политическая традиция платонизма в русской политической мысли . . . . . №2

Поляков Е.М. Кибернетика, меметика и теория массовой коммуникации: обзор естественнонаучных подходов к проблемам социологии . . . . . №3

Психология безопасности: междисциплинарный подход (материалы круглого стола). . . . . №2

Рымарев Н.Ю., Чистилин А.Н. Олимпиада по психологии - 2009 на Кубани . . . . . №3

Рябикина З.И., Фоменко Г.Ю. Субъектно-бытийный подход: преемственность традиций . . . . . №4

Седых А.Б. Вклад Джона Льюиса Холланда в психологию профессий и карьеры (к 90-летию со дня рождения известного учёного). . . . . №4

Семёнова В.Э. Теоретико-методологические поиски феминизма в пространстве проблемы «равенство – различие» . . . . . №3

Сидорова С.В. Место и роль средств массовой информации в антитеррористическом образовании молодёжи . . . . . №4

Соколова Т.С. Политика регулирования иммиграционных потоков и интеграции иммигрантов в ведущих европейских странах . . . . . №1

Стеценко А.И. Признаки когнитивного диссонанса в вузе . . . . . №4

Стоякин В.В. Роль GR-менеджмента в формировании цивилизованного корпоративного лоббизма в российских регионах. . . . . №2

Сухих С.А. Этнопсихология, менталитет и особенности русской интеллигенции . №3

Улько Е.В. О Всероссийской научно-практической конференции «Человек. Сообщество. Управление: взгляд молодых исследователей» (апрель 2009, г. Краснодар) . . . . . №3

Филиппов Ю.В. Обновление России: организационно-управленческие ресурсы местного развития . . . . . №4

Черная Е.А. Инновационное развитие региона (по материалам Краснодарского края) . . . . . №3

Шамионов Р.М. О проблеме этнической социализации . . . . . №3

Шиповская В.В. Психологический феномен беспомощности (статья первая) . . . . . №4

Ясько Б.А. Некоторые аспекты формирования индивидуального стиля деятельности врача . . . . . №1

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

Журнал публикует работы в области политологии и политического управления, государственного и муниципального управления, местного хозяйства, менеджмента и управленческого консультирования, социологии управления, общей психологии и психологии личности, социальной и экономической психологии, психологии развития, психологии труда, педагогики и др. областях. Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п. л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением («прищепкой») по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов). Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. Рукопись должна сопровождаться рецензией, написанной специалистом в той области научных исследований, которая затрагивается автором.

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе (-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных. Внутритекстовая ссылка обозначается квадратными скобками. Она должна содержать номер источника и страница (или страницы), на которую (-ые) делается ссылка. Пример ссылки: [3, с. 67] означает, что цитируется страница 67 источника под номером 3 *Библиографического списка*.

Резюме. Рукопись должна включать резюме статьи объемом не более 800 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). Плата за публикацию с авторов журнала, в т. ч. с аспирантов, не взимается.

Редакция журнала располагается по адресу: Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы.

В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати.

Образец оформления рецензии:

Рецензия

на рукопись статьи

Иванова Ивана Ивановича, к. пол. н., доц. кафедры политологии НГУ

Текст рецензии, в которой в свободной форме излагается мнение рецензента относительно: 1) научной проблемы, решаемой автором, и ее новизны; 2) актуальности проблемы; 3) теоретической и практической значимости статьи; 4) соответствия или несоответствия положений и выводов автора современным научным концепциям, существующим в данной области исследования; 5) личного вклада автора статьи в решение рассматриваемой проблемы; 6) оценки статьи с точки зрения языка, логики и стиля изложения материала, обоснованности и достоверности выводов и заключений.

Рецензентом дается заключение о целесообразности публикации конкретного материала.

Рецензент

ФИО, научное звание, должность

«____» _____ 20___г.

_____ подпись, заверенная печатью